

ТАЙНЫ КРЕМЛЁВСКОЙ
БОЛЬНИЦЫ

ЮРИЙ ЛОПУХИН
АЛЕКСАНДР МЯСНИКОВ

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕНИНА И СТАЛИНА

Annotation

А. Л. Мясников и Ю. М. Лопухин, доктора медицинских наук, академики РАМН, известны тем, что первыми решились опубликовать подлинные материалы о болезни и смерти Ленина и Сталина. Эти материалы развеивают всевозможные мифы, которыми обросли смерти вождей, и предоставляют читателю полную и достоверную информацию.

Ю. М. Лопухин рассказывает, как в действительности протекала болезнь В. И. Ленина, говорит об официальном диагнозе его смерти, вызывающем много вопросов, – касается и версии, получившей хождение в прессе, о сифилитическом поражении мозга Ленина.

А. Л. Мясников лечил И. С. Сталина и оставил правдивое свидетельство о последних часах и причинах смерти вождя.

-
- [Юрий Лопухин, Александр Мясников](#)
 -
 - [Ю. М. Лопухин](#)
 - [Болезнь](#)
 - [Диагноз](#)
 - [Смерть](#)
 - [Вскрытие](#)
 - [Решение о бальзамировании](#)
 - [Бальзамирование](#)
 - [Секреты бальзамирования](#)
 - [Эвакуация тела Ленина](#)
 - [Воспоминания о болезни и смерти Ленина](#)
 -
 - [Последние месяцы в Горках](#)
 - [Больной Ленин](#)
 - [История болезни Ленина](#)
 - [Как выглядел Ленин](#)
 - [У постели Ленина](#)
 - [Последний год Ленина](#)
 - [Смерть Ленина](#)
 - [Вскрытие тела Ленина](#)
 - [Анатомические изменения мозга Ленина](#)
 - [Бальзамирование тела Ленина](#)

- [А. Л. Мясников](#)
 - [Репрессии](#)
 - [«Дело генетиков»](#)
 - [«Дело врачей»](#)
 - [Смерть Сталина](#)
 - [Указатель имен](#)
-

Юрий Лопухин, Александр Мясников
Болезнь и смерть Ленина и Сталина
(сборник)

Ю. М. Лопухин
Смерть Ленина

Болезнь

Болезнь В. И. Ленина, первые признаки которой появились в середине 1921 года, протекала своеобразно, не укладываясь ни в одну из обычных форм мозговых заболеваний. Начальные ее проявления в виде кратковременных головокружений с потерей сознания, дважды случившиеся с ним в 1921 году, как, впрочем, и субъективных ощущений навалившейся тяжелой усталости, мучительные страдания от постоянной бессонницы и головных болей вначале рассматривались близкими (да и лечащими врачами) как признаки переутомления, результат чрезмерного напряжения, последствия многочисленных волнений и переживаний, связанных с революцией, гражданской войной, разрухой, внутрипартийными распрями, первыми, все еще скромными успехами нового строя.

В июле 1921 года Ленин писал А. М. Горькому: «Я устал так, что ничегошеньки не могу». Да и было от чего устать: работать Ленину приходилось невероятно много. Сестра Ленина М. И. Ульянова свидетельствует, что, например, 23 февраля 1921 года Ленин принимал участие в 40 (!) заседаниях, на которых он председательствовал, давал распоряжения, писал проекты постановлений. Кроме того, в этот же день он принял 68 человек для бесед по текущим проблемам. И так было, по существу, ежедневно.

«С заседаний Совнаркома, – вспоминает М. И. Ульянова, – Владимир Ильич приходил вечером, вернее ночью часа в 2, совершенно измотанный, бледный, иногда даже не мог говорить, есть, а наливал себе только чашку горячего молока и пил его, расхаживая по кухне, где мы обычно ужинали».

Врачи, его лечившие (даже такой опытный терапевт, как профессор Ф. А. Гетье, невропатолог Л. О. Даркшевич и вызванные из Германии профессора О. Ферстер и Г. Клемперер), на первых порах считали, что у Ленина ничего, кроме сильного переутомления, нет.

«Никаких признаков органической болезни центральной нервной системы, в особенности мозга, налицо не имеется» – таково было заключение немецких профессоров. Все сходились на необходимости длительного отдыха, который, впрочем, как это стало ясно позже, мало ему помогал.

Зиму 1921/22 года В. И. Ленин пережил тяжело: вновь появились головокружения, бессонница и головные боли. По свидетельству

профессора Даркшевича, приглашенного к нему 4 марта 1922 года, имелись «два тягостных для Владимира Ильича явления: во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишивших его возможности работать так, как он работал раньше, а, во-вторых, ряд навязчивостей, которые своим появлением сильно пугали больного».

Ленин с тревогой спрашивал Даркшевича: «Ведь это, конечно, не грозит сумасшествием?». В отличие от врачей, лечивших и наблюдавших Ленина и уверявших его, что все симптомы – это результат переутомления, сам Ленин уже к этому времени понимал, что болен тяжело.

По поводу первых своих обмороков (головокружений) он уверял Н. А. Семашко, что «это первый звонок». А несколько позже в разговоре с профессорами В. В. Крамером и А. М. Кожевниковым после очередного приступа Ленин заметил: «Так когда-нибудь будет у меня кондрашка. Мне уже много лет назад один крестьянин сказал: “А ты, Ильич, помрешь от кондрашки”, – и на мой вопрос почему он так думает, он ответил: “Да шея у тебя уж больно короткая”».

6 марта 1922 года Ленин уехал на две недели в деревню Корзинкино Московского уезда. Оставленные в Москве дела и заботы, однако, не отпускали его ни на минуту. В Корзинкине он пишет статью «О значении воинствующего материализма», готовится к выступлению с политическим отчетом ЦК на XI съезде партии большевиков. Его тревожат проблемы монополии внешней торговли, судьба Публичной библиотеки, возвращение трупы МХАТ из-за границы, финансовое положение высшей школы, развитие концессий, подготовка к Генуэзской конференции, состояние кинофотодела в стране. Он приходит к непростому, но вынужденному решению о необходимости изъятия церковных ценностей для борьбы с голодом, охватившим в это время Поволжье. Его нервируют факты злоупотребления местных властей, волокита с закупкой за границей мясных консервов, работа Совета Труда и Оборона и т. д. и т. д. 25 марта 1922 года он возвращается в Москву. 26 марта дорабатывает план политического отчета ЦК. 27 марта он открывает XI съезд РКП(б) и выступает с полуторачасовым политическим отчетом ЦК.

* * *

В начале апреля состояние Ленина несколько улучшилось, однако вскоре все тягостные симптомы болезни проявились с новой силой:

появились мучительные головные боли, изнуряющая бессонница, нервозность. Ленин не смог участвовать во всех заседаниях XI съезда партии и только в конце (2 апреля) выступил с очень коротким заключительным словом.

10 апреля он отказывает Е. С. Варге в просьбе написать статью о новой экономической политике – своем любимом детище, для ежегодного журнала Коминтерна, ссылаясь на скверное самочувствие.

Немецкие профессора Клемперер и Ферстер настаивают на удалении пуль, находившихся в тканях правого плеча и в правой надключичной области после покушения на Ленина 30 августа 1918 года на заводе Михельсона в Москве. Они полагали, что плохое самочувствие В. И. Ленина может быть результатом хронического свинцового отравления (позже Клемперер отрицал это). Решение весьма спорное и сомнительное, учитывая, что за четыре года, прошедших после покушения, пули уже осумковались и, как полагал профессор В. Н. Розанов, операция по их извлечению принесет больше вреда, чем пользы. Да и сам Ленин относился к этому предложению скептически: «Ну, одну-то давайте удалим», – согласился он с Розановым, предложившим извлечь пулю, расположенную под кожей над правой ключицей, и не трогать другую. И добавил: «Чтобы ко мне не приставали и чтобы никому не думалось». 22 апреля 1922 года в Институте биофизики Ленину сделали рентгенограмму грудной клетки, а 23 апреля его госпитализируют в Солдатенковскую больницу. Из Германии был приглашен хирург Ю. Борхардт, который и удалил надключичную пулю. (Спустя много лет профессор А. Д. Очкин неверно, но, видно, не без умысла и не без помощи цензуры, написал, что Ленина оперировал Розанов, а не Борхардт.) Ленин хотел тотчас после операции уехать, однако врачи настояли оставить его в палате нынешней Боткинской больницы на сутки.

24 апреля Ленин продиктовал проект директивной телеграммы на Генуэзскую конференцию, 27-го – участвовал в заседании политбюро, 28-го – правил корректуру брошюры «Старые статьи на близкие к новым темы». Май был насыщен, как всегда, текущими делами. Ленин пишет статью (2 мая) «К десятилетнему юбилею “Правды”»; решает вопросы о внутреннем хлебном займе, железных дорогах, увеличении ассигнования на народное образование; он беспокоится о ходе Генуэзской конференции и шлет директивную телеграмму Г. В. Чичерину, 4 мая – участвует в заседании политбюро ЦК партии, где окончательно принимается решение о борьбе с голодом путем продажи церковных ценностей за границей. (Этот акт, в котором часть нынешних историков усматривают только варварство, на

самом деле был мотивирован чудовищным голодом в Поволжье из-за небывалой засухи и неурожая, иными словами, соображениями гуманности. Другое дело – нередко варварское исполнение этого решения на местах.) Трижды – 11, 16 и 18 мая – Ленин принимает участие в заседаниях политбюро и пленума ЦК, где принимались важные решения: о натуральном налоге, о библиотечном деле, развитии Академии наук, об Уголовном кодексе, о создании радиотелефонного центра и развитии радиотехники, об исследовании Курской аномалии, о монополии внешней торговли (этот вопрос еще долго не будет сходить со сцены).

Однако самочувствие Ленина было очень плохим: мучила бессонница с бесконечным ночным «прокручиванием» нерешенных проблем, участились головные боли, снизилась работоспособность.

«Каждый революционер, – говорил в это время Ленин профессору Даркшевичу, постоянно его наблюдавшему, – достигший 50 лет, должен быть готовым выйти за фланг: продолжать работать по-прежнему он больше уже не может; ему не только трудно вести какое-нибудь дело за двоих, но и работать за себя одного, отвечать за свое дело ему становится не под силу. Вот эта-то потеря трудоспособности, потеря роковая, и подошла незаметно ко мне – я совсем стал не работник».

* * *

В конце мая 1922 года Ленин решил отдохнуть в Боржоми или в местечке Шарташ в четырех верстах от Екатеринбурга, полагая, что отдых будет полезен не только ему, но и Н. К. Крупской, страдавшей гипертиреозом (болезнью Базедова или Грейвса). Однако планам этим не суждено было сбыться.

23 мая Ленин уехал в Горки, где пытался работать, однако вид у него, по свидетельству близких, был больной и подавленный. 25 мая после ужина у Ленина появилась изжога, что, впрочем, случалось и ранее. Вечером перед сном он почувствовал слабость в правой руке; около 4 часов утра у него была рвота, сопровождавшаяся головной болью. Утром 26 мая Ленин с трудом объяснил случившееся, не мог читать (буквы «поплыли»), попробовал писать, но сумел вывести только букву «м». Он ощущал слабость в правой руке и ноге. Такие ощущения продолжались недолго, около часа, и затем исчезли.

Парадоксально, но никто из приглашенных врачей: ни многоопытный профессор Гетье, ни лечивший его постоянно доктор Левин не заподозрили

мозговое заболевание, а полагали, что все это следствие гастрита, тем более что и у матери Ленина подобное случалось. По совету Гетье Ленин принял слабительное (английскую соль), и ему был предписан покой.

Поздно вечером в субботу, 27 мая, появилась головная боль, полная потеря речи и слабость правых конечностей. Утром 28 мая приехал профессор Крамер, который впервые пришел к выводу, что у Ленина мозговое заболевание, характер которого ему был не совсем ясен. Диагноз его был такой: «явление транскортикальной моторной афазии на почве тромбоза». Иными словами – утрата речи из-за поражения моторно-речевой зоны головного мозга на почве закупорки (тромбоза) сосудов. Какова природа тромбоза – оставалось неясно. Крамер полагал: в основе лежит атеросклероз, однако то обстоятельство, что явление паралича конечностей и расстройство речи быстро прошли, Крамер объяснял поражением не магистральных (как это чаще бывает при атеросклерозе), а мелких сосудов головного мозга.

Болезнь и в самом деле носила необычный характер. Параличи и парезы то правой руки или правой ноги, то той и другой вместе повторялись в дальнейшем многократно и быстро исчезали. Головные боли носили тоже периодический характер и без какой-либо одной определенной локализации. У Ленина изменился почерк – он стал мелким, бросалась в глаза трудность выполнения простых арифметических задач, утрата способности к запоминанию, но, что самое поразительное, полностью, до последней финальной стадии, сохранялся профессиональный интеллект.

Для тяжелого атеросклероза многое было нетипичным: сравнительно молодой возраст (ему едва минуло 50 лет), сохранившийся интеллект, отсутствие каких-либо признаков нарушения кровообращения в сердце, конечностях; не было и явных признаков повышенного кровяного давления, способствующего появлению инсультов и тромбозов мозговых сосудов. Кроме того, как правило, поражения мозга при инсультах или тромбозах необратимы, имеют тенденцию к прогрессированию и, в принципе, бесследно не исчезают. При характерном для атеросклероза недостатке кровоснабжения мозга (ишемии), особенно длительном, интеллектуальные дефекты неизбежны, и чаще всего они выражаются в виде слабоумия или психоза, чего у Ленина по крайней мере до конца 1923 года не отмечалось.

29 мая собрался большой консилиум: профессора Россолимо, Крамер, Гетье, Кожевников, Семашко (нарком здравоохранения). Вот запись невропатолога Россолимо: «Зрачки равномерны. Парез правого n. Facialis (лицевой нерв. – Ю. Л.). Язык не отклоняется. Апраксия (онемение. – Ю.

Л.) в правой руке и небольшой парез в ней. Правосторонняя гемианопсия (выпадение поля зрения. – Ю. Л.). Двусторонний Бабинский (имеется в виду особый диагностический рефлекс. – Ю. Л.), затушеванный вследствие сильной защитной реакции. Двусторонний ясный Оппенгейм. Речь невнятная, дизартичная, с явлениями амнестической афазии».

Профессор Г. И. Россолимо признавал, что болезнь Ленина имеет «своеобразное, не свойственное обычной картине общего мозгового артериосклероза» течение, а Крамер, пораженный сохранностью интеллекта и, как показали дальнейшие наблюдения, периодическими улучшениями состояния, считал, что это не укладывается в картину артериосклероза (в принятой в те годы терминологии не было привычного нам термина «атеросклероз»), ибо «артериосклероз представляет собой заболевание, имеющее уже в самой природе нечто такое, что ведет за собой к немедленному, но всегда прогрессирующему нарастанию раз возникших болезненных процессов».

Словом, было много непонятного. Гетье, по словам Л. Д. Троцкого, «откровенно признавался, что не понимает болезни Владимира Ильича».

* * *

Одно из предположений, которое, естественно, составляло врачебную тайну, будучи только догадкой, сводилось к возможности сифилитического поражения головного мозга.

Для врачей России, воспитанных на традициях С. П. Боткина, который говорил, что «в каждом из нас есть немного татарина и сифилиса», и что в сложных и непонятных случаях болезней следует непременно исключить специфическую (т. е. сифилитическую) этиологию заболевания, такая версия была вполне естественной. Тем более что в России сифилис в конце прошлого – начале текущего века в разных формах, включая наследственную и бытовую, был широко распространен.

Это предположение было мало и даже ничтожно маловероятным хотя бы потому, что Ленин отличался в вопросах семьи и брака абсолютным пуританством, хорошо известным всем, кто его окружал. Однако консилиум врачей решил тщательно проверить и эту версию. Профессор Россолимо в разговоре с сестрой Ленина Анной Ильиничной Ульяновой 30 мая 1922 года сказал: «...Положение крайне серьезно, и надежда на выздоровление явилась бы лишь в том случае, если в основе мозгового процесса оказались бы сифилитические изменения сосудов».

29 мая на консультацию был приглашен профессор А. М. Кожевников – невропатолог, специально исследовавший сифилитические поражения мозга (еще в 1913 году он опубликовал статью «К казуистике детских и семейных параличезических заболеваний нервной системы» в журнале «Невропатология и психиатрия им. С. С. Корсакова», 1913). Он взял кровь из вены и спинномозговую жидкость из позвоночного канала для исследования на реакцию Вассермана и изучения клеточного состава полученного материала.

На следующий день был приглашен и опытный окулист М. И. Авербах для изучения глазного дна. Глазное дно позволяет оценить состояние кровеносных сосудов мозга, так как глаз (точнее, его сетчатка) – это, по сути, выведенная наружу часть мозга. И здесь не было никаких заметных изменений сосудов или патологических образований, которые указывали бы на атеросклероз, сифилис или другую причину болезни мозга. Думаю, что, несмотря на все эти данные, лечащие врачи и особенно Ферстер и Кожевников все-таки не исключали полностью сифилитический генез мозговых явлений. Об этом, в частности, свидетельствует назначение инъекций мышьяка, который, как известно, долгое время был основным противосифилитическим средством.

По-видимому, Ленин понял подозрения врачей и как-то во время визита Кожевникова в начале июля 1923 года заметил: «Может быть, это и не прогрессивный паралич, но, во всяком случае, паралич прогрессирующий».

Сам Ленин не обольщался обычными врачебными утешениями и объяснениями всего случившегося нервным переутомлением. Более того, он был уверен, что близок конец, что он уже не поправится.

* * *

30 мая 1922 года, будучи в крайне угнетенном состоянии, Ленин попросил, чтобы к нему приехал Сталин. Зная твердый характер Сталина, Ленин обратился к нему с просьбой принести ему яд, чтобы покончить счеты с жизнью.

Сталин передал содержание разговора Марии Ильиничне Ульяновой. «Теперь момент, о котором я вам раньше говорил, наступил, – будто бы сказал Владимир Ильич Сталину, – у меня паралич и мне нужна ваша помощь».

Сталин обещал привезти яд, однако тут же передумал, боясь, что это

согласие как бы подтвердит безнадежность болезни Ленина. «Я обещал, чтобы его успокоить, – сказал Сталин, – но если он в самом деле истолкует мои слова в том смысле, что надежды больше нет? И выйдет как бы подтверждение его безнадежности?»

Сталин немедленно вернулся к больному и уговорил его подождать до времени, когда надежды на выздоровление уже не будет. Более того, Сталин оставил письменный документ, из которого явствует, что он не может взять на себя такую тяжкую миссию. Он хорошо понимал всю историческую ответственность и возможные политические последствия такого акта.

После 1 июня 1922 года здоровье Ленина начало улучшаться. Уже 2 июня профессор Ферстер отметил: «Исчезли симптомы поражения черепно-мозговых нервов, в частности лицевого и подъязычного, исчез парез правой руки, нет атаксии, ненормальные рефлексy (Бабинского, Россолимо, Бехтерева) отсутствуют. Восстановилась речь. Чтение беглое. Письмо: делает отдельные ошибки, пропускает буквы, но сейчас же замечает ошибки и правильно их исправляет».

11 июня Ленину стало уже значительно лучше. Проснувшись, он сказал: «Сразу почувствовал, что в меня вошла новая сила. Чувствую себя совсем хорошо... Странная болезнь, – прибавил он, – что бы это могло быть? Хотелось бы об этом почитать».

И Ленин в самом деле начал читать медицинские книги, заимствованные у младшего брата – врача Дмитрия Ильича.

13 июня в Горках Ленина перенесли на носилках в Большой дом в комнату, из которой выходила дверь на террасу.

16 июня Ленину разрешили встать с постели, и он, как рассказывала медицинская сестра Петрашева: «Пустился даже со мной в пляс».

Несмотря на хорошее в целом состояние, время от времени у Ленина появлялись непродолжительные (от нескольких секунд до минут) спазмы сосудов с параличами правых конечностей, не оставляя, впрочем, после себя заметных следов. «В теле делается вроде буквы “s” и в голове тоже, – объяснял эти “кондрашки” Ленин. – Голова при этом немного кружится, но сознание не терял. Удержаться от этого невыносимо... Если бы я не сидел в это время, то, конечно, упал бы».

К сожалению, нередко он и падал. По этому поводу Ленин шутил: «Когда нарком или министр абсолютно гарантирован от падения?» – и с грустной усмешкой отвечал: «Когда он сидит в кресле».

Спазмы, которых до конца июня у него было 10, его беспокоили и расстраивали. В течение лета, в июле, августе, припадки были значительно реже. Сильный спазм с потерей речи и парезом конечностей случился 4

августа после инъекции мышьяка и закончился через 2 часа полным восстановлением функций. В сентябре их было только 2, да и то слабые. Головные боли, бывшие в июне почти ежедневно, в августе прекратились. Наладился и сон; бессонница была только после свиданий с коллегами по партии.

Профессор Ферстер, которому Ленин верил больше других, 25 августа отметил полное восстановление двигательных функций, исчезновение патологических рефлексов. Он разрешил чтение газет и книг.

* * *

В августе Ленина более всего занимали проблемы контроля и работа Наркомата рабоче-крестьянской инспекции.

В сентябре он уже пишет обстоятельную записку в рабоче-крестьянскую инспекцию В. А. Аванесову об изучении зарубежного опыта и организации работы канцелярского труда в советских учреждениях.

10 сентября пишет рецензию «Ложка дегтя в бочке меда» на книгу О. А. Ерманского «Научная организация труда и производства и система Тейлора». 11 сентября консилиум в составе профессоров О. Ферстера, В. В. Крамера, Ф. А. Гетье разрешает Ленину приступить к работе с 1 октября.

2 октября 1922 года Ленин возвращается в Москву. Дела захлестывают его через край, 3 октября он председательствует на заседании Совнаркома, 6 октября участвует в работе пленума ЦК партии, но чувствует себя очень плохо. 10 октября вновь заседание Совнаркома. Он отказывается принять участие в съезде рабочих текстильной промышленности и выступить на V Всероссийском съезде комсомола (10 октября). По воспоминаниям И. С. Уншлихта (1934), Ленин признавался: «Физически чувствую себя хорошо, но нет уже прежней свежести мысли. Выражаясь языком профессионала, потерял работоспособность на довольно длительный срок».

Однако 17, 19, 20, 24, 26 октября 1922 года он по-прежнему председательствует на заседаниях Совнаркома, решает множество крупных и мелких дел (Лозаннская конференция, ближневосточные проблемы, селекционная работа, торфяные разработки и т. д.).

29 октября присутствует на спектакле первой студии МХАТ «Сверчок на печи» по Ч. Диккенсу, но, не досмотрев, покидает театр, полностью потеряв интерес к пьесе.

31 октября произносит большую речь на заключительном заседании IV сессии ВЦИК IX созыва, вечером проводит длительное заседание

Совнаркома.

Ноябрь 1922 года – последний активный месяц в политической жизни В. И. Ленина. Он по-прежнему ведет заседания Совнаркома, участвует в заседаниях политбюро, Совета Труда и Оборона, выступает на немецком языке 13 ноября на IV конгрессе Коминтерна с докладом «Пять лет российской революции...» Последнее его публичное выступление было 20 ноября 1922 года на пленуме Московского Совета.

25 ноября врачебный консилиум настаивает на немедленном и абсолютном отдыхе. Однако Ленин медлит с отъездом; остаются нерешенными тысячи дел: строительство Семиреченской железной дороги, все еще неясен вопрос о монополии внешней торговли, необходимо усиление борьбы со скупщиками платины, с хищническим ловом рыбы в Азовском море и т. д., и т. п.

Ленин находит время написать в эти дни статью «Несколько слов о Н. Е. Федосееве». Однако силы покидают его, и 7 декабря он уезжает в Горки. Несмотря на усталость, Ленин готовится к выступлению на X Всероссийском съезде Советов, 12 декабря он возвращается в Москву. 13 декабря случилось два тяжелых приступа с парезами конечностей и полной потерей речи. Врачебный консилиум запишет: «С большим трудом удалось уговорить Владимира Ильича не выступать ни в каких заседаниях и на время совершенно отказаться от работы. Владимир Ильич в конце концов на это согласился и сказал, что сегодня же начнет ликвидировать свои дела».

Придя в себя после приступов, Ленин, не откладывая, пишет письма, касающиеся вопросов, которые более всего его волнуют: о монополии внешней торговли, о распределении обязанностей между Советом Народных Комиссаров и Советом Труда и Оборона.

* * *

15 и 16 декабря 1922 года – вновь резкое ухудшение состояния Ленина. Он страшно волнуется за исход обсуждения на пленуме ЦК проблемы монополии внешней торговли. Просит Е. М. Ярославского записать выступление Н. И. Бухарина, Г. Л. Пятакова и других по этому вопросу на пленуме ЦК и непременно показать ему.

18 декабря пленум ЦК принял предложения Ленина о монополии внешней торговли и персонально возложил на Сталина ответственность за соблюдением режима, установленного для Ленина врачами. С этого

момента начинается период изоляции, заточения Ленина, полное отстранение его от партийных и государственных дел.

22–23 декабря 1922 года здоровье Ленина вновь ухудшается – парализована правая рука и правая нога. Ленин не может смириться со своим положением. Еще так много нерешенного и недоделанного. Он просит консилиум врачей «хотя бы в течение короткого времени диктовать “дневники”». На совещании, которое собрал Сталин 24 декабря 1922 года с участием Каменева, Бухарина и врачей, было принято следующее решение:

«1. Владимиру Ильичу предоставляется право диктовать ежедневно 5–10 минут, но это не должно носить характера переписки и на эти записки Владимир Ильич не должен ждать ответа. Свидания запрещаются.

2. Ни друзья, ни домашние не должны сообщать Владимиру Ильичу ничего из политической жизни, чтобы этим не давать материала для размышлений и волнений».

Диагноз

Как это, к сожалению, нередко бывает при сверхвнимательном отношении к пациенту и привлечении к его лечению сразу многих авторитетных специалистов, очевидный и даже «студенческий» диагноз удивительным образом заменяется каким-нибудь умным, коллегиально принятым, разумно обоснованным и в конце концов ошибочным диагнозом.

Как уже говорилось, Н. А. Семашко, разумеется, из лучших побуждений, особенно в периоды ухудшения здоровья Ленина, приглашал на консультации многих крупных и известных специалистов России и Европы. К сожалению, все они скорее запутали, чем прояснили суть заболевания Ленина. Больному были последовательно поставлены три неверных диагноза, в соответствии с которыми и лечили его неверно: неврастению (переутомление), хроническое отравление свинцом и сифилис мозга.

В самом начале заболевания в конце 1921 года, когда усталость тяжким грузом навалилась на все еще крепкого и сильного Ленина, лечащие врачи единодушно сходились на диагнозе – переутомление. Очень скоро, однако, стало ясно, что отдых мало приносит пользы и все мучительные симптомы – головные боли, бессонница, снижение работоспособности и т. д. – не прекращаются.

В начале 1922 года, еще до первого инсульта, была выдвинута вторая концепция – хроническое отравление свинцом от двух пуль, оставшихся в мягких тканях после покушения в 1918 году. Не исключали, впрочем, и последствия отравления от яда кураре, который будто бы содержали пули.

Ранение Ленина случилось на заводе Михельсона 30 августа 1918 года. Фанни Каплан стреляла в Ленина с расстояния не более трех метров из пистолета системы браунинг пулями среднего калибра. Судя по воспроизведенной картине следственного эксперимента, проведенного Кингисеппом, в момент выстрелов Ленин разговаривал с Поповой, повернувшись к убийце левым боком. Одна из пуль попала в верхнюю треть левого плеча и, разрушив плечевую кость, застряла в мягких тканях надплечья. Другая же, войдя в левое надплечье, зацепила ость лопатки и, пронизав шею насквозь, вышла с противоположной правой стороны под кожу вблизи соединения ключицы с грудной костью.

На рентгенограмме, сделанной Д. Т. Будиновым (ординатором

Екатерининской больницы) 1 сентября 1918 года, хорошо видно положение обеих пуль.

Каков же был разрушительный ход пули от входного отверстия на задней поверхности надплечья до края правой грудинно-ключично-сосковой мышцы?

Пройдя через слой мягких тканей, пуля с уже расщепившейся от удара в ость лопатки зазубренной головкой прошла через верхушку левого легкого, выступающую на 3–4 см выше ключицы, разорвав покрывающую ее плевру и повредив легочную ткань на глубину около 2 см. В этом участке шеи (так называемом лестнично-позвоночном треугольнике) расположена густая сеть кровеносных сосудов (щитовидно-шейный ствол, глубокая артерия шеи, позвоночные артерии, венозное сплетение), но что самое важное – здесь проходит главная артерия, питающая мозг; общая сонная артерия вместе с толстой яремной веной, блуждающим и симпатическим нервами.

Пуля не могла не разрушить густую сеть артерий и вен в этой области и так или иначе не повредить или ушибить (контузить) стенку сонной артерии. Из раны на спине сразу после ранения наружу обильно вытекала кровь, которая в глубине раны поступала также и в плевральную полость, вскоре полностью ее заполнив. «Громадное кровоизлияние в левую плевральную полость, которое сместило так далеко сердце вправо», – вспоминал в 1924 году В. Н. Розанов.

Далее пуля проскользнула позади глотки и, столкнувшись с позвоночником, изменила свое направление, проникнув на правую сторону шеи в область внутреннего конца ключицы. Здесь образовалась подкожная гематома (скопление крови в жировой клетчатке).

* * *

Несмотря на тяжесть ранения, Ленин довольно быстро поправился и после кратковременного отдыха приступил к активной деятельности.

Однако уже через полтора года появились явления, связанные с недостаточностью кровоснабжения мозга: головные боли, бессонница, частичная потеря работоспособности.

Удаление пули из шеи 23 апреля 1922 года не принесло облегчения. Подчеркнем, что, по наблюдению В. Н. Розанова, участвовавшего в операции, у Ленина никаких признаков атеросклероза в то время не было. «Я не помню, чтобы тогда мы отмечали что-либо особенное в смысле

склероза, склероз был соответственно возрасту», – вспоминал Розанов.

Все дальнейшие события четко укладываются в картину постепенного сужения левой сонной артерии, что связано с рассасыванием и рубцеванием тканей вокруг нее. Наряду с этим очевидно, что в левой сонной артерии, травмированной пулей, начался и процесс формирования внутрисосудистого тромба, прочно спаянного с внутренней оболочкой в зоне первичного ушиба артериальной стенки. Постепенное увеличение размеров тромба может протекать бессимптомно до того момента, пока он не перекроет просвет сосуда на 80 процентов, что, по всей видимости, и произошло к началу 1921 года.

Дальнейший ход болезни с периодами улучшений и ухудшений типичен для такого рода осложнений.

Можно полагать, что атеросклероз, который несомненно был к этому времени у Ленина, более всего порастил *locus minoris resistentia*, то есть наиболее уязвимое место – травмированную левую сонную артерию.

С изложенной концепцией согласуется точка зрения одного из известных отечественных невропатологов – З. Л. Лурье.

«Ни клинические исследования, – пишет он в статье “Болезнь Ленина в свете современного учения о патологии мозгового кровообращения”, – ни аутопсия существенных признаков атеросклероза или каких-либо других патологий со стороны внутренних органов не обнаружили». Поэтому Лурье полагает, что у Ленина «была сужена левая сонная артерия не вследствие атеросклероза, а из-за стягивающих ее рубцов, оставленных пулей, прошедшей через ткани шеи вблизи сонной артерии при покушении на его жизнь в 1918 году».

Так пуля, направленная убийцей Каплан в Ленина, в конце концов достигла своей цели.

* * *

В связи с резким ухудшением здоровья Ленина после очередного инсульта в марте 1923 года в Москву приехали: А. Штрюмпель – 70-летний патриарх-невропатолог из Германии, один из крупнейших специалистов по спинной сухотке и спастическим параличам; С. Е. Геншен – специалист по болезням головного мозга из Швеции; О. Минковский – знаменитый терапевт-диабетолог; О. Бумке – психиатр; профессор М. Нонете – крупный специалист в области нейролужеса (все из Германии).

Интернациональный консилиум с участием вышеупомянутых лиц,

вместе с ранее прибывшим в Москву Ферстером, а также Семашко, Крамером, Кожевниковым и др., не отверг сифилитический генез заболевания Ленина.

После осмотра Ленина, 21 марта, профессор Штрюмпель ставит диагноз: *endarteriitis luetica* (сифилитическое воспаление внутренней оболочки артерий – эндартериит) с вторичным размягчением мозга. И хотя лабораторно сифилис не подтвержден (реакция Вассермана крови и спинномозговой жидкости отрицательна), он безапелляционно утверждает: «Терапия должна быть только специфической (то есть антилюэтической)».

Весь врачебный ареопаг с этим согласился.

Ленину стали энергично проводить специфическое лечение. Уже после его смерти, когда диагноз был ясен, при описании всей истории болезни это противосифилитическое лечение находит своеобразное оправдание: «Врачи определили заболевание как последствие распространенного, а частью местного сосудистого процесса в головном мозгу (*sclerosis vasorum cerebri*) и предполагали возможность его специфического происхождения (какое там – “предполагали”, они были в гипнотическом заблуждении. – Ю. Л.), вследствие этого были сделаны попытки осторожного применения арсенобензольных и йодистых препаратов». Дальше через запятую идет оправдательная извиняющая вставка, написанная слева на полях; «чтобы не упустить эту меру в случае, если бы такое предположение подтвердилось». А затем и вовсе мажорное продолжение: «В течение этого лечения наступило весьма существенное улучшение до степени исчезновения болезненных симптомов общих и местных, причем головные боли прекратились уже после первого вливания».

Осторожные доктора (Гетье, Ферстер, Крамер, Кожевников и др.), конечно, лукавили – улучшение действительно наступило, но уже во всяком случае вне всякой связи с введением противолуэтических препаратов.

Более того, они далее пишут: «10 марта наступил полный паралич правой конечности с явлениями глубокой афазии, такое состояние приняло стойкое и длительное течение. Принимая во внимание тяжесть симптомов, было решено прибегнуть к ртутному лечению в форме втираний и *Bismugenal*’а, но их пришлось очень скоро прекратить (уже после трех втираний), вследствие обнаружившегося у больного воспаления легких» или же, как это писал В. Крамер, «идиосинкразии, то есть непереносимости».

Надо заметить, что непереносимость у Ленина была и к немецким докторам. Он интуитивно понимал, что они ему скорее вредят, чем помогают. «Для русского человека, – признавался он Кожевникову, –

немецкие врачи невыносимы».

* * *

А были ли в самом деле аргументы в пользу нейросифилиса? Прямых или безусловных признаков сифилиса не было. Реакция Вассермана крови и спинномозговой жидкости, поставленная не один раз, была отрицательной.

Конечно, можно было предполагать врожденный сифилис, столь распространенный тогда в России. (По данным Кузнецова (цит. по Л. И. Картамышеву), в 1861–1869 годах в России заболевало сифилисом ежегодно более 60 тысяч человек, а в 1913 году в Москве на каждые 10 тысяч человек приходилось 206 сифилитиков.) Но и это предположение, очевидно, неверно хотя бы потому, что все братья и сестры Ленина рождались в срок и были здоровыми. И уж вовсе не было оснований полагать, что Ленин мог заразиться сифилисом от случайных связей, которых у него, без сомнения, никогда не было.

Что же в таком случае послужило основанием для предположения о нейролюэсе?

Скорее всего, сработала логика клиницистов конца прошлого – начала нынешнего века: если неясна этиология, не типична картина заболевания – ищи сифилис: он многолик и многообразен. «С раннего периода заболевания, – писал Ф. Хеншен в 1978 году, – шел спор о причинах поражения сосудов – сифилис, эпилепсия или отравление».

Что касается эпилепсии, точнее, малых припадков, наблюдавшихся во время болезни Ленина, то они являлись результатом очаговых раздражений коры головного мозга спаячным процессом при рубцевании зон омертвений (ишемией) разных участков мозга, что было подтверждено при утопии.

Другой вероятный диагноз – атеросклероз сосудов мозга – тоже не имел абсолютных клинических признаков и во время болезни Ленина серьезно не обсуждался. Против атеросклероза было несколько веских доводов. Во-первых, у больного отсутствовали симптомы ишемии (нарушения кровообращения) других органов, столь характерных для генерализованного атеросклероза. Ленин не жаловался на боли в сердце, любил много ходить, не испытывал болей в конечностях с характерной перемежающейся хромотой. Словом, у него не было стенокардии, не было и признаков поражения сосудов нижних конечностей.

Во-вторых, течение болезни было нетипичным для атеросклероза –

эпизоды с резким ухудшением состояния, парезами и параличами заканчивались почти полным и довольно быстрым восстановлением всех функций, что наблюдалось по крайней мере до середины 1923 года. Конечно, удивительной была и сохранность интеллекта, который обычно после первого же инсульта сильно страдает. Другие возможные заболевания – болезнь Альцгеймера, Пика или рассеянный склероз – так или иначе фигурировали во врачебных дискуссиях, но единодушно отвергались.

* * *

Был ли резон лечить Ленина противолюэтическими средствами при таком зыбком диагнозе?

В медицине бывают ситуации, когда лечение проводят наугад, вслепую, при непонятной или неразгаданной причине болезни, так называемое лечение *ex juvantibus*. В случае с Лениным скорее всего это так и было. В принципе, диагноз люэтического поражения сосудов и соответствующее лечение не сказалось на течении атеросклероза и не повлияло на predetermined outcome. Словом, оно не принесло физического вреда Ленину (не считая болезненности процедур). Но ложный диагноз – нейросифилис – очень быстро стал инструментом политических инсинуаций и, конечно, нанес немалый моральный ущерб личности Ленина.

Смерть

Как уже говорилось, 6 марта 1923 года наступило резкое ухудшение состояния Ленина. «Без всяких видимых к тому причин, – запишет В. В. Крамер, – наступил двухчасовой припадок, выразившийся в полной потере речи и полным параличом правой конечности».

10 марта 1923 года припадок повторился и привел к стойким изменениям как со стороны речи, так и правых конечностей. 14 марта начинается регулярная публикация официальных бюллетеней о состоянии здоровья Ленина. Ленин оказался прикованным к постели, без какой-либо возможности общаться с окружающими, тем более читать и писать.

Однако в середине мая 1923 года состояние здоровья начинает улучшаться, и 15 мая Ленина увозят из кремлевской квартиры в Горки. Профессор Кожевников пишет, что Ленин «окреп физически, стал проявлять интерес как к своему состоянию, так и ко всему окружающему, оправился от так называемых сенсорных явлений афазии, начал учиться говорить».

Летом 1923 года, начиная с 15–18 июля, Ленин начинает ходить, пробует писать левой рукой, в августе уже просматривает газеты. Надежда Константиновна Крупская ухаживает за больным, учится понимать его жесты, отдельные слова, интонации, мимику.

Крупская пишет в письмах И. А. Арманд (дочери И. Ф. Арманд): «Живу только тем, что по утрам В. бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия», и позже: «Милая моя Иночка, не писала тебе целую вечность, хотя каждодневно думала о тебе. Но дело в том, что сейчас я целые дни провожу с В., который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумение и неспособна уже на писание писем. Поправка идет здоровая – спит все время великолепно, желудок тоже, настроение ровное, ходит теперь (с помощью) много и самостоятельно, опираясь на перила, поднимается и спускается с лестницы. Руке делают ванны и массаж, и она тоже стала поправляться.

С речью тоже прогресс большой – Ферстер и другие невропатологи говорят, что теперь речь восстановится наверняка, то, что достигнуто за последний месяц, обычно достигается месяцами.

Настроение у него очень хорошее, теперь и он видит уже, что выздоравливает, – я уж в личные секретари к нему прошусь и собираюсь

стенографию изучать. Каждый день я читаю ему газетку, каждый день мы подолгу гуляем и занимаемся...»

18 октября 1923 года Ленин просит отвезти его в Москву. Это был грустный прощальный визит в Кремль, где он зашел в свой кабинет, проехал по Сельскохозяйственной выставке, переночевал и утром уехал в Горки, где ему предстояло остаться до кончины.

Ноябрь и декабрь 1923 года Ленин провел, в сущности, в полной изоляции, его посетили только Н. И. Бухарин, Е. А. Преображенский и некоторые малоизвестные лица.

* * *

7 января 1924 года Ленин устраивает елку для детей совхоза и санатория. 17–18 января Крупская читает Ленину отчет о XIII партийной конференции. 19 января выезжает в лес на санях, наблюдая за охотой. 19–20 января читает принятые на XIII конференции резолюции об итогах дискуссии в партии. «Когда в субботу (19 января 1924 года), – вспоминала Н. К. Крупская, – Владимир Ильич стал, видимо, волноваться, я сказала ему, что резолюции приняты единогласно». 21 января после обеда больного осматривают профессора О. Ферстер и В. П. Осипов.

Вскоре начался последний приступ болезни. Ленину дали бульон, который он «пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди», – вспоминала Н. К. Крупская. «Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд. Владимир Александрович и Петр Петрович (медбрат и охранник) держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Профессор Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфору, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было».

Вечером в 18 часов 50 минут 21 января 1924 года Ленин умер. Ему было 53 года.

Вскрытие

В ночь после смерти Ленина, 22 января 1924 года, была создана комиссия по организации похорон. В ее состав вошли Ф. Э. Дзержинский (председатель), В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, В. Д. Бонч-Бруевич и другие. Комиссия приняла несколько неотложных решений: поручила скульптору С. Д. Меркурову немедленно снять гипсовую маску с лица и рук Ленина (что было сделано в 4 часа утра), пригласить известного московского патологоанатома А. И. Абрикосова для временного бальзамирования (на 3 суток до похорон) и произвести вскрытие тела. Гроб с телом было решено поместить в Колонном зале для прощания с последующим захоронением на Красной площади.

В протоколе вскрытия записано: «Пожилой мужчина, правильного телосложения, удовлетворительного питания. На коже переднего конца правой ключицы линейный рубец длиной 2 см. На наружной поверхности левого плеча еще один рубец неправильного очертания, 2 × 1 см (первый след пули). На коже спины под углом левой лопатки – кругловатый рубец 1 см (след второй пули). На границе нижней и средней части плечевой кости прощупывается костная мозоль. Выше этого места на плече прощупывается в мягких тканях первая пуля, окруженная соединительно-тканной оболочкой.

Череп – по вскрытии – твердая мозговая оболочка утолщена по ходу продольного синуса, тусклая, бледная. В левой височной и частично лобной области имеется пигментация желтого цвета. Передняя часть левого полушария, по сравнению с правой, несколько запавшая. Сращение мягкой и твердой мозговых оболочек у левой Сильвиевой борозды. Головной мозг – без мозговой оболочки – весит 1340 г. В левом полушарии, в области прецентральных извилин, теменной и затылочных долях, парацентральных щелей и височных извилин – участки сильного западения поверхности мозга. Мягкая мозговая оболочка в этих местах мутная, белесоватая, с желтоватым оттенком.

Сосуды основания мозга. Обе позвоночные артерии не спадаются, стенки их плотные, просвет на разрезе резко сужен (щель). Такие же изменения в задних мозговых артериях. Внутренние сонные артерии, а также передние артерии мозга плотные, с неравномерным утолщением стенок; значительно сужен их просвет. Левая внутренняя сонная артерия в ее внутричерепной части просвета не имеет и на разрезе представляется в

виде сплошного, плотного, белесоватого тяжа. Левая Сильвиева артерия очень тонка, уплотнена, но на разрезе сохраняет небольшой щелевидный просвет.

При разрезе мозга желудочки его расширены, особенно левый, и содержат жидкость. В местах западений – размягчение тканей мозга с множеством кистозных полостей. Очаги свежего кровоизлияния в области сосудистого сплетения, покрывающего четверохолмие.

Внутренние органы. Имеются спайки плевральных полостей. Сердце увеличено в размерах, отмечается утолщение полулунных и двухстворчатых клапанов. В восходящей аорте небольшое количество выбухающих желтоватых бляшек. Венечные артерии сильно уплотнены, просвет их зияет, ясно сужен. На внутренней поверхности нисходящей аорты, а также и более крупных артерий брюшной полости – многочисленные, сильно выбухающие желтоватые бляшки, часть которых изъязвлена, петрифицирована.

Легкие. В верхней части левого легкого имеется рубец, на 1 см проникающий в глубину легкого. Вверху фиброзное утолщение плевры.

Селезенка, печень, кишечник, поджелудочная железа, органы внутренней секреции, почки без видимых особенностей.

Анатомический диагноз. Распространенный атеросклероз артерий с резко выраженным поражением артерий головного мозга. Атеросклероз нисходящей части аорты. Гипертрофия левого желудочка сердца, множественные очаги желтого размягчения (на почве склероза сосудов) в левом полушарии головного мозга в периоде рассасывания и превращения в кисты. Свежее кровоизлияние в сосудистое сплетение головного мозга над четверохолмием. Костная мозоль плечевой кости.

Инкапсулированная пуля в мягких тканях в верхней части левого плеча.

Заключение. Основой болезни умершего является распространенный атеросклероз сосудов на почве преждевременного их изнашивания (Abnutzungssclerose). Вследствие сужения просвета артерий мозга и нарушения его питания от недостаточности подтока крови наступали очаговые размягчения тканей мозга, объясняющие все предшествовавшие симптомы болезни (параличи, расстройства речи).

Непосредственной причиной смерти явилось: 1) усиление нарушения кровообращения в головном мозгу; 2) кровоизлияние в мягкую мозговую оболочку в области четверохолмия».

А вот результаты микроскопического анализа, проведенного А. И. Абрикосовым: «Имеет место утолщение внутренних оболочек в местах атеросклеротических бляшек. Всюду присутствуют липоиды, относящиеся к соединениям холестерина. Во многих скопищах бляшек – кристаллы холестерина, известковые слои, петрификация. Средняя мышечная оболочка сосудов атрофична, склеротична во внутренних слоях. Наружная оболочка без изменений.

Головной мозг. Очаги размягчения (кисты), рассасывание мертвой ткани, заметны и так называемые зернистые шары, отложения зерен кровяного пигмента. Уплотнение глии – небольшое.

Хорошее развитие пирамидальных клеток в лобной доле правого полушария, нормальный вид, размеры, ядра, отростки.

Правильное соотношение слоев клеток справа. Отсутствие изменений миэлиновых волокон, невроглии и внутримозговых сосудов (справа).

Левое полушарие – разрастание мягкой мозговой оболочки, отек.

Заключение. 16 февраля 1924 года. Атеросклероз – склероз изнашивания. Изменение сосудов сердца, нарушение питания органа».

«Таким образом, – пишет А. И. Абрикосов, – микроскопическое исследование подтвердило данные вскрытия, установив, что единственной основой всех изменений является атеросклероз артериальной системы с преимущественным поражением артерий мозга. Никаких указаний на специфический характер процесса (сифилис и др.) ни в сосудистой системе, ни в других органах не обнаружено».

Любопытно, что эксперты, в состав которых входили Ферстер, Осипов, Дешии, Розанов, Вейсброд, Бунак, Гетье, Елистратов, Обух и Семашко, нашли необычный, но, видимо, достаточно подходящий в данном случае термин, определяющий особенности сосудистой патологии мозга Ленина, – *Abnutzungssclerose*, то есть склероз от изнашивания.

На третий день после кончины Ленина, 24 января 1924 года, Н. А. Семашко, обеспокоенный распространяющимися в России и за рубежом слухами о якобы сифилитической природе заболевания покойного, а также сравнительно скудными доказательствами атеросклероза, приведенными в акте вскрытия, пишет, видимо, по начальству: «Разъяснение об отсутствии всяких указаний на сифилитическое поражение они все (в том числе и Вейсброд) считают более целесообразным упомянуть в протоколе микроскопического исследования, которое сейчас готовится. Н. Семашко.

24.1».

Надо заметить, что вскрытие тела В. И. Ленина было произведено 22 января в непривычных условиях «на втором этаже дома в комнате с выходом на запад террасой. Тело Владимира Ильича лежало на составленных рядом двух столах, покрытых клеенкой» (примечание к акту вскрытия). Так как предполагалось кратковременное сохранение тела и подготовка его к обзору, при аутопсии были допущены некоторые упрощения. Не был сделан разрез на шее, и таким образом, не были обнажены, осмотрены и взяты на микроскопическое исследование сонные и позвоночные артерии. Для микроскопического анализа были взяты кусочки мозга, почек и стенки только брюшного отдела аорты.

Как оказалось впоследствии, это сильно ограничило противосифилитические аргументы микроскопического анализа.

* * *

Итак, что же следует выделить из акта вскрытия?

Во-первых, наличие многочисленных очагов некроза мозговой ткани, преимущественно в левом полушарии. На его поверхности были заметны 6 зон западения (провалов) коры мозга. Одна из них находилась в теменной области и охватывала крупные извилины, ограничивающие спереди и сзади глубокую центральную борозду, идущую от макушки книзу. Эти борозды ведают чувствительными и двигательными функциями всей правой половины тела, и чем выше к макушке расположен очаг омертвления мозговой ткани, тем ниже на теле наблюдаются расстройства движения и чувствительности (стопа, голень, бедро и т. д.). Вторая зона относится к лобной доле мозга, которая, как известно, имеет отношение к интеллектуальной сфере. Третья зона располагалась в височной и четвертая – в затылочной долях.

Снаружи кора мозга во всех этих участках и особенно в зоне центральной борозды была спаяна грубыми рубцами с оболочками мозга, глубже же находились пустоты, наполненные жидкостью (кисты), образовавшиеся в результате рассасывания омертвевшего мозгового вещества.

Левое полушарие потеряло не менее трети своей массы. Правое полушарие пострадало незначительно.

Общий вес мозга не превышал средних цифр (1340 г), но с учетом потерь вещества в левом полушарии следует считать его достаточно

крупным. (Впрочем, вес, как и размеры мозга и отдельных его частей, в принципе малозначимы. Самый большой мозг был у И. Тургенева – более 2 кг, а самый маленький – у А. Франса – чуть более 1 кг).

Эти находки вполне объясняют картину заболевания: правосторонний паралич без вовлечения мышц шеи и лица, трудности со счетом (сложение, умножение), что свидетельствует о выпадении в первую очередь непрофессиональных навыков.

Интеллектуальная же сфера, связанная более всего с лобными долями, даже в финальной стадии болезни была достаточно сохранной. Когда врачи предложили Ленину в качестве отвлекающего (или успокаивающего) средства играть в шашки, да еще непременно со слабым противником, он раздраженно заметил: «Что они, за дурака, что ли, меня считают?»

Сращения же коры мозга с оболочками, особенно выраженные в области центральных извилин, несомненно, явились причиной тех частых эпизодов кратковременных судорожных припадков, которые так беспокоили больного Ленина.

Дало ли что-нибудь исследование мозга для определения изначальной причины его поражения? Отметим в первую очередь, что типичных сифилитических изменений типа гумм, особых опухолеподобных разрастаний, характерных для третичного сифилиса, найдено не было. Были обнаружены зернистые шары в окружности кистозных полостей – результат деятельности фагоцитов – клеток, рассасывающих гемоглобин и омертвевшие ткани.

Не подтвержден диагноз Штрюмпеля – люэтический эндартериит. Просвет артерий мозга, отходящих от Виллизиева круга, действительно был сужен, однако что явилось причиной этого – инфекция или атеросклероз, по морфологической картине определить практически невозможно. Скорее всего, речь может идти о плохом наполнении этих сосудов за счет сужения или закупорки левой внутренней сонной артерии. Известные патологи – А. И. Струков, А. П. Авцын, Н. Н. Боголепов, неоднократно проводившие экспертизу препаратов мозга Ленина, категорически отрицают наличие каких-либо морфологических признаков специфического (люэтического) поражения.

* * *

Далее были осмотрены кровеносные сосуды самого мозга после его извлечения из черепной коробки. Видимо, удалось увидеть из полости

черепе разрезанную левую внутреннюю сонную артерию, которая оказалась полностью облитерированной (закупоренной). Правая сонная артерия тоже выглядела пораженной с несколько суженным просветом.

Заметим, что большая масса мозга снабжается кровью только за счет четырех сосудов, из которых две крупные внутренние сонные артерии обеспечивают питание передних двух третей мозга, а две сравнительно тонкие позвоночные артерии орошают мозжечок и затылочные доли мозга (заднюю треть мозга).

Одной из созданных разумной природой мер, снижающих опасность немедленной смерти от закупорки или повреждения одной-двух и даже трех из вышеупомянутых артерий, является соединение всех четырех артерий друг с другом на основании мозга в виде сплошного сосудистого кольца – Виллизиева круга. А уж от этого круга идут артериальные ветви – вперед, к середине и назад. Все крупные артериальные ветви мозга располагаются в щелях между многочисленными извилинами и отдают мелкие сосудики с поверхности в глубину мозга.

Мозговые клетки, надо сказать, необычайно чувствительны к обескровливанию и погибают невосвратимо уже после пятиминутной остановки кровоснабжения.

И если у Ленина была поражена более всего левая внутренняя сонная артерия, то снабжение кровью левого полушария происходило за счет правой сонной артерии через Виллизиев круг. Разумеется, оно было неполноценным. Более того, левое полушарие как бы «обкрадывало» кровоснабжение и здорового правого полушария. В акте вскрытия указывается, что суженным был просвет основной артерии (a. basilaris), которая образуется из слияния обеих позвоночных артерий, а также всех шести собственно мозговых артерий (передних, средних и задних).

Даже кратковременный спазм мозговых сосудов, не говоря уже о тромбировании или разрывах стенок, при таких глубоко зашедших поражениях основных питающих мозг артерий, разумеется, приводил или к непродолжительным парезам конечностей и дефектам речи, или к стойким параличам, что и наблюдалось в конечной стадии заболевания.

Можно только сожалеть, что не были исследованы сосуды на шее, так называемые экстракраниальные сосуды: общие наружные и внутренние сонные артерии, а также позвоночные артерии, отходящие от крупных щитовидно-шейных стволов. Теперь хорошо известно, что именно здесь, в этих сосудах разыгрывается главная трагедия – атеросклеротическое их поражение, ведущее к постепенному сужению просветов из-за развития выступающих в просвет бляшек и утолщения оболочек сосудов вплоть до

полного их закрытия.

Во времена Ленина эта форма болезней мозга (так называемая экстракраниальная патология) была, по существу, неизвестной. В 20-х годах не было средств диагностики таких заболеваний – ангиографии, разных видов энцефалографии, определения объемной скорости кровотока с помощью ультразвуковых исследований и т. д. Не было и эффективных средств лечения: ангиопластики, шунтирования сосудов в обход суженного места и многих других.

Атеросклеротические типичные бляшки были обнаружены при аутопсии тела Ленина в стенках брюшного отдела аорты. Сосуды сердца были изменены незначительно, как и сосуды всех внутренних органов. Вот как сообщал О. Ферстер 7 февраля 1924 года в письме коллеге О. Витке о происхождении болезни Ленина: «Аутопсия показала тотальную облитерацию левой внутренней сонной артерии, всей *a. basilaris*. Правая *a. carotis int.* – с тяжелым кальцинозом. Левое полушарие за малым исключением totally разрушено – правое имеет изменения. Тяжелый *aortitis abdominalae*, легкий коронаросклероз» (Kuhlendaahl. *Der Patient Lenin*, 1974).

* * *

Н. А. Семашко в статье «Что дало вскрытие тела Владимира Ильича» (1924) писал: «Внутренняя сонная артерия (*arteria carotis interna*) при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости».

Что касается сифилиса, то ни патологоанатомическое вскрытие, ни микроскопический анализ взятых на исследование кусочков тканей никаких специфических для этого заболевания изменений не обнаружили. Не было ни характерных гуммозных образований в мозгу, в мышцах или внутренних органах, не было и типичных изменений крупных сосудов с поражением преимущественно средней оболочки. Конечно, было бы крайне важным исследование дуги аорты, которая при сифилисе поражается в первую очередь. Но, по всей видимости, патологоанатомы были настолько уверены в диагнозе распространенного атеросклероза, что сочли лишним проводить такого рода исследования.

В целом, лечащих врачей, как и последующих исследователей, более

всего поражало несоответствие течения заболевания Ленина с обычным ходом атеросклероза сосудов головного мозга, описанным в медицинской литературе. Раз наступившие дефекты быстро исчезали, а не утяжелялись, как это обычно бывает, болезнь шла какими-то волнами, а не по наклонной, как обычно. По этому поводу было создано несколько своеобразных гипотез.

Пожалуй, разумнее всего согласиться с мнением В. Крамера, которое разделял и А. М. Кожевников.

В марте 1924 года в статье «Мои воспоминания о В. И. Ульянове-Ленине» он пишет: «Чем же объясняется своеобразие, несвойственное обычной картине общего мозгового атеросклероза, течение болезни Владимира Ильича? Ответ может быть только один – у выдающихся людей, как гласит внедрившееся в сознание врачей убеждение, все необычно: как жизнь, так и болезнь течет у них всегда не так, как у других смертных».

Ну что же, объяснение далеко не научное, но зато по-человечески вполне понятное.

Полагаю, сказанного достаточно, чтобы сделать определенный и ясный вывод: у Ленина было тяжелое поражение мозговых сосудов, особенно системы левой сонной артерии. Неясным, однако, остается причина столь необычного превалирующего одностороннего поражения именно левой сонной артерии.

* * *

Вскоре после смерти Ленина правительством России было принято решение о создании специального научного института по изучению мозга Ленина (Научно-исследовательский институт мозга Российской академии медицинских наук).

Соратникам Ленина представлялось важным и вполне вероятным обнаружить те особенности строения мозга вождя, которые определили его необычайные способности. К изучению мозга Ленина были привлечены крупнейшие нейроморфологи России: Г. И. Россолимо, С. А. Саркисов, А. И. Абрикосов и другие. Из Германии был приглашен известный ученый Фохт и его ассистенты.

Антрополог В. В. Бунак и анатом А. А. Дешин тщательно описали внешнее строение мозга: особенности расположения и величины борозд, извилин и долей. Единственное, что можно извлечь из этого скрупулезного описания – представление о хорошо сформированной, без каких-либо

заметных отклонений от нормы коре головного мозга (разумеется, правого здорового полушария).

Большие надежды на выявление чего-либо необычного возлагали на исследование цитоархитектоники мозга Ленина, иными словами, на изучение количества мозговых клеток, их послойного расположения, величины клеток, их отростков и т. д.

Среди множества различных находок, не имеющих, впрочем, строгой функциональной оценки, следует отметить хорошо развитый третий и пятый (клетки Бетца) слои клеток. Возможно, эта сильная выраженность связана с необычными свойствами мозга Ленина. Впрочем, это могло быть результатом компенсаторного их развития взамен потери части нейронов левого полушария.

Учитывая ограниченные возможности морфологии своего времени, было решено мозг Ленина рассечь на тонкие срезы, заключив их между двумя стеклами. Таких срезов получилось около двух тысяч, и они до сих пор покоятся в хранилище Института мозга, ожидая новых методик и новых исследователей.

Впрочем, получения в будущем каких-либо особых результатов от морфологических исследований, вероятно, ожидать трудно.

Мозг – уникальный и необычный орган. Созданный из жироподобных веществ, компактно упакованный в замкнутую костную полость, связанный с внешним миром только через глаз, ухо, нос и кожу, он определяет всю суть его носителя: память, способности, эмоции, неповторимые нравственные и психологические черты.

Но самое парадоксальное заключается в том, что мозг – хранящий колоссальную по объему информацию, являясь совершеннейшим аппаратом ее переработки, – будучи мертвым, уже ничего существенного не может сообщить исследователям о своих функциональных особенностях (по крайней мере, на современном этапе): точно так же как по расположению и количеству элементов современной ЭВМ невозможно определить, на что она способна, какова у нее память, какие программы в нее заложены, каково ее быстроедействие.

Решение о бальзамировании

Итак, после смерти Ленина вначале было принято решение о временном бальзамировании его тела.

Для временного бальзамирования («замораживания») был взят стандартный раствор, состоящий из формалина (30 частей), хлористого цинка (10 частей), спирта (20 частей), глицерина (20 частей) и воды (100 частей). Был произведен обычный разрез грудной клетки вдоль хрящей ребер и временно удалена грудина. Через отверстие в восходящей аорте с помощью большого шприца типа «Жанэ» введена консервирующая жидкость.

«При наполнении, – вспоминал 29 января 1924 года присутствовавший во время аутопсии Н. А. Семашко, – обратили внимание на то, что височные артерии не контурируются и что на нижней части ушной раковины (видимо, правой? – Ю. Л.) образовались темные пятна. После наполнения жидкостью пятна эти стали рассасываться, и, когда кончики ушей растерли пальцами, они порозовели и все лицо получило совершенно свежий облик».

23 января 1924 года в 9 часов утра тело Ленина, одетое в необычный для него полувоенный френч защитного цвета, уложили в гроб. В 9:30 гроб на руках вынесли из Большого дома в Горках и понесли по морозу (-35°C) на станцию Герасимово, что в 4 километрах от Горок. В 11 часов 40 минут тело Ленина поместили в вагон специального траурного поезда, и, сопровождаемый толпами народа по всей трассе до Москвы, поезд прибыл на Павелецкий вокзал, откуда его также понесли на руках по улицам Москвы до Колонного зала Дома союзов. Весь путь от Горок до Колонного зала занял 6 часов.

Огромные толпы людей устремились к центру Москвы. Сплошной поток людей в 2 колонны с 7 часов вечера 23 января до 27 января проходил мимо гроба Ленина. В очереди к Колонному залу было не меньше 50 тысяч человек. Только через почетный караул прошло около 10 тысяч человек, был возложен 821 венок. С Лениным прощались рабочие, крестьяне, соратники по партии, иностранные делегации (всего около 500 тысяч человек). На улицах круглосуточно горели костры. Стояли лютые морозы, в зале температура не поднималась выше -7°C .

В Президиум ЦИК поступали телеграммы с просьбой дать возможность проститься с Лениным делегациям из разных мест Советского

Союза. 25 января Президиум ЦИК решает: гроб с телом Ленина сохранить в склепе, сделав доступным для посещения; склеп соорудить у Кремлевской стены, на Красной площади, среди братских могил борцов Октябрьской революции.

На Красной площади срочно роют котлован, оттаивая мерзлую почву кострами. Архитектор А. В. Щусев предлагает простую конструкцию склепа: три кубических помещения: в центре куб повыше со ступенчатой крышей, справа и слева, где будет вход и выход, – кубы пониже.

Склеп едва успевают сделать из дерева к 27 января, украсив его снаружи и внутри красной и черной материей. Внутри склепа в центре на потолке прикалывают серп и молот, сшитый из черной материи, от этого символа труда крестьян и рабочих спускаются вниз черные полосы на красном фоне.

27 января 1924 года в 16 часов гроб с телом Ленина вынесли из Колонного зала, и траурная процессия последовала на Красную площадь. Там уже приготовлен постамент, на который ставят гроб. Площадь переполнена, раздаются гудки паровозов и заводов, пушечный салют.

«Как раз у въезда на площадь на низком деревянном помосте стоял темно-красный гроб, – вспоминал Умберто Террачини в январе 1924 года, – он был открыт и наклонен немного вперед. Голова Ленина покоилась на красной подушке. В огромной ледяной тишине раздавалось лишь потрескивание гигантских костров. Около них грелись многие тысячи людей, пришедших из городов и сел, чтобы выплакать свое горе и склониться перед гробом. Каждые десять минут с четырех сторон у гроба сменялся почетный караул».

Наконец, Сталин, Молотов, Калинин и Дзержинский вносят гроб с телом Ленина в склеп.

«Милая, родная моя Иночка, – напишет Н. К. Крупская 28 января 1924 года Инне Арманд, – схоронили мы Владимира Ильича вчера. Хворал он недолго последний раз. Еще в воскресенье мы с ним занимались, читала я ему о партконференции и о съезде Советов. Доктора совсем не ожидали смерти и еще не верили, когда началась уже агония. Говорят, он был в бессознательном состоянии, но теперь я твердо знаю, что доктора ничего не понимают».

* * *

Тело Ленина еще долго находилось в холодном склепе, пока в самом

конце марта, через 56 дней после смерти, не был наконец решен вопрос о его бальзамировании.

Первое предложение о длительном сохранении тела Ленина сделал 28 января Л. Б. Красин – инженер по образованию, бывший в то время наркомом внешней торговли.

Предложение это было принято, и уже 30 января на заседании созданной подкомиссии было поручено профессору Дешину (анатому) и профессору Абrikосову провести опыты по замораживанию трупов с предварительной их фиксацией формалином и частичным пропитыванием глицерином.

4 февраля 1924 года для рассмотрения «наиболее важных проблем, требующих срочного разрешения и постоянного наблюдения» создана исполнительная тройка в составе Молотова, Красина, Бонч-Бруевича, которая должна была решить вопрос о дальнейшей судьбе тела Ленина.

7 февраля тройка под председательством Молотова разрешает Красину закупить необходимое оборудование в Германии и приступить к разработке проекта и сооружению конструкции для замораживания тела Ленина. 14 февраля Дешин и Абrikосов заканчивают опыты по замораживанию двух трупов и сообщают о прекрасных результатах.

Между тем Абrikосову поручают наблюдать за состоянием тела Ленина.

30 января – он считает тело «вполне сохранившимся, пятно на руке, появившееся от обмороживания во время похорон, вполне рассосалось».

3 февраля – Абrikосов отмечает небольшое отхождение нижней губы и западение глазниц.

8 и 12 февраля – Абrikосов не видит никаких дополнительных изменений на лице и руках Ленина.

14 февраля Красин сделал обстоятельный доклад на исполнительной тройке о ходе работ по замораживанию и получил полное одобрение.

20 февраля Красину был передан акт о дополнительных исследованиях Дешина и Абrikосова на замороженных ранее трупах с их оттаиванием, которое, по их заключению, «может привести к сильным изменениям цвета кожи и появлению бордовых полос по ходу подкожных вен».

15–21 февраля все подготовительные работы по замораживанию тела Ленина были закончены.

А далее случилось неожиданное – все усилия и работа Красина, группы инженеров-разработчиков, как и опыты Дешина и Абrikосова, были перечеркнуты и проект глубокого замораживания был отвергнут.

Случилось вот что. Л. Б. Красин во что бы то ни стало хотел обсудить с медиками или биохимиками пришедшую ему вскоре после смерти Ленина идею глубокого замораживания. Красин был хорошо знаком с Б. И. Збарским, бывшим в то время заместителем директора Института химии. В начале февраля Красин приехал к Збарскому и рассказал ему о своей идее, которую Збарский тотчас раскритиковал, считая, что все равно аутолиз (разложение) будет идти и при низких температурах, и, кроме того, из-за разности температур внутри саркофага и снаружи стекла всегда будут запотевать. Возражения далеко не корректные, тем более что Красин тотчас нарисовал схему саркофага с двойными стеклами, устраняющими эффект запотевания, а после фиксации формальдегидом и замораживания ферменты, которые повинны в аутолизе, как правильно полагал Красин, будут полностью нейтрализованы.

Однако этот разговор стал своеобразным катализатором для Збарского. «С момента беседы с Красиным, – вспоминает Збарский, – меня уже не покидала мысль о необходимости принять участие в сохранении тела Ленина. Обдумывая возможности применения того или иного метода, я нередко вспоминал о Воробьеве и думал, что он явился бы чрезвычайно полезным человеком для решения многих вопросов, связанных с сохранением тела Ленина».

Известно, что «на ловца и зверь бежит»: вскоре Збарский встретился с В. П. Воробьевым.

В начале февраля в «Известиях» появилось интервью с А. И. Абрикосовым, который заявил, что не существует пока метода, который позволил бы надолго сохранить тело Ленина в неизменном состоянии.

Прочитав это интервью в Харькове, В. П. Воробьев в разговоре со своими помощниками по кафедре анатомии сказал, что Абрикосов неправ. «Надо бы поставить некоторые опыты на трупах».

Директор Харьковского медицинского университета, где работал Воробьев, профессор Жук, узнав об этом, тотчас предложил написать Воробьеву докладную записку. Воробьев категорически отказался, не желая с самого начала принимать участие в бальзамировании тела Ленина. Тогда Жук немедленно сообщил о работах Воробьева наркому просвещения Украины В. П. Затонскому, который без задержки посылает письмо Дзержинскому, а его копию – наркому Семашко. В письме от 20 февраля 1924 года Затонский сообщает, что у Воробьева на кафедре есть «отлично

сохранившиеся мумии прямо в комнате без всякого постоянства температуры в течение 15 лет». Дзержинский распорядился срочно вызвать Воробьева в Москву.

28 февраля в Харьков направляется правительственная телеграмма: «Наркомпросу Затонскому. Постановлением Комиссии срочно направьте профессора Воробьева в Москву. Секретарь ЦИК СССР Енукидзе».

Приехав в Москву, Воробьев решил остановиться у Збарского, с которым был хорошо знаком. Так произошла встреча, изменившая весь уже, казалось бы, отлаженный ход событий.

* * *

Оба главных действующих лица – Владимир Петрович Воробьев (в большей степени) и Борис Ильич Збарский – имели своеобразные «грехи» в прошлом перед советской властью.

Во время гражданской войны, в 1918–1919 годах, Воробьев, работавший тогда заведующим кафедрой анатомии Харьковского университета, принял участие в расследовании расстрелов белых офицеров частями Красной армии. В Харькове в то время без конца менялись власти: то город оккупировали германские войска, то устанавливалась советская власть, то его захватывали деникинцы. Документ экспертизы о жестоком расстреле белых офицеров был подписан в числе других и Воробьевым. В сущности, это обстоятельство в 1920 году послужило одной из причин эмиграции Воробьева вместе с сестрой и ее мужем – Рашеевым в Болгарию, где он вскоре (20 марта 1920 года) занял кафедру анатомии Софийского университета. Однако уже через год его потянуло на родину в Харьков. В июне 1921 года он уезжает на конгресс анатомов в Германию и там через советское консульство в Берлине оформляет документы для возвращения домой. Надо думать, что, возвращаясь на родину в 1921 году, Воробьев был полон тревог и опасений, о чем он и поведал своему случайному попутчику – Б. И. Збарскому, ехавшему с ним на одном пароходе до Риги. Так они познакомились.

Б. И. Збарский высшее образование получил в Женеве, закончив университет в 1911 году, там же он провел свое первое научное исследование в лаборатории крупного русского ученого-химика А. Н. Баха – известного народовольца и революционера. Возвратившись в Россию в 1912 году, Збарский сдал экзамен в Петербургском университете, получив диплом инженера-химика. В 1912–1915 годах работал в акционерном

обществе «Гарпиус» на канифольно-скипидарном заводе в г. Судоге вместе с Л. Я. Карповым – известным инженером-химиком, членом большевистской партии. Вскоре, в 1915 году, Збарский принимает выгодное предложение вдовы миллионера Саввы Морозова (З. Т. Рейбот-Резвой) и занимает должности управляющего крупным имением и директора двух химических и одного железоделательного заводов в Пермской губернии. В 1916 году получает патент на метод очистки хлороформа, столь нужного России в связи с начавшейся мировой войной. В 1916 году Збарский вместе с Карповым строят хлороформный завод в районе с. Бондюга недалеко от г. Елабуги.

Знакомство с Л. Я. Карповым сыграло добрую роль в дальнейшей судьбе Збарского. После революции в 1918 году Збарский переехал в Москву и был принят на работу в отдел химии ВСНХ, который к этому времени возглавлял Л. Я. Карпов.

В 1918 году в Россию вернулся и академик А. Н. Бах, он был назначен директором Центральной химической лаборатории, преобразованной в дальнейшем в Институт химии.

Лабораторию и институт пришлось организовывать на пустом месте, не было ни помещения, ни оборудования, ни денег. Заместителем директора лаборатории, а впоследствии института вскоре стал Б. И. Збарский – человек неукротимой энергии, с хорошим опытом управленческой работы. Для А. Н. Баха он оказался подлинной находкой. Стараниями Збарского было закуплено необходимое импортное оборудование, построено в 1922 году новое здание на Воронцовом поле для Института химии, создан новый Институт биохимии (1921 год), а также позже (в 1928 году) и первоклассный полужаботской опытный участок.

Все это характеризует Збарского как человека с незаурядным организаторским талантом и огромной «пробивной» силой, если учесть, что в 20-е годы в России был голод и правительство, естественно, не располагало свободными средствами. К моменту встречи этих столь разных по образованию и жизненному опыту людей Збарскому было 39 лет, а Воробьеву – 48 лет. Збарский был полон энергии и честолюбивых планов, Воробьев же, обладавший солидным опытом анатома (еще в 1908 году он написал книгу «К вопросу об устройстве анатомических учебных музеев»), вовсе не стремился иметь дело с органами ЧК и Советской власти, будучи настроенным далеко не просоветски. Его вполне устраивала скромная должность заведующего кафедрой анатомии в родном Харьковском медицинском университете.

И все-таки нельзя представить себе лучшего сочетания столь разных

людей для предстоящего дела: с одной стороны, великолепный мастер бальзамирования, с другой – блестящий организатор, отлично ориентирующийся в советской и партийной иерархии 20-х годов.

* * *

В Москве наступила весна. Сильные морозы, стоявшие в феврале и марте, ослабели, что грозило сохранности тела Ленина. Энергично шли работы по сооружению холодильной установки по проекту Красина. Между тем, встретив так удачно Воробьева, Збарский свою задачу видел в том, чтобы, во-первых, убедить Воробьева согласиться провести бальзамирование тела Ленина влажным способом, оправдавшим себя (как это хорошо знал Збарский) в анатомическом музейном деле, и, во-вторых, устами авторитетного Воробьева дискредитировать идею Красина, казавшуюся Збарскому ненужной и нереальной. «Мой вам совет, – возражал Воробьев, – бросьте вы эту мысль, а если вы в это дело впутаетесь, вы погибнете. Я не хочу уподобиться тем алхимикам, которые согласились забальзамировать тело папы Александра VI, – продолжал он, – выудили деньги, загубили тело и скрылись, как последние жулики». – «А зачем же вы тогда приехали?» – «Меня вызвали, а сам я ничего не предлагал».

3 марта Воробьев пригласил Збарского в склеп осмотреть тело Ленина. Состояние лица изрядно напугало Воробьева, на лбу и темени были видны темно-бурые пятна, глазницы глубоко запали. Воробьев твердо решил ни в коем случае не предлагать своих услуг.

Во второй половине того же дня Воробьев был приглашен на совещание к наркому здравоохранения Н. А. Семашко. На совещании Воробьев предложил паллиативные меры: покрыть вазелином лицо и кисти рук, чтобы уменьшить процесс высыхания, и попытаться через кровеносные сосуды подлить бальзамирующую жидкость в тело. «Замораживание же, – заявил он, выполняя, видимо, обещание, данное Збарскому, – нежелательно, так как оно может ничего не дать и грозит разрывом тканей».

На этом совещании Савельев предложил сохранять тело в атмосфере азота в сочетании с охлаждением. Анатом Карузин считал необходимым немедленно извлечь внутренности и вставить в глазницы протезы. Предложение Савельева ввести в места западений масло-какао не встретило одобрения.

Поздно вечером этого же дня (3 марта) Збарский у себя дома пытался убедить Воробьева согласиться на бальзамирование тела Ленина. «Вы сумасшедший, – ответил Воробьев, – и можете себе ломать голову, если хотите. Что же касается меня, то об этом даже и речи не может быть. Я ни в коем случае на такое явно рискованное и безнадёжное дело не пойду, а стать посмешищем среди ученых для меня неприемлемо. С другой стороны, вы забываете мое прошлое, которое большевики вспомнят, если будет неудача».

* * *

На следующий день Воробьева пригласили на большое совещание в Кремль. На это же совещание был приглашен и Збарский, очевидно, по предложению Красина, который, естественно, рассчитывал на поддержку Збарским своей идеи замораживания тела. Совещание вел Дзержинский, на нем присутствовали Молотов, Красин, Енукидзе и ученые-медики: Абрикосов, Вейсброд, Дешин, Карузин, Розанов, Савельев, Воробьев и Збарский.

Первый вопрос, который задал Дзержинский: «Есть ли на теле Ленина уже непоправимые изменения?»

«Безусловно, – отвечал Вейсброд, – они касаются пигментации носа, потемнения кожи в месте распила черепа, западения глазниц, заострения ушей и потемнения правого уха».

«Что это, – пытался уточнить Дзержинский, – признаки разложения или усыхания?»

Воробьев высказал предположение, что речь идет прежде всего о высыхании «от химических и физических причин». Дзержинский просит сообщить мнение ученых о замораживании тела. «Здесь замораживание отвергается. Это единогласное мнение и в этом отношении сомнений нет никаких?» – спрашивает он.

Воробьев отвечал односложно, будто отмахиваясь: «Да». И продолжил: «Тело обречено на высыхание и искажение. Его можно сохранить, только полностью погрузив в бальзамирующую жидкость. При этом, – добавил он, – эти изменения будут заметны только для тех, кто его близко знал, но для тех лиц, которые будут приезжать из дальних областей, облик его сохранится настолько, что они всегда узнают знакомое им лицо Владимира Ильича. Для этого, – предлагает Воробьев, – надо сделать сосуд из металла благородного, из серебра или из стекла, сверху прикрыть крышкой,

сделанной из зеркального стекла, и погрузить туда тело Ленина».

Розанов тотчас реагирует на это убийственной репликой: «Что же, мы должны сохранять тело в коробке, в ванне или в банке? А эстетично ли это?».

* * *

Далее обсуждалась проблема сохранения тела в атмосфере азота, предлагаемая и горячо отстаиваемая Савельевым. Эта в целом весьма разумная идея, по крайней мере с точки зрения приостановки окисления жира, которое неизбежно происходит при доступе кислорода воздуха, встречает, однако, возражения Красина. Красин, ссылаясь на инженерный опыт, полагает, что вытеснение воздуха из саркофага и замена его азотом – проблема технически весьма сложная. Кроме того, ведь в теле все равно будут идти анаэробные процессы, в том числе микроорганизменные, кроме того, наступят различного рода восстановительные реакции.

Наконец, Красин выступает со своим предложением о замораживании. Ему тотчас возражает Вейсброд: «Но ведь товарищи определенно высказываются, что наступит разрыв тканей и клеток и это может изменить очертания». Сдерживая раздражение, Красин спрашивает его: «В момент замораживания или в связи с последующим оттаиванием?». Ответ: «В самый момент замораживания».

Красин взрывается: «Я не совсем уясняю себе последнее возражение. Опыты с замораживанием трупов в анатомическом театре установили, да и вообще нам известно, что замороженные трупы человека внешне отличий особенно сильных не имеют. Что будет дальше в результате оттаивания? Тут можно опасаться больших изменений. Но само замораживание при условии, что дальше температура остается неизменной, как будто больших изменений, вроде разрыва тканей и сосудов, которые меняли бы форму лица, не производит».

Воробьев, внимательно его слушавший, неожиданно его поддерживает: «Да, при температуре минус 10–12 °С тело не будет изменяться». Казалось бы, чего еще искать! Лучше вариант, чем предложение Красина, найти трудно. Однако Дзержинский осторожен: «Это вопрос, который подлежит более детальному обсуждению. Нужно его еще проработать».

Принятое решение весьма скромное: надо удалить внутренности, лицо покрыть вазелином. Что касается введения в ткани масел или помещения

тела в атмосферу азота, то с этим надо подождать.

«Думаю, – без энтузиазма заключил Дзержинский, – на этом совещание с профессорами закончим».

Все повисло в воздухе, окончательного решения еще не было.

* * *

10 марта 1924 года было решено тщательно осмотреть тело Ленина. Спустившиеся в склеп ученые Абрикосов, Воробьев, Дешин, Вейсброд и Савельев зафиксировали основные изменения. После осмотра тела комиссия долго и тщательно составляла протокол. Снова обсуждали, что делать. Может быть, действительно следует тело заморозить? Сошлись все на том, что максимум тело можно сохранить один-два месяца, а затем его надо предать земле.

12 марта сделана еще одна попытка найти решение. Красин собирает на совещание медицинскую комиссию и приглашает принять участие в дискуссии известного ленинградского патологоанатома Г. В. Шора, который разработал свой метод изготовления анатомических препаратов с применением глицерина. Это совещание, полное недоговорок, осторожных формулировок и пессимизма, стоит того, чтобы о нем рассказать подробно.

На вопрос: «Что же делать?» – Шор предлагает прежде всего уменьшить воздушное пространство над телом, чтобы меньше было высыхание, затем он говорит, что и в бальзамирующей жидкости тело не удастся сохранить, так как одежда даст окрашивание. «Так что я думаю, – резюмировал он, – что от сохранения в жидкости придется совершенно отказаться, это является нецелесообразным». Затем вдруг Шор предлагает лакировать кожу лица для разглаживания морщин, как это делается косметологами, тело же «в таком виде, в каком оно находится сейчас, может быть сохранено еще максимум на 3–4 месяца». А чтобы вид тела был лучше, Шор предлагает бесцветные стекла в крышке гроба заменить на розовые.

Абрикосов пытался осторожно поддержать уважаемого Шора: «Вопрос ставится так, что, может быть, у нас имеется средство, которое даст профессор Шор, а именно обеззараживание с последующим применением глицерина, и в таком случае тело может быть сохранено».

Шор упорно ищет возражения: «Да, у нас хорошие результаты, но не для кожи: тут без пигментации не обойдется. Так что я лично, как автор

этого способа, сказал бы, что в данном случае он неприемлем».

Красин пытается уточнить: «Вы опасаетесь изменения цвета кожи?».

«Да, но и усыхание возможно», – отвечает Шор.

Красин, как инженер, грамотно объясняет ему, что уменьшение закрытого пространства над телом для установления водного равновесия, особенно при низких температурах, не имеет большого значения. «У меня нет справочной книжки Хита под рукой, – говорит он, – но я могу вас уверить, что речь идет тут лишь о нескольких кубических сантиметрах».

Прямолинейный Савельев не выдерживает и грубо спрашивает Шора: «Вы чего, собственно, боитесь?».

Шор вновь говорит об усыхании и изменении цвета кожи: «Просто она делается буроватой и имеет вид высохшей кожи».

Красин пытается в наилучшем виде представить способ Шора: «Погружение тела в ванну и держание его в жидкости с постоянно возрастающей концентрацией спирта, а затем введение глицерина и оставление на несколько месяцев в такой жидкости, по всей вероятности, гарантирует нам, что по истечении определенного числа месяцев мы будем иметь возможность вынуть тело из этой жидкости и открыть доступ к нему для обзора».

Ответ Шора: «Я думаю, что это не выйдет». На все вопросы Шор упорно твердит об изменении цвета кожи, которая станет пергаментной и более коричневой. «Если употреблять формалин, – утверждает он, – то он всегда дает бурый цвет». И далее: «Вероятнее всего появление этих пятен можно объяснить влиянием формалина, сернистых газов, соединенных с кровяными пигментами».

* * *

Туманные ответы Шора в конце концов вынуждают Воробьева выступить с подробной программой действий. Воробьев, судя по всему, изменил обычной своей осторожности. «Поскольку, – говорит он, – имеется предоставленный трехмесячный срок, необходимо обработать тело тремя способами: ввести бальзамирующую жидкость через сосуды, погрузить тело в жидкость, а в труднодоступные места ввести раствор путем инъекций. Затем, – утверждает он, – я убежден, что глицерин не ухудшит цвет лица Владимира Ильича. Также возможно будет в дальнейшем применять и цветное освещение, то есть цвет лампочек. Поскольку голова находится еще в таком состоянии, которое допускает поправление, то

способ Шора в настоящее время должен быть применен», – заключает Воробьев.

Дешин спрашивает его: «А что же надо делать конкретно?». Воробьев излагает, по сути, готовую программу, в которую он уже и сам верит безусловно. «Вынуть тело – раз, удалить всю жидкость – два, подвергнуть тщательной прочистке все тело, промыть, если это возможно, все сосуды, кроме головы, для того чтобы удалить отовсюду кровь, заменить эту жидкость, которая в данный момент там находится, спиртами, удалить предварительно хлористый цинк, вычистить тщательно внутренние органы, а по отношению к глицерину применить способ препарирования глицерином».

Эта программа воодушевила даже Шора. «Нельзя брать сразу глицерин, – замечает он, – а сначала более слабый раствор. Все места, где замечено гниение, надо обработать формалином, частично удалить их, заменив марлей».

Осторожный Дешин предлагает скромные меры: «Где немного впрыснуть, где немного помазать, где ввести формалин, но если всего это будет недостаточно, то остается единственный способ – заморозить».

Красин тут же спрашивает: «Профессор Шор, по поводу замораживания вы не считаете возможным высказаться?».

Шор: «Мне трудно».

В заключение все согласились с Красиным, что такого метода бальзамирования, который обеспечил бы сохранение тела Владимира Ильича в его теперешнем состоянии на неопределенно долгий срок, по-видимому, не имеется.

В этот же день другая, более высокая инстанция – исполнительная тройка под председательством Молотова – приняла решение: «Признать необходимым немедленно приступить к обработке тела В. И. Ленина жидкостями по методу сохранения естественной окраски тела, разработанному профессором Шором». Однако и это решение осталось только на бумаге.

* * *

Домашний анализ итогов последних совещаний, о которых подробно рассказал Воробьев Збарскому, убедил последнего по крайней мере в том, что, во-первых, никакого определенного решения в правительственной комиссии по сохранению тела Ленина еще нет, во-вторых, что Воробьев за

время дискуссий постепенно преисполнился уверенностью, что он все-таки лучше других понимает дело и вполне справился бы с бальзамированием тела Ленина, в-третьих, что эту проблему надо решать немедленно, так как в теле скоро наступят совсем уже необратимые изменения и оно будет погребено.

Однако ведь уже есть решение Молотова о закупке оборудования и создании условий для глубокого замораживания тела Ленина в соответствии с предложениями Красина! Более того, работы в Сенатской башне уже начались. Вот тогда-то и возник совершенно необычный план у Збарского, который он блестяще осуществил.

Перед самым отъездом Воробьева в Харьков 12 марта Збарский уговаривает его написать письмо Збарскому, задним числом, под его диктовку. Збарский объясняет нерешительному Воробьеву: такое письмо позволит сделать предложение «от нашего общего имени», конечно, оговорив, что это будет только попытка. «Кроме того, – вспоминает Збарский, – я ему обещал, что я договорюсь, в случае если это дело будет поручено, что оно будет сохранено в полной тайне. Таким образом, как будто бы большого риска нет, а главное, нет опасности, что нас “затюкают”, чего особенно боялся Воробьев».

Вот основные выдержки из текста этого необычного письма:

«Москва, 11 марта

Дорогой Борис Ильич!

Теперь я уезжаю с убеждением – волынка будет тянуться дальше, что решительных мер принято не будет и что все дело скоро окончится, так как лицо уже теперь землистое, скоро почернеет, а там и высохнет, что показывать покойника публике будет невозможно. Если будете в комиссии, продолжайте настаивать на методе обработки жидкостями».

А уж чтобы окончательно выбить почву из-под Красина, Збарский диктует фразу: «Кстати сказать, против замораживания, основываясь на литературных данных, абсолютно все члены комиссии».

«Нечего и говорить, – вспоминает Збарский, – с каким трудом он (Воробьев) вымучивал каждую фразу этого письма, боясь, чтобы я это не мог использовать как его определенное предложение взять на себя эту работу».

Збарский тотчас забрал письмо из рук Воробьева, боясь, что он может еще передумать, и тут же убедил написать второе письмо на имя Красина. Это письмо звучит несколько иначе: «...при всех условиях, даже при последующем замораживании, необходимо погружение тела в жидкости

для пропитывания, так как это единственный способ, в комбинации с инъекциями и другими манипуляциями, который остановит процесс».

* * *

На следующий день, 13 марта, Збарский передал письмо Воробьева в секретариат Красина. Сам же он решил сыграть ва-банк, обратившись лично к Дзержинскому, который должен выступить в роли козырного туза. Вечером 13 марта Збарский отправился на квартиру к П. А. Богданову (председателю ВСНХ РСФСР, который хорошо знал Збарского по работе института биохимии) и обратился с просьбой устроить ему аудиенцию у Дзержинского, занимавшего в это время пост председателя ВСНХ СССР. Богданов тотчас позвонил Дзержинскому, и тот, будучи больным ангиной, назначил Збарскому свидание в субботу, 14 марта, у себя на квартире в Кремле в 10 часов утра.

В назначенный час Збарский был у Дзержинского. Збарский прекрасно продумал сценарий всего разговора. Он спросил Дзержинского, есть ли решение о захоронении тела Ленина, и, получив неопределенный ответ, заявил: «Мы готовы спасти тело». На вопрос Дзержинского: «Кто это мы?» – Збарский твердо ответил: «Я и Воробьев».

Дзержинский вначале был озадачен, но, подумав, сказал: «Вы знаете, мне это нравится. Все-таки, значит, есть люди, которые могут взять на себя это дело и рискнуть».

Затем Збарский дал прочитать Дзержинскому письмо Воробьева, которое, видимо, окончательно убедило Дзержинского принять предложение своего необычного гостя. Смелостью (или дерзостью) Збарский расположил Дзержинского, который повел с ним разговор далее в дружеском тоне, заметив: «Я один, конечно, не могу принять никакого решения и доложу об этом правительству. Я полагаю, что ваше предложение будет принято, и с моей стороны вы встретите всякое содействие и помощь в столь трудной работе».

Збарский понял, что он окончательно выиграл дело, его уже не смутило малоприятное предложение Дзержинского: «Я советую вам сейчас же повидаться с Красиным, так как неудобно, что вы, будучи знакомы с ним, обратились не к нему, а прямо ко мне».

Тут же Дзержинский позвонил Красину и попросил незамедлительно принять Збарского. Можно представить себе, как был расстроен и взбуждобен Красин. Он принял Збарского стоя, не подав ему руки: «Что

вы там надумали с Воробьевым? Ваш Воробьев баба, он выступал на совещаниях, ничего конкретного не предлагая, а больше критикуя другие предложения. Вы же совсем набрали в рот воды и даже не произнесли ни одного слова. Между тем вы больше других понимаете, что замораживание должно дать свои результаты. Я с вами разговаривал больше месяца назад об этом и мог надеяться, что вы за это время обдумаете мое предложение и поддержите его. А теперь вы прибежали с каким-то неконкретным предложением. Скажите мне, что вы собираетесь делать?»

Збарский оправдывался тем, что все равно уже решено тело похоронить, а если ничего и не получится, то не все ли равно: похоронить его сегодня или одним-двумя месяцами позже. Красин же был оскорблен тем, как за его спиной его «обошли», и на вопрос: «Что вы, собственно, теперь от меня хотите?» – Збарский, чувствуя свою неуязвимость, пренебрегая вежливостью, заявил: «Меня к вам направил Дзержинский, а я, собственно, от вас ничего не хочу».

* * *

На следующий день, в воскресенье, Збарский позвонил Воробьеву в Харьков, сообщил ему, что «дело окончательно решено и нам, – подчеркнул он, – будет поручена эта работа» и что «обратного хода уже нет», на что расстроенный Воробьев сказал: «Вы и себя, и меня погубите».

Самое любопытное состояло в том, что 14-го же марта, когда Збарский совершил свой визит к Дзержинскому, а потом и к Красину, состоялось заседание тройки во главе с Молотовым. Оно полностью одобрило предложение Красина и все инженерные решения этого проекта. В постановлении было сказано: «1. Приступить немедленно к детальной разработке и осуществлению сохранения тела В. И. Ленина при низких температурах. 2. Утвердить проект стеклянного саркофага, представленный Мельниковым». Более того, намечен даже срок исполнения – 6 недель. Однако Збарский своим неожиданным ходом полностью заблокировал эту в целом вполне обоснованную и грамотную идею.

Красину ничего не оставалось, как немедленно отправиться в Харьков и самому познакомиться с музеем и всем, чем располагал Воробьев. «Что вы предлагаете по сохранению тела Ленина?» – спросил Воробьева Красин в Харькове. «Я ничего не предлагаю и думаю, что Збарский никаких в этом смысле заявлений не делал», – ответил Воробьев. «Тогда непонятно, почему Збарский от своего и вашего имени сделал такое заявление.

Правильно ли я вас понимаю, – продолжал Красин, – что вы хотите иметь официальное предложение от комиссии и тогда вы дадите ответ». – «Совершенно правильно», – ответил Воробьев.

Красин передал через наркома здравоохранения Украины письмо Воробьеву с предложением принять участие в работе по сохранению тела В. И. Ленина. «В случае вашего согласия, – написал Красин, – прошу вас меня об этом известить, а также о сроках, когда вы могли бы приступить к этой работе». Это было 17 марта 1924 года.

Воробьев написал ответ Красину 18 марта: «Сочту долгом предложение принять. Убежден, что предлагаемый метод погружения в жидкость является единственным из безопасных и что другого метода, столь достоверного для дальнейшего сохранения тела, в данное время нет. После четырехмесячной обработки тело, уже изменившее форму и окраску, может быть не менее, чем в настоящее время, пригодно для обозрения и что происходящие процессы разложения и усыхания прекратятся».

В письме Воробьев оговаривает свои права: производить необходимые разрезы на теле, инъекции и те манипуляции, которые будут необходимы; право выбора сотрудников и просьбу об осмотре членами исполнительной тройки тела до начала работы.

Письмо Воробьева нарком здравоохранения Украины Гуревич передал Красину, присовокупив свое мнение на этот счет: «Я знаю профессора Воробьева как лучшего в составе техника и практика в деле консервации трупов. Он буквально художник в этой области. Если кто-нибудь еще может спасти положение, так это безусловно он, и только он».

21 марта 1924 года Дзержинский от имени комиссии ЦИК СССР по организации похорон В. И. Ленина направляет Воробьеву письмо: «Комиссия предлагает вам, Владимир Петрович, принять необходимые меры для возможно длительного сохранения тела в том виде, в каком оно находится ныне. Комиссия предоставляет вам право в выборе сотрудников и применения тех мер, какие вы найдете нужными».

* * *

25 марта 1924 года утром В. П. Воробьев приехал в Москву вместе с прозектором А. Л. Шабадашем и окулистом Я. Г. Замковским. Все они поселились в гостинице недалеко от Красной площади. В этот же день Воробьев навещает Збарского, которого он вновь упрекает за то, что он «втаскивал его в это дело», и просит помочь написать письмо в комиссию

ЦИК СССР, в котором еще раз оговорить все условия предстоящей работы. Среди постоянных сотрудников Воробьев назвал профессора П. И. Карузину (анатом), профессора Б. И. Збарского (биохимик), доктора А. Л. Шабадаша (прозектор анатомического театра), доктора А. Н. Журавлева и доктора Я. Г. Замковского.

Воробьев просил также до начала работы составить детальное описание состояния тела с занесением в протокол расцветки кожных покровов. Максимальный срок полного окончания работы он определил в 4 месяца. Начало работ – предположительно в среду 26 марта 1924 года.

«В результате работ, – говорит в заключение, – рассчитываю на сохранение тела по меньшей мере в том виде, в каком оно находится ныне, и убежден, что процессы высыхания и изменения формы, наблюдаемые сейчас, прекратятся на длительное время. В. П. Воробьев».

Бальзамирование

Б. И. Збарский, приступая к бальзамированию, скорее всего рассуждал, как Наполеон: «On s'engage et puis... on voit» (Сначала надо ввязаться в бой... а там будет видно). Воробьев же, втянутый в это предприятие поневоле, хоть и не был вполне уверен в успехе, имел уже к этому времени собственный, хорошо обдуманный план, который достаточно четко прослеживался в его последних выступлениях на комиссиях Дзержинского и Красина.

Напомню, что план этот состоял из трех главных пунктов. Первый – прежде всего пропитать все тело формалином. Формальдегид в то время (да и сейчас) считался лучшим фиксатором, превращающим белки, в том числе ферменты, в прочные стабильные соединения (полимеры), предупреждающие аутолиз (распад); формальдегид же и сильное дезинфицирующее вещество, убивающее практически все микроорганизмы и большую часть грибков и плесеней.

Затем надо каким-то путем обесцветить бурые пятна, которые сильно портят внешний вид лица и кистей рук. Испытанным в музейном деле средством является перекись водорода, хорошо отбеливающая анатомические препараты.

Наконец, надо полностью пропитать все тело водными растворами глицерина и ацетата калия, так чтобы ткани не теряли влагу и находились в водном равновесии с окружающей средой, точно так же как его, Воробьева, непортящиеся анатомические препараты (конечности, части органов и т. п.), вот уже много лет хранящиеся на кафедре на открытом воздухе. Применение глицерина для бальзамирования было предложено в 1867 году швейцарским ученым Лясковским, а ацетат калия входит в рецептуру многих способов (Пика, Кайзерлинга, Граумитца, Томаса, Шора, Мельникова-Разведенкова). Правда, не совсем понятен был механизм действия уксуснокислого калия, хотя известно, что он, как и глицерин, весьма гигроскопичен, то есть способен удерживать влагу.

Впрочем, некоторые пункты плана оставались не вполне ясными. Каково должно быть оптимальное соотношение глицерина и ацетата калия? Каким образом можно полностью пропитать все ткани бальзамирующими растворами? Ведь наверняка можно полагать, что сосудистая система уже не годится для внутриартериальных инъекций. Остается, как полагал Воробьев, путь местных аппликаций, погружение всего тела в ванну с

раствором и локальные введения в ткани растворов с помощью шприцев с иглами. Что касается уменьшившихся за время нахождения тела на воздухе объемов ушей, носа, губ, то пока об этом думать рано. Может быть, само насыщение тканей растворами исправит положение.

* * *

26 марта 1924 года в полдень комиссия экспертов, в соответствии с пожеланиями Воробьева, спустилась в траурный зал склепа и приступила к тщательному осмотру тела Ленина, снятого с пьедестала на стол, чтобы составить максимально полный и точный перечень и описание всех имевшихся особенностей и дефектов. Воробьев придавал этому акту огромное значение: ведь он обещал только задержать дальнейшее ухудшение состояния тела и уж никак не улучшение (что, впрочем, в душе и не исключал). Назначенные эксперты Вейсброд и Розанов, с одной стороны, и исполнители Воробьев и Збарский – с другой, естественно, искали точные формулировки, нередко вступая в неловкие споры.

Для оценки и регистрации цвета кожи Збарский пригласил архитектора А. Л. Пастернака – сына известного художника и брата писателя – будущего нобелевского лауреата, с которым Збарский был давно знаком (еще в 1916 году Борис Пастернак гостил у Збарских на Каме). На кусках ватмана А. Пастернак тщательно выполнил акварелью 9 образцов цвета различных участков кожи тела Ленина.

Изменения, которые были отражены в акте, поистине удручающие. Особенно пострадали кисти рук. Словом, состояние тела было тяжелым, что в заключении определено как «посмертные изменения в виде усыхания и размягчения частей тела, резкие изменения окраски».

К вечеру Воробьев, Збарский и Шабаташ остались в холодном (около 0 °С) неудобном склепе одни. Надо было начинать работу. Прежде всего следовало расшить все наложенные ранее шпигатные швы на голове и по срединной линии тела, осмотреть полости, определить зоны и места размягчения и приступить к первым неотложным мерам – фиксации всех тканей формалином. Воробьев, сняв пиджак и надев халат, глядя на оробевшего Збарского, которому не приходилось еще соприкасаться с трупами, в сердцах заметил: «Вот, я так и знал! Вы были главным заводилой и втащили меня в это дело, а теперь ведете себя недотрогой. Извольте все с нами делать вместе».

В этот вечер решено было наложить на лицо, кисти рук и на переднюю

поверхность тела вату, смоченную в 1 %-ном растворе формальдегида. Общий план дальнейших действий определялся анализом состояния тела. Было, по крайней мере, ясно, что надо начинать с фиксации тела формальдегидом. Пути его введения, как ранее и высказывался Воробьев, возможны через сохранившиеся артерии, инъекции иглами и, наконец, путем погружения тела в ванну, наполненную формалином, с предварительно сделанными надрезами кожи в слабофиксированных или труднодоступных зонах.

Повреждения тканей тела, в частности его усыхание, произошли, как полагал Воробьев, в связи с недостаточным содержанием глицерина в бальзамирующей жидкости, которую применил Абрикосов. Другие изменения явились результатом замораживания и обморожения тела при его переносе из Горок на станцию Герасимово, затем частичным оттаиванием в Колонном зале (там температура иногда поднималась до +5–10 °С) и весенними колебаниями температуры во время пребывания тела в склепе. Похоже, однако, что как раз холодная зима и весна и спасли тело от полной гибели к марту.

К счастью, все организационные проблемы, которые взял на себя Збарский, решались быстро и оперативно с помощью Дзержинского, в ту пору обладавшего огромной властью. Все необходимые для работы инструменты, приборы и реактивы доставлялись незамедлительно. Была срочно изготовлена деревянная ванна, которая, несмотря на покрытие ее изнутри парафином, сильно протекала, в связи с чем на заводе «Каучук» сделали другую, резиновую. Отдельно для кистей рук были изготовлены большие резиновые перчатки, а для головы – закрытый цилиндр с отверстием на боковой стороне.

* * *

27 марта 1924 года была увеличена концентрация формальдегида с 1 до 2 % для обкладки тела смоченной в формалине ватой. Полости тела (брюшную и тазовую) промыли уксусной кислотой. Начали инъецировать раствор формалина в места, где на ощупь определялись размягчения тканей. Решено было повысить температуру в склепе с + 3 °С до +15–16 °С, то есть приблизить ее к условиям обычного сохранения музейного материала. В склепе были установлены электрические плитки. Воробьев, Збарский и их помощники не покидали склеп ни днем ни ночью, беспокоясь больших перепадов температуры воздуха, мало спали, питались

всухомятку. Узнав об этом, Дзержинский распорядился, чтобы к склепу подвели трамвайные рельсы и поставили вагон со всеми бытовыми удобствами.

31 марта 1924 года было решено произвести погружение всего тела в ванну с 3 %-ным раствором формальдегида. В это же время наладили местные отдельные «ванны» для рук и головы. На руки надевались перчатки, которые фиксировались резиновыми бинтами на запястьях и через разрезанный кончик одного из пальцев перчатки в полость вводили растворы. На голову надевали резиновый цилиндр, фиксируя его к шее резиновыми бинтами. Через отверстие, которое приходилось против носа, вводили в полость растворы и наблюдали за лицом.

В течение почти всего долгого периода бальзамирования Воробьева более всего беспокоила проблема темных пятен на лице и кистях рук. С первых же дней он активно стал их обрабатывать перекисью водорода. Испытание перекиси в лаборатории показало, что эффект побеления пятен оказывается временным. Гораздо лучше применение перекиси после энергичной обработки уксусной кислотой, которую стали применять в виде аппликации, внутрικοжных и даже внутримышечных инъекций. К радости Воробьева, пятна стали постепенно исчезать. В дальнейшем при обработке перекисью стали добавлять и аммиак для создания щелочной среды, активизировавшей действие пергидроля.

Воробьева не удовлетворяли медленное и неполное пропитывание тканей тела формалином, и он не был уверен, что последующие растворы будут легко проникать в ткани без разрезов кожи на теле. А можно ли их сделать? «Не думаете ли вы, – обратился он к Збарскому, – что в правительственных кругах не одобряют такие манипуляции?» Когда же Воробьев обратился к Б. С. Вейсброду и В. Н. Розанову – официально уполномоченным контролировать и наблюдать за процессом бальзамирования с этим вопросом, ответы были уклончивы: «Действуйте, как вам кажется необходимым, мы же только наблюдаем». А Розанов ответил: «Я вообще за мертвого не боюсь, а вот за живых...» На что Збарский справедливо ему заметил: «Есть много русских пословиц на этот счет. Например: “Дуракам половину работы не показывают”».

В начале апреля было решено обработать полость черепа. Из разреза в затылочной области была обнажена кость, в которой выпилили отверстия, через которые удалили бывшую там вату и сгустки крови. Кости черепа скрепили платиновой проволокой, просверлив в них бормашиной отверстия. Сделанные в затылочной кости отверстия позволили свободно проникать жидкости снаружи из ванны в полость черепа.

В течение нескольких дней тело находилось в ванне, наполненной 3 %-ным раствором формальдегида. На передней и задней поверхностях тела было сделано около 20 глубоких разрезов, с тем чтобы вскрыть основные фасциальные пространства на передней стенке живота, плечах, предплечьях, на бедрах, голених и сзади вдоль длинных мышц спины и в ягодичной области. Эти разрезы позволили хорошо пропитать глубокие мышечные массивы формалином, а затем и бальзамирующими растворами. Впоследствии они же доставили и множество хлопот в связи с трудностью их заделки. В дальнейшем Воробьев рассек кожу ладони и нижних поверхностей пальцев на обеих кистях рук.

* * *

В течение всего апреля ежедневно Воробьев упорно и по многу часов отбеливал темные участки кожи на лице, кистях рук и на туловище, применяя иногда даже неразведенную, то есть 30 %-ную, перекись водорода. Разумеется, это привело к слущиванию рогового слоя эпидермиса на лице, однако косметически было вполне допустимо, даже сыграло в дальнейшем положительную роль, улучшив проницаемость кожи для бальзамирующих растворов.

Через неделю тело было погружено в ванну с 20 %-ным спиртом, а голова и кисти рук – в локальные ванны с 30–35 %-ным спиртом. Такая спиртовая обработка продолжалась 6 дней. При контакте этилового спирта с гемоглобином образуются окрашенные в красный цвет соединения (метгемоглобин), улучшающие цвет кожных покровов, что было впоследствии доказано П. А. Минаковым и Н. Ф. Мельниковым-Разведенковым. Кроме того, спирт способствует удалению эпидермальных липидов, главным образом холестерина и фосфолипидов, что также увеличивает проницаемость кожной защитной пленки. Думаю, однако, что главными аргументами применения спиртовых ванн у Воробьева был его собственный музейный опыт.

С середины апреля в ванну стали добавлять глицерин, доведя его концентрацию до 20 % при 25–30 % спирта. После двухнедельного пропитывания в спирт-глицериновой ванне, в мае тело погрузили в водный раствор глицерина.

Некоторое размягчение тканей позволило в конце апреля вставить глазные протезы с наложением на края век 2–3 швов. В это же время были наложены швы через толщу верхней и нижней губ, прекрасно сомкнувшие

ротовую щель. Узлы этих швов прикрыты усами и бородой и внешне совершенно незаметны.

Много волнений доставляла неравномерность пропитывания кожных покровов, которая придавала вид «зебростости», чередования темных и светлых пятен, полос или точек на лице. По мере пропитывания тела эти дефекты постепенно исчезали. Иногда Воробьев предлагал «зигзаги», периодически погружая голову и кисти рук в ванны с 1 %-ным раствором формальдегида. В мае почти все пигментные пятна на открытых частях тела практически стали незаметными.

В начале июня в ванну стали добавлять уксуснокислый калий. Воробьев, как и все анатомы, пользовался своеобразными расчетами нужных концентраций. Своим помощникам-анатомам он приказывал мерить глицерин или ацетат ведрами на глазок, пудами или бутылками, что приводило в шок привыкшего к точности химика Збарского, который каждый раз пытался пересчитать состав ванны в литрах, килограммах и процентах.

* * *

16 июня 1924 года Дзержинский, имевший постоянный контакт со Збарским, попросил узнать, нельзя ли показать тело Ленина делегатам конгресса Коминтерна, проходившего в это время в Москве.

Воробьев дал согласие, но просил два дня на подготовку тела к обозрению. Необходимо было сделать множество дел: привести в порядок траурный зал, одеть тело В. И. Ленина, подготовить его к обозрению.

Решено было взять белье Ленина у Крупской, на квартиру которой и направился Збарский.

«Мне со всех сторон говорят, – сказала Крупская, – что это вообще неосуществимая вещь. Что вы там делаете? Неужели вы думаете, что возможно сохранить тело Владимира Ильича так, чтобы оно лежало на воздухе?..»

Збарский пригласил ее 18 июня в Мавзолей (временный, деревянный по проекту Щусева, каменный будет построен позже), и она пообещала прийти с сестрами и братом Ленина – Дмитрием.

День 17 июня был полностью занят подготовкой тела Ленина. Было надето белье, брюки и френч, в которых он лежал в Колонном зале. Тело было уложено в гробу на постаменте, головой обращенное к Кремлю так, что можно было, обходя постамент, осматривать лицо и руки Ленина с трех

разных сторон. Нижняя часть туловища была покрыта знаменем.

Все было впервые, поэтому возникала масса вопросов: а будет ли привыкать глаз зрителя, входящего в полутемное помещение с ярко освещенной площади? Какой должен быть наклон головы? Как уложить руки? Хорошо ли будет освещено тело лампами с матовыми абажурами?

Вечером 18 июня были поставлены часовые у ног постамента и в 19 часов 30 минут процессия делегатов конгресса направилась к Мавзолею от Никольских ворот. Прошли в траурный зал и родные Ленина.

Н. К. Крупская, выйдя из Мавзолея, плакала. Дмитрий Ильич пожал руки Воробьеву и Збарскому, проговорив: «Я ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я видел его тотчас после смерти, а пожалуй, и лучше».

Взволнованы были и делегаты конгресса. Это была победа. Воробьев и Збарский расцеловались.

* * *

Шел конец июня, до назначенного Воробьевым срока завершения работ остался один месяц. Воробьева не устраивало то обстоятельство, что при пропитывании тела в очередной ванне оно не погружалось самостоятельно – ведь в случае полного пропитывания оно должно быть тяжелее окружающей жидкости. Однако не было времени ждать эффекта полного погружения, поэтому при смене концентраций накладывали на тело марлевые мешочки, наполненные стеклянными шариками.

Плохо пропитывались ткани спины, стоп и пальцы рук, что и было причиной широких дополнительных разрезов кожи.

Пора было «приучать» тело к пребыванию в воздушной среде, поэтому в течение июля его на несколько часов ежедневно помещали на каталку.

Для профилактики возможного попадания микроорганизмов или простейших по предложению Збарского в ванну добавили 1 %, а затем до 2 % солянокислого хинина.

Наступила пора подготовки тела к окончанию работ. Было решено поверх смоченного белья туго забинтовать все тело и конечности резиновыми эластичными бинтами (их изготовил завод «Каучук»). Однако первая же проба показала, что бинты окрашивают белье в коричневый цвет. Позднее изготовили бесцветные превосходные резиновые бинты на заводе «Треугольник» в Ленинграде. Верхнюю одежду (брюки и френч) сохранили старые.

Установили саркофаг в траурном зале. Вдоль верхней его грани укрепили лампы накаливания. Провели все декоративные работы в зале – сменили обветшавшую красную с черным драпировку стен и потолка. Новые черного цвета серп и молот из материи прикрепили к потолку. Под постамент гроба поставили чашки Петри с водой и рассыпали кристаллы тимола.

22 июля, за четыре дня до официального окончания работ, по предложению В. П. Воробьева в траурный зал была приглашена комиссия экспертов в составе патологоанатома Н. Ф. Мельникова-Разведенкова из Краснодара, анатомов В. Н. Тонкова из Ленинграда и Иосифова из Воронежа. В течение четырех дней члены комиссии тщательно изучали состояние тела, скрупулезно сравнивая его с предыдущим описанием.

24 июля прибыла и правительственная комиссия, в которую вошли нарком здравоохранения Семашко, профессора Розанов и Савельев. Комиссия не скрывала своего восторга при осмотре бальзамированного тела. «Семашко, – вспоминал Збарский, – говорил, между прочим, что раньше он относился отрицательно к самой мысли о сохранении тела Владимира Ильича».

Обе комиссии подготовили акты и ожидали последнего перед открытием Мавзолея заседания правительственной комиссии Дзержинского.

Ночь перед открытием Мавзолея Воробьев и его команда провели в траурном зале. Эмоциональное напряжение достигло высшей точки. Воробьеву то казалось, что лицо Ленина вдруг стало сухим, то – что появилось желтое пятно на темени. Он непрерывно бранил Збарского, говоря о себе, что он «старый дурак», который дал себя уговорить Збарскому, и т. д. и т. п.

Збарский же был уверен в успехе. «Замечательно, – восклицал он, – замечательно, полная победа!»

* * *

26 июля 1924 года к 10 часам утра все было готово к приему посетителей в Мавзолее Ленина. В 12 часов дня ожидали высоких гостей. Воробьев и Збарский наблюдали, как через траурный зал прошли Дзержинский, Молотов, Ворошилов, Красин, Енукидзе и другие руководители (Сталина в Москве не было). Дзержинский по выходе из Мавзолея подошел к Воробьеву и Збарскому, положил руки на их плечи и

слегка привлек «виновников» к себе.

Заседание правительственной комиссии состоялось через час и проходило в Кремле в его большом зале. Дзержинский предоставил первому слово В. П. Воробьеву, который, волнуясь, кратко рассказал об истории бальзамирования и о проделанной работе. Мельников-Разведенков зачитал акт комиссии экспертов: «Комиссия признает результаты бальзамирования вполне удавшимися» и далее – «предпринятые для бальзамирования мероприятия покоятся, по мнению экспертов, на прочных научных основах, дающих право рассчитывать на продолжительное, в течение ряда десятилетий, сохранение тела Владимира Ильича в состоянии, позволяющем обозревать его в закрытом стеклянном гробу при соблюдении необходимых условий со стороны влажности и температуры».

Семашко огласил акт правительственной комиссии, заключение которого гласит: «Общий вид значительно улучшился по сравнению с тем, что наблюдалось перед бальзамировкой, и приближается в значительной мере к виду недавно умерших».

В зале были выставлены бальзамированные анатомические препараты. «Если это не будет неприятно, а будет угодно, – обратился к присутствующим профессор Воробьев, – здесь есть части тела (препараты), приготовленные проф. Карузиным по тому же самому методу, по которому было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Они висели в моей комнате на воздухе в течение 3 месяцев».

С большой речью выступил Енукидзе, который говорил о подвиге советских ученых и политическом значении сохранения тела Ленина. Комиссия просила подробно описать все этапы проведенной работы и передать это описание в Институт В. И. Ленина. Кроме того, она просила Воробьева и Збарского «составить популярное описание метода», опубликовать статьи, в том числе и на иностранных языках.

Воробьеву присвоили звание заслуженного профессора. Наградили и деньгами: Воробьеву дали 40 тысяч червонцев, Збарскому – 30, их помощникам – по 10 тысяч.

Закончилась большая и трудная работа. Была решена действительно уникальная и необычная задача – бальзамирование целого тела с полным сохранением объемов, форм и всей клеточной и тканевой структуры. В течение четырех месяцев Воробьев и Збарский трудились не покладая рук, решали многие сложные проблемы и добились безусловного успеха. 26 июля было их звездным днем.

1 августа 1924 года Мавзолей Ленина был открыт для посещения.

После завершения работ по бальзамированию тела Ленина жизнь Воробьева и Збарского круто изменилась: они стали знаменитыми, их имена стали известны всему народу.

Дальнейшая судьба Воробьева сложилась счастливо. Тотчас по завершении работ в Мавзолее он уехал в Харьков, оставив тело Ленина на попечение Збарского. Украина встретила его с почетом. Воробьеву выделяют деньги на ремонт кафедры анатомии и на закупку необходимого оснащения в Германии.

На конференции анатомов, которая проходила в 1924 году в Харькове, политически ориентированный профессор В. И. Тонков – известный ленинградский анатом, уже убежден, что «центр современной анатомической науки отныне переместился из Ленинграда в Харьков». На Воробьева сыплются награды: в 1927 году – премия имени Ленина, в 1934 году он получает (вместе с Б. И. Збарским) редкий в то время орден Ленина – высшую правительственную награду, его избирают членом Украинской Академии наук и даже членом ЦИК Украины (1935 год). Ему предоставляются правительственные привилегии, предусмотренные специальным решением: «Анатом, академик ВУАН, руководитель кафедры анатомии человека, награжденный орденом Ленина, Воробьев Владимир Петрович вносится в список научных работников УССР, выдающихся крупных ученых, подлежащих обслуживанию комиссии содействия ученым при СНК Союза ССР» (ЦГАОР УССР. Ф. 331. Оп. 2. Д. 48. Л. 18).

Важным делом своей жизни Воробьев считал создание полноценного анатомического музея, прекрасно сделанные препараты которого явились основой богато иллюстрированных учебников (1932, 1935–1936 годы), а затем и 5 томов «Атласа анатомии человека». Издание «Атласа» было завершено в 1942 году, уже после смерти Воробьева, который умер внезапно во время наркоза на операционном столе 31 октября 1937 года в возрасте 61 года.

Судьба Б. И. Збарского, складывающаяся в первые десятилетия после бальзамирования тела Ленина вполне благополучно, закончилась, к сожалению, трагично. Как и Воробьев, он был удостоен многих правительственных наград. Ему было присуждено высшее звание – Героя Социалистического Труда (1945), заслуженного деятеля науки, лауреата Государственной премии СССР (1944). Он имел более десятка разных орденов и медалей, стал одним из организаторов Академии медицинских

наук, членом ее бюро и президиума. Когда в 1939 году была создана научная лаборатория при Мавзолее, Б. И. Збарский стал ее бессменным директором.

Збарский заведовал кафедрой биохимии, вначале во 2-м Московском медицинском институте (1930–1934 годы), затем до конца своей жизни – в 1-м Московском медицинском институте. Научные интересы Б. И. Збарского были сосредоточены вокруг проблем биохимии белка и опухолевого роста.

Однако в 1952 году Збарский был арестован. В 1953 году после смерти Сталина реабилитирован. Дни его после этого уже были сочтены: 7 октября 1954 года в возрасте 69 лет Збарский скончался.

Секреты бальзамирования

По рекомендации итогового заседания правительственной комиссии (26.07.1924 г.), в августе того же года было опубликовано сообщение Воробьева («Харьковский коммунист» от 1 августа), в котором он писал, что каждая клетка прежде всего «должна быть пропитана невысыхающими веществами, которые притягивали бы влагу из окружающего воздуха. Такими веществами являлись глицерин и уксуснокислый калий; глицерин никогда не высыхает, уксуснокислый калий особенно жадно притягивает влагу. Поэтому клетка, пропитанная этими веществами, никогда не может ни загнить, так как глицерин хорошо консервирует, ни высохнуть, если в окружающей среде будет находиться некоторое количество влаги».

Воробьев описывает также принципы устранения пигментных пятен или пергаментных пятен высыхания. Он говорит о трех этапах: первый – аппликация воды, второй – смеси воды с раствором уксусной кислоты и третий – «взбучивание» с помощью перекиси водорода. Наконец, Воробьев постоянно напоминает, что его и Збарского заслугой является применение метода Мельникова-Разведенкова «не к отдельным органам, как это ранее практиковалось, а к целому человеческому телу, чего еще никто нигде не пробовал делать» (Укр. мед. архив. 1930. Т. 5. С. 148).

Впрочем, несколько иного мнения придерживался Збарский. В 1939 году в одном из своих выступлений (19 января) в связи с 15-летием бальзамирования Ленина Збарский вспоминает о весне 1924 года: «Почти все ученые на заседаниях высказались о невозможности длительного сохранения тела в указанных условиях. В то время у меня с Воробьевым и возникла идея нового метода, дающего возможность такого сохранения».

Позже, уже в 1943 году, на совещании ученых в Тюмени, куда было эвакуировано тело Ленина, Збарский сказал: «Теперь к вопросу о приоритете. Это вопрос очень большой. Он не лично мой, а советский. В нашей стране впервые в мире было это осуществлено, и нигде это не повторено до сих пор. За границей, – подчеркнул он, – имеется много статей о сохранении тела Владимира Ильича. Статьи исключительно хвалебные. Американцы даже пишут, что это гениальная работа».

Автор вынужден писать обо всем этом, чтобы избежать упреков (или даже, не дай Бог, преследований?!) в том, что в этой книге якобы открыты секреты бальзамирования, представляющие государственные интересы. По сути дела, эти «секреты» давно уже открыты. Более того, любознательный читатель может самостоятельно найти описание способа, примененного при бальзамировании Ленина, даже в Большой Советской Энциклопедии (БСЭ. 2-е изд. М., 1950. Т. 4. С. 175: «Кроме того, если тело было уже набальзамировано раньше введением в его сосуды формалина, можно пропитать его глицерином или глицериново-уксуснонатриевой смесью посредством погружения тела... в ванну, наполненную указанной жидкостью. Сходный способ был применен профессорами В. П. Воробьевым и Б. И. Збарским при бальзамировании тела В. И. Ленина»).

Так все-таки почему же с 1939 года все исследования лаборатории, протоколы совещаний, все материалы, так или иначе связанные с Мавзолеем Ленина, были строго засекречены?

Вероятно, были соображения чисто гуманного свойства: не совсем этично рассказывать о тех или иных манипуляциях на теле покойного вождя. По официальной версии сталинского времени, нельзя было публиковать любые сведения, которые могли бы как-то «приземлить», «принизить» образ вождя. В двухтомной «Биографии Ленина» (1987) можно проследить весь его путь в революции и истории партии и не найти почти ничего, что касалось бы личной его жизни.

Возможно и другое: те, кто решал этот вопрос, искренне считали, что действительно существует тайна бальзамирования, особый метод Воробьева – Збарского, который заграничные разведки будто бы всячески стремятся разузнать.

Думаю, впрочем, что «закрытость» лаборатории была «полезна» и тем, кто в ней работал: оклад был здесь повышен (по причине секретности), да и условия работы были хорошими, так как правительство не скупилось на закупку современного оборудования и реактивов для лаборатории.

Впрочем, секретность оказалась теперь, в наше время, выгодной. В сегодняшних условиях, когда лаборатория стала частью коммерческой структуры, занимающейся бальзамированием, все технические, научные, манипуляционные маленькие и большие нововведения, усовершенствования и т. д., которые были добыты за десятки лет работы сотрудниками лаборатории, приобретают определенную коммерческую ценность.

Эвакуация тела Ленина

Одним из сложных периодов в истории лаборатории была эвакуация тела Ленина в тогда еще маленький сибирский город Тюмень во время войны 1941–1945 годов. Это второе «путешествие» Ленина, длившееся 1360 дней с июля 1941 года по март 1945 года, впервые кратко упомянуто Б. И. Збарским в его книге «Мавзолей В. И. Ленина» (1946).

Любопытно, что об этой эпопее до выхода книги Б. И. Збарского, в сущности, никто не знал: так четко была налажена конспиративная служба.

Уже через десять дней после нападения фашистской Германии возникла реальная угроза бомбежек Москвы. Военная комиссия, обследовавшая 4 июля 1941 года Мавзолей, пришла к выводу о целесообразности эвакуации тела Ленина в другое, безопасное место.

Комендант Кремля Н. К. Спиридонов немедленно уведомил Б. И. Збарского о возможной эвакуации тела Ленина. Б. И. Збарского вызвали в Кремль к А. И. Микояну и Л. М. Кагановичу. На вопрос, можно ли перевезти и сохранить тело Ленина в непривычных условиях, Б. И. Збарский ответил: «Конечно, это представляет трудности, но это выполнимо».

В докладной записке на имя наркома НКВД Л. П. Берии Збарский изложил суть дела. О предстоящем отъезде Збарский известил также и наркома здравоохранения Г. А. Митерева. В ночь со 2 на 3 июля было принято решение правительства, подписанное И. В. Сталиным, об эвакуации тела В. И. Ленина в Тюмень. 3 июля в 5 часов утра о решении правительства Б. И. Збарскому сообщили официально и просили подготовить все необходимое к отъезду сегодня же к вечеру.

В тот же день был изготовлен гроб из прочного дерева (чинары). На краях крышки были сделаны продольные выступы, входившие в пазы по периметру основания гроба. Заказан был и щит из целлулоида для прикрытия лица бальзамированного тела. Стеклянная полуванна, в которой обычно покоилось тело Ленина, не годилась для перевозки – она была слишком тяжела (вес ее был более 100 кг), к тому же она в дороге могла расколоться. Тело было обернуто простыней, смоченной бальзамирующим раствором, которую скрепили резиновыми бинтами. Стенки деревянного гроба были пропитаны парафином, пазы по краям гроба для герметизации заполнили вазелином.

К 16 часам тело было уложено в деревянный гроб, затем помещено в

прочный ящик. Гроб вынесли из Мавзолея красноармейцы, поместили его в кузов грузового автомобиля и по улицам опустевшей Москвы повезли к Казанскому вокзалу. Кorteж прибыл на один из далеких запасных путей, где уже стоял специальный поезд, состоявший из вагона-холодильника, двух вагонов для охраны, вагона-салона для Б. И. Збарского, С. Р. Мардашева, И. Б. Збарского и их семей (Р. Синельников приедет в Тюмень позже), двух грузовых вагонов, куда были заранее привезены необходимое оборудование и химические реактивы. В 17 часов тело было сдано по акту Б. И. Збарскому и внесено в вагон-холодильник, перегороженный на 2 половины; в одну из них поместили гроб с телом, в другой была поставлена вооруженная охрана.

4 июля 1941 года в 19 часов состав, охраняемый 15 солдатами и 5 командирами, медленно тронулся в путь, увозя тело Ленина из Москвы.

* * *

Трое с половиной суток тщательно охраняемый секретный поезд двигался на восток. В дороге Б. И. Збарский и его соратники неоднократно осматривали тело Ленина. Температура в вагоне-рефрижераторе держалась в пределах 12–15 °С. На всякий случай, учитывая жаркую погоду, сохранялся и запас льда. Наконец рано утром в 7 часов 05 минут 7 июля поезд прибывает на станцию Тюмень. Его встречают секретарь ГК партии Николаев, представители НКВД и председатель горисполкома. Импозантный Б. И. Збарский с редким в то время орденом Ленина на лацкане пиджака производит большое впечатление. Необходимо срочно найти подходящее здание для размещения всех прибывших и, главное, для обеспечения максимально приемлемых условий сохранения тела В. И. Ленина.

Предлагают осмотреть загородный дом отдыха, а также все имеющиеся здания в городе. Однако все увиденное огорчает Б. И. Збарского: в домах нет канализации, центрального отопления, в городе грязно и пыльно. В конце концов все сходятся на том, что наиболее подходящим является дом сельхозтехникума, бывшее реальное училище. Здание расположено хоть и в центре города, но достаточно изолировано: с одной стороны оно примыкает к парку, с другой – его отделяет улица, а с боков – переулки.

Энергичный председатель исполкома организует срочный ремонт всего здания, налаживает электрическое (вместо печного) отопление, и вся

команда Б. И. Збарского размещается в большом каменном здании. На втором этаже в отдельном отсеке в просторной комнате ставят две стеклянные ванны, одну из которых заполняют бальзамирующим раствором, в который погружают тело Ленина. У входа в этот отсек постоянно будет стоять красноармейский пост № 1.

Збарский, как, впрочем, и все советские люди, не предполагал, что война будет долгой. Именно поэтому первой задачей лета и осени 1941 года было поместить тело в раствор, с тем чтобы оно в течение 2–3 месяцев как следует пропиталось бальзамирующими ингредиентами. Состав раствора решили несколько изменить, увеличив в нем долю глицерина и ацетата калия.

Основанием для применения нового раствора послужили опыты, проведенные в Тюмени С. Р. Мардашевым. Плоские стеклянные чашки наполнялись растворами, содержащими различные концентрации воды, глицерина и ацетата калия. Эти чашки помещались в обычную воздушную среду при комнатной температуре. Затем они периодически через короткие интервалы времени взвешивались, и та концентрация, при которой быстро устанавливалось равновесие, где не было ни убыли веса (испарения), ни прибавки веса (поглощения воды из воздуха), считалась оптимальной для данной конкретной обстановки.

Война, однако, затягивалась, осенне-зимнее наступление немцев на Москву было остановлено и успешно отбито; немецкая армия понесла большие потери. Однако до конца войны было еще очень далеко.

* * *

В январе 1942 года случилось неожиданное осложнение. Вначале на простыне, покрывавшей ванну, а затем на голенях и частично на теле Ленина появились темные точечные пятнышки, которые при исследовании оказались грибами, занесенными с плохо простерилизованного материала (вода, вата, марля, простыни, халаты стерилизовались и завозились из Омска). Это уже был второй случай заноса грибков, первый был в 1933 году, когда грибки оказались на знамени Парижской коммуны (некоторые из видов грибков могут существовать практически в любой, даже самой неблагоприятной среде).

С этим осложнением быстро справились, обработав места поражения формалином и перекисью водорода. В дальнейшем, по предложению Н. Н. Бурденко, в лаборатории были введены строгие правила хирургической

антисептики. Во время работы персонал стал надевать стерильные халаты, маски, бахилы, применять только асептический (стерильный) материал.

В июле 1942 года, ровно через год после отъезда из Москвы, Б. И. Збарский послал письмо на имя Л. П. Берии с просьбой направить комиссию для контроля за ходом работ по сохранению тела В. И. Ленина в составе академиков А. И. Абрикосова, Н. Н. Бурденко и А. Д. Сперанского.

Комиссия работала 13 и 14 июля, отметив в акте, что в результате перебальзамирования наступило улучшение цвета кожных покровов, исчезновение пятен, улучшение эластичности тканей, уменьшение складчатости на сгибах конечностей, увеличение веса тела.

А. И. Абрикосов утверждает, что в результате перебальзамирования «тело значительно улучшилось, особенно лицо и руки», а А. Д. Сперанский считает результат перебальзамирования превосходным: «Совершенно необыкновенно точно посвежевшее лицо. Тело в прекрасном состоянии». Н. Н. Бурденко более всего был поражен сохранностью подвижности в суставах: «Какая замечательная подвижность в плечевом и локтевом суставах!». Более того, комиссия полагает, что найдены пути устранения гидролиза жира: «Коллектив провел большую работу, позволяющую считать указанную задачу (гидролиз жира в коже и подкожной клетчатке) решенной».

Решена же эта задача была весьма паллиативно. Разумеется, хорошая фиксация тела формалином, которая является первой предупредительной мерой, сохраняющей жировую клетчатку, уменьшает опасность выхода жира из жировых долек за счет уплотнения оболочек жировых клеток, однако это не спасает от медленно идущих гидролитических и окислительных процессов. Разработаны же на самом деле полезные способы замещения утраченных объемов жировой клетчатки путем подкожного или внутримышечного введения через тонкие иглы инертных масс, состоящих из 4 основных компонентов: вазелина, воска, парафина и желатина.

* * *

На следующий год, в октябре 1943 года, Б. И. Збарский направляет в правительство следующее обращение: «В связи с приближающимся 20-летием со дня смерти В. И. Ленина прошу назначить комиссию для заслушивания моего отчета о работе по сохранению тела В. И. Ленина в течение 20 лет. Комиссию, – продолжает Б. И. Збарский, – прошу назначить

в следующем составе: народный комиссар здравоохранения Г. А. Митерев, академики А. И. Абrikосов, Н. Н. Бурденко, Л. А. Орбели и А. Д. Сперанский».

Все вышло, как просил Б. И. Збарский, и комиссия прибыла в Тюмень в ноябре 1943 года. Комиссия провела в Тюмени неделю и составила превосходный акт.

«Мое впечатление, – заявил тогда Н. Н. Бурденко, – что это величайший эксперимент в анатомии и биохимии».

Следующий, 1944 год, по сути, был годом подготовки к возвращению в Москву. Большая работа была проведена по устранению пигментных пятен, а также исправлению пропорций некоторых областей (губы, носогубные складки, крылья носа и др.).

Впервые М. А. Бароном были проведены тщательные гистологические исследования кожи и мышечной ткани балъзамированного тела. Появилось время для начатой еще в Москве и незаконченной работы по подбору наиболее подходящих цветных фильтров, которые бы при освещении объекта придавали кожным покровам «живой» вид. Светофильтры готовили вручную, окрашивая стекла с помощью гистологических красителей (эозин, азури, судан и т. д.).

Тяжелая и мучительная война подходила к своему концу. Приближался день полного разгрома фашистской Германии, славный день нашей Победы.

В начале 1945 года было получено разрешение на возвращение в Москву. Нам неизвестно, как происходило прощание Б. И. Збарского с Тюменью. Б. И. Збарский и его сотрудники активно занимались лекционной работой среди населения, вели занятия по биологии, химии и математике в средних школах города, участвовали в общественной жизни Тюмени и, несомненно, оставили о себе добрую и благодарную память.

25 марта 1945 года в 2 часа ночи специальный поезд из 9 вагонов с телом В. И. Ленина отправился из Тюмени на запад и через три дня прибыл в Москву. К этому времени уже был готов новый саркофаг. Предстояла большая работа по отработке системы освещения, которая была поручена Электротехническому институту. Три главные задачи стояли перед осветителями: добиться многоточечного освещения лица и кистей рук так, чтобы устранить искажающие портретное сходство резкие тени и блики, подобрать наиболее подходящую цветовую гамму с помощью светофильтров, чтобы освещенные лицо и руки казались как бы живыми, и, наконец, устранить тепловое воздействие на лицо путем съема излишков тепла с верхней двойной крышки саркофага, где располагались

светильники.

Н. В. Горбачев, один из ведущих сотрудников ЭТИ, установил 28 точечных ламп накаливания по всему периметру верхней крышки и с помощью фильтров и диафрагм добился прекрасного результата.

22 мая 1945 года комиссия, в состав которой входили техники, медики (Митерев, Абрикосов и др.) и художники (А. М. Герасимов), приняла новый саркофаг с высокой оценкой.

16 сентября 1945 года Мавзолей В. И. Ленина был вновь открыт.

* * *

После 1946 года наступило время существенно усилить научный потенциал и материальные условия лаборатории и развернуть серьезные научные исследования. Для лаборатории было построено вначале небольшое двухэтажное здание на Садово-Кудринской, а затем в 70-е годы – специально спроектированный большой корпус, хорошо оснащенный всем необходимым для экспериментальной и научной работы.

Сотрудники лаборатории в послевоенные годы провели бальзамирование Г. Димитрова (1949 г.), Х. Чойбалсана (1952 г.), И. В. Сталина (1953 г.), К. Готвальда (1953 г.), Хо Ши Мина (1969 г.), А. Нето (1979 г.), Ким Ир Сена (1994 г.) – покойных руководителей Болгарии, Монголии, Чехословакии, Вьетнама, Анголы, КНДР.

Думаю, что в свое время об этом непременно будут написаны интересные и поучительные книги. Нужна, разумеется, и особая книга об исследованиях и достижениях сотрудников лаборатории.

Воспоминания о болезни и смерти Ленина

Я решил дополнить свою книгу воспоминаниями очевидцев о болезни и смерти В. И. Ленина, а также о бальзамировании его тела, – думаю, это может представлять интерес для читателей.

Впрочем, не скрою, были и соображения другого рода: с помощью правды прекратить наконец поток измышлений, нелепых догадок и фантазий, столь часто появляющихся в статьях и книгах о болезни, смерти и бальзамировании Ленина у нас и за границей.

Последние месяцы в Горках (Из воспоминаний Т. М. Беяковой)

Не так давно я побывала в Горках Ленинских. Потянуло в памятные места. Заглянула во все уголки дачи. Побродила по аллеям, дорожкам и тропинкам. Постояла в саду. Посидела в комнате, где когда-то жила и отдыхала после ночных дежурств у больного Владимира Ильича. Многие вспомнила. Память сердца выручает...

2 января 1923 года меня привезли в Кремль на квартиру Ленина. По дороге высказала врачу В. А. Обуху свои сомнения... Никак не могла представить себе, как буду оказывать медицинскую помощь Ленину, помогать Крупской и Ульяновой ухаживать за ним.

Доктор Обух успокаивал меня: дескать, давно знает Владимира Ильича как человека простого и общительного.

И вот я в комнате Ленина. Врачи Крамер и Кожевников представили меня Владимиру Ильичу. Я смутилась и немного растерялась. Не знала, что в таких случаях полагается говорить.

Владимир Ильич спросил: как доехала, не замерзла ли? Как зовут, сколько мне лет? Давно работаю медицинской сестрой и где?

От ленинской улыбки, благожелательных житейских расспросов мне стало сразу легко. Успокоилась и обстоятельно ответила на все, что интересовало Владимира Ильича.

Профессор Крамер назначил Ленину курс лечения. В него входил и массаж правой руки.

Я дежурила в квартире Ленина почти всегда по ночам. Однажды терпеливо сидела час, другой... Думала, что Ленин заснул. И вдруг услышала, как он начал перебирать бумаги.

- Владимир Ильич, почему не спите? – спросила я.
- Не могу уснуть.
- Примите таблетку.
- Пробовал, таблетки не помогают.

Во время своих дежурств я встречала в квартире Ленина врачей Осипова и Бехтерева, Елистратова и Ферстера, Вейсброда и Очкина, Семашко и Левина. Все они в меру своих сил и возможностей старались помочь Владимиру Ильичу вернуться к активной работе.

В те минуты и часы, когда наступало относительное улучшение, Владимир Ильич разговаривал со мной, советовал поступить в медицинский институт. Он говорил:

– Надо, обязательно надо учиться. Советской власти нужны будут тысячи, десятки тысяч врачей.

Как-то подозвал меня и ласково сказал:

– Я доставляю вам много хлопот...

– Что вы, Владимир Ильич! – воскликнула я. – Об этом не беспокойтесь.

В то время Ленину врачи разрешили диктовать свои письма. Помню, приходили секретарь Совнаркома Л. А. Фотиева и дежурный секретарь М. А. Володичева. Мария Акимовна виртуозно владела стенографией. Именно ей посчастливилось первой записывать речи Ленина в Петрограде после его возвращения из эмиграции.

Володичевой диктовал Владимир Ильич и свои последние статьи. Он, конечно, сознавал опасность болезни. В любую минуту он мог выйти из строя. Поэтому, видимо, решил, не откладывая на завтра, продиктовать записки, высказаться в них по самым актуальным, по самым острым и важным вопросам строительства социализма.

Однажды, когда Володичева закончила свою работу и ушла, Ленин попросил пить. Возвращая мне стакан, он с какой-то особой уверенностью, вероятно, отвечая на какие-то сокровенные думы, сказал:

– А все же самое главное, самое необходимое я еще успею продиктовать...

И Владимир Ильич, как только появлялась хоть малейшая возможность, продолжал диктовать свои статьи и письма.

Я узнала потом, что в день моего приезда, 2 января, Ленин диктовал «Странички из дневника», а через два дня они были напечатаны в «Правде». Надежда Константиновна сообщила Владимиру Ильичу, что его статья вызвала огромный подъем среди работников просвещения. Нельзя было не заметить, как обрадовался Ленин.

Январь у Владимира Ильича был исключительно плодотворным. Как только ему становилось чуть-чуть лучше, он брался за работу. Иногда просил меня заложить в книгу нужную страницу, передать Надежде Константиновне, чтобы она позвонила тому или иному товарищу по такому-то вопросу.

В «Дневнике дежурных секретарей В. И. Ленина» за 22 января 1923 года есть такая запись М. А. Володичевой: «Владимир Ильич вызывал на 25 минут (с 12-ти до 12 ч. 25 м.). Вносил поправки во 2-й вариант о Рабкрине; окончательно остановился на этом варианте. Т. к. он был ограничен временем, то очень торопился. Просил привести статью в порядок, перепечатать и дать ему к вечеру. Надежда Константиновна, впуская к нему, сказала, что он незаконно взял себе еще несколько минут для просмотра статьи. Надежда Константиновна мне передала, что сестра (дежурная) не хотела пускать меня к нему».

Действительно, во время моего дежурства в этот день Ленин нарушил врачебный режим: в течение нескольких минут, не предусмотренных расписанием врачей, просматривал свою статью и вызвал Володичеву. Я не хотела ее впускать и уведомила об этом Крупскую. Надежда Константиновна сказала, что берет ответственность на себя, и разрешила стенографистке войти к Ленину.

Ограниченный временем, Владимир Ильич торопился диктовать. Когда Володичева ушла, ему показалось, что ей трудно было за ним поспевать записывать. Он попросил Надежду Константиновну сходить в секретариат и передать Володичевой, чтобы она оставила пропуски в местах, которые ей не удалось записать, если такие имеются.

Надежда Константиновна вернулась из секретариата и сообщила, что стенографистка успела все хорошо записать, она заверила, что, как только статья будет переписана начисто, ее принесут и тогда Владимир Ильич сможет внести в нее свои поправки. Однако этой работой в тот день он больше не занимался...

6 марта 1923 года М. А. Володичева последний раз работала с В. И. Лениным. Наступило ухудшение в состоянии его здоровья, и он уже не мог диктовать.

Начался длительный уход за больным Владимиром Ильичем. Основная часть заботы падала на Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Как могла, помогала и я.

С радостью всегда встречал Владимир Ильич появление Марии Ильиничны. Вечерами терпеливо ждал ее возвращения из редакции «Правды». А если она почему-либо задерживалась, просил позвонить,

узнать, когда приедет.

Мария Ильинична возвращалась с работы почти всегда со свежим, пахнущим типографской краской номером «Правды». Она брала маленькую скамеечку и подсаживалась к изголовью Владимира Ильича. Сначала рассказывала редакционные новости, а затем читала наиболее интересные заметки и статьи, помещенные в газете. Некоторыми материалами Ленин оставался недоволен, считал печатание их на страницах центрального партийного органа ошибочным. Просил Марию Ильиничну сообщить об этом редколлегии «Правды». Другие статьи, наоборот, одобрял, говорил, что их в газете надо было поместить на самом видном месте, сопроводить редакционным комментарием.

Весной Ленина перевезли из Москвы в Горки. Ехали мы туда на двух машинах. Владимира Ильича сопровождали Крупская, Ульянова и профессор Розанов.

В Горках мои дежурства продолжались главным образом по ночам. Около пяти часов утра в комнате, как правило, появлялась Надежда Константиновна.

– Пойди, Таиса, отдохни, – говорила она. – Теперь я побуду с Володией.

Сообщив ей о том, как вел и чувствовал себя Владимир Ильич ночью, передав необходимые лекарства и последние указания врачей, уходила на отдых. Часто Надежда Константиновна оставляла меня спать в своей комнате, настойчиво доказывая, что у нее значительно теплее, чем в комнате у медицинских сестер. И при этом так ласково, по-матерински смотрела, что отказать было просто невозможно, И я оставалась.

Все мы радостно вздохнули, когда здоровье Владимира Ильича начало поправляться. Он окреп уже настолько, что стал принимать участие в прогулках и даже в походах (правда, в коляске) за грибами. Весело подтрунивал над Розановым, когда тот проходил мимо гриба.

Владимир Ильич любил собирать грибы. Ради него, бывало, компанией отправлялись в парк, и он зорко посматривал по сторонам, издали видел гриб – белый или подберезовик, указывал нам, а мы подбирали.

Как-то Владимир Ильич вспомнил о старом садовнике, жившем в Горках. Попросил проводить его в комнату садовника. И долго сидел у старика, слушая его речь. Смеялся шуткам бывшего человека. От садовника Владимир Ильич ушел очень довольным и отдохнувшим.

Однажды во время прогулки в саду Мария Ильинична сорвала красную розу и прикрепила к петлице пиджака Владимира Ильича. Это обрадовало его, он заулыбался. Потом взял эту розу и протянул ее

медсестре Т. П. Смирновой, которая тоже дежурила, как и я, в комнате Ленина. Она была тронута до слез вниманием, проявленным Владимиром Ильичем.

Нередко в Горки приезжал дежурить Владимир Николаевич Розанов. С ним Ленин охотно отправлялся на прогулку либо сидел за столом, смеялся шуткам неистощимого на выдумки профессора. В одно из своих дежурств Розанов поделился с Владимиром Ильичем, Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной большой личной радостью. Ему как активному борцу за здоровье трудящихся был присужден диплом «Герой труда». Ульяновы горячо поздравили профессора с заслуженной наградой. А Владимир Ильич, чтобы доставить удовольствие награжденному, в этот день с особой тщательностью выполнял все его советы и рекомендации.

Профессор В. Н. Розанов был человеком неиссякаемой жизненной энергии, он глубоко верил в науку, самозабвенно трудился по налаживанию здравоохранения трудящихся. Именно за эти качества его ценили, любили и уважали в семье Ульяновых.

Помню, как вдохновил Владимира Ильича почин рабочих завода «Динамо». На общезаводском собрании они постановили внести 3000 рублей на постройку самолета «Правда». «Ожидаем, – писали рабочие, – что другие заводы поддержат идею коллективных взносов».

Вскоре в газетах появилось сообщение о том, что В. И. Ленин и Н. К. Крупская также внесли свой вклад на постройку самолета «Правда» – 6 червонцев.

Как известно, самолет «Правда» был построен и 7 ноября 1923 года совершил свой первый полет над Красной площадью.

По газетам Ленин внимательно следил за развитием большого патриотического движения по сбору средств на постройку самолетов Красного воздушного флота. Он радовался: трудящиеся Советской республики добровольно вносили свои пожертвования, укрепляли тем самым обороноспособность страны.

Однажды, это было 30 августа 1923 года, в Горки, как обычно, привезли почту. Надежда Константиновна отобрала свежие газеты и, прежде чем понести их Владимиру Ильичу, решила просмотреть «Правду». Развернула. Вся первая страница была посвящена пятой годовщине со дня покушения на жизнь Ленина. – Взволнует это Ильича, – проговорила вслух Крупская.

«Правда» писала: «30 августа 1918 года – горькая дата, страшный, незабываемый день, когда агенты буржуазии – эсеры – пытались отнять у советских людей Ильича... Мировой пролетариат носит в своем сердце

пули, пробившие грудь тов. Ленина... Он возвратит их своим врагам в час решительного боя за коммунизм. Он пошлет их в сердце буржуазии...»

Надежда Константиновна решила все же показать газету Владимиру Ильичу. Зашла к нему в комнату. Он приветливо улыбнулся и кивнул головой: читай, мол. Начала читать. И я видела, как Ленин сначала взгрустнул, а когда Крупская прочитала слова: «Революция совершила чудо: спасла себя, спасла рабочий класс, удержала для всего униженного человечества республику труда. Эта республика живет и крепнет», – Владимир Ильич вдруг повеселел, глаза его лучились светом.

В сентябре 1923 года Владимир Ильич почти ежедневно совершал прогулки в окрестностях Горок на автомобиле, бывал по часу и более на свежем воздухе. У всех нас, живших в ту пору в Горках, появилась радостная надежда на его окончательное выздоровление. В это время он и совершил свою последнюю поездку в Москву.

Думается мне часто: не прощаться ли с Москвой, с Кремлем – боевым политическим и культурным центром страны – ездил Владимир Ильич?..

Врачи, медсестры и санитары поражались выдержке Ленина, его такту и терпению. Владимир Ильич старался не причинять лишних хлопот медицинскому персоналу, считал, что ему уделяется непомерно много внимания. Стеснялся лишний раз побеспокоить дежурившую медицинскую сестру или санитаря. Испытывал какую-то внутреннюю неловкость, когда ему оказывали предпочтение перед другими.

Все, кто жил в Горках, окружали Владимира Ильича нежной заботой, чутким вниманием, стремились помочь ему восстановить здоровье, вернуться к активной работе в партии и государстве.

Летом 1923 года меня отправили на отдых в Крым. Когда я вернулась в Горки, то первой у подъезда большого дома встретила Марию Ильиничну. Она была веселой. С радостью сообщила, что здоровье Владимира Ильича пошло на поправку. Он уже ходит, поднимается по лестнице на второй этаж. Вместе со всеми обедает, шутит.

Действительно, за время моего отсутствия во внешнем облике Владимира Ильича произошла разительная перемена. Он похорошел, окреп. Меня встретил доброй улыбкой, повел на кухню, вынул из буфета белый хлеб, масло, варенье, поставил передо мной и стал угощать.

В первых числах ноября у Владимира Ильича побывала рабочая делегация Глуховской мануфактуры. Гостей встречала Мария Ильинична. Поздоровалась с каждым делегатом, пригласила раздеться.

Пока гости осматривались и осваивались с обстановкой, Мария Ильинична доложила о них Владимиру Ильичу. Захотелось и нам, жившим

в Горках, взглянуть на делегатов, поговорить с ними. Спустились в вестибюль. Удивил нас всех один из делегатов, могучего телосложения, видный такой, представительный мужчина, с большой окладистой бородой. Настоящий русский богатырь. Как из былины. Узнали, что по профессии он кузнец.

К делегатам вышел Ленин. Мы разошлись по своим рабочим местам. А позднее, когда гости, по желанию Владимира Ильича, стали сажать под окнами дома привезенные ему в подарок молодые деревца, приняли участие в закладке вишневого сада.

После окончания работы одна из делегатов взволнованно сказала:

– Подрастут, зазеленеют деревья – глазу приятно будет. А может, иногда Владимир Ильич и вишенками побалуется.

Мария Ильинична пригласила делегатов в столовую обедать. Пододвигая кузнецу блюдо с грибами, она сказала:

– Попробуйте. Грибы Владимир Ильич сам собирал.

На другой день глуховцы уехали. Они тепло и сердечно попрощались с Владимиром Ильичем и со всеми, кто жил тогда в Горках.

В последующие дни Владимир Ильич иногда просил Надежду Константиновну почитать что-нибудь из произведений Салтыкова-Щедрина, Максима Горького, Джека Лондона. Крупская потом писала: «Читаешь ему, бывало, стихи, а он смотрит задумчиво в окно на заходящее солнце. Помню стихи, кончающиеся словами: “Никогда, никогда коммунары не станут рабами”. Читаешь, точно клятву Ильичу повторяешь, – никогда, никогда не отдадим ни одного завоевания революции...» Как-то вечером читала она Джека Лондона – «Любовь к жизни». С глубоким сосредоточением и вниманием слушал Ленин этот рассказ.

Мы, повседневно общавшиеся с Владимиром Ильичем, надеялись, что его железная воля, упорство, неиссякаемая энергия и любовь к жизни победят недуг.

Но вот в ночь на 21 января 1924 года Владимир Ильич почувствовал себя плохо. Я разбудила Надежду Константиновну и Марию Ильиничну. Пришел Петр Петрович Пакалн. Все заволновались...

Вечером 21 января Мария Ильинична подошла ко мне, обняла и горестно прошептала:

– Осиротели мы, Таиса... Нет у нас теперь Володи.

И кому-то по телефону только и могла произнести два слова: «Ленин умер...»

В. И. Ленин до самой смерти был таким, как и раньше, – человеком

несгибаемой воли, выдержки, упорства. Он умел владеть собой, своими чувствами. Смеялся, шутил, нежно заботился о других.

Больной Ленин **(Из воспоминаний Б. С. Вейсброда)**

За весь последний период болезни Владимира Ильича, и даже во время лечения его от ранения в 1918 году, его очень тяготила, по его мнению, чрезмерная трата сил на него врачебного персонала. Он находил, что ему уделяется чересчур много внимания. В самые тяжелые для него минуты он проявлял чрезвычайную чуткость и заботливость об ухаживающем за ним персонале. Он стремился к тому, чтобы доставить окружающим его во время болезни возможно меньше труда и хлопот.

Как на особенно характерный пример я укажу на один случай, когда в апреле 1923 года Владимир Ильич был в особенно тяжелом возбужденном состоянии и, находясь в постели, естественно, не мог лежать вполне спокойно. Я сидел тогда на его постели и всячески старался его несколько успокоить. Это мне почти не удавалось. Тогда, зная особую чуткость, проявляемую тов. Лениным к врачам, я сделал вид, как будто сам от утомления задремал. Моя хитрость удалась, и больной Владимир Ильич, очевидно еле сдерживая себя, но стараясь все-таки не потревожить мой сон, стал лежать почти спокойно.

Укажу пример яркого проявления своей воли Владимиром Ильичем во время болезни. После его ранения в 1918 году врачи находились у постели больного. Тов. Ленин был на грани между жизнью и смертью; из раненого легкого кровь заполняла плевру, пульса почти не было.

У нас, врачей, есть большой опыт с такими больными, и мы хорошо знаем, что в такие моменты мы можем ждать от них выражения только двух желаний приблизительно следующими словами: «Оставьте меня в покое» или «Спасите меня».

Между тем тов. Ленин именно в таком состоянии попросил выйти из комнаты всех, кроме меня, и, оставшись со мной наедине, спросил: «Скоро ли конец? Если скоро, то скажите мне прямо, чтобы кое-какие делишки не оставить».

Таким образом, тов. Ленин в такой тяжелый для него момент болезни, борясь между жизнью и смертью, силою своей колоссальной воли сумел подавить в себе инстинкт жизни, толкающий обычно всех больных к выражению совершенно иных, чисто личных желаний.

История болезни Ленина

(Из воспоминаний Л. Г. Левина)

25 мая 1922 года в кремлевской аптеке спешно готовится по моему заказу и упаковывается все, что может понадобиться для медицинской помощи в случае экстренного, диагностически пока еще не определенного, заболевания. Несколько минут тому назад мне позвонил по телефону народный комиссар здравоохранения Н. А. Семашко и сообщил, что нужно сейчас же ехать в Горки, так как там внезапно захворал Владимир Ильич Ленин. Более точных сведений о характере заболевания не имею и поэтому беру на всякий случай в аптеке и сердечные средства, и желудочно-кишечные, и шприц для подкожных впрыскиваний и пр.

Знаю, что еще недавно, в марте, Владимира Ильича очень подробно осматривала консультация наших врачей, с участием впервые тогда приехавшего из Германии знаменитого немецкого невропатолога проф. Ферстера. Владимир Ильич жаловался в то время только на сильные головные боли. При самом внимательном осмотре не удалось тогда ничего обнаружить, кроме общих явлений переутомления. Ничем особенным не проявлял себя тогда даже и артериосклероз, оказавшийся впоследствии единственной основной причиной того ужасного недуга, который так властно и жестоко захватил в свои цепкие лапы могучий организм Владимира Ильича, так неумолимо издевался в течение почти двух лет над сверхчеловеческими усилиями лучших представителей медицинской науки и преданных до самозабвения, до экстаза, близких, родных и друзей и так трагически отпраздновал свою кровавую победу и над своей жертвой, и над всеми безнадежно пытавшимися ее спасти 21 января 1924 года.

Последующее течение болезни и в особенности посмертное вскрытие тела В. И. Ленина дали совершенно ясный ответ на вопрос о том, почему за два месяца до начала болезни ничем не проявлял себя объективно тот основной процесс, на почве которого и разыгралась дальнейшая картина болезни, такая тяжелая, такая грозная, такая роковая.

На вскрытии, подробный протокол которого опубликован, оказалось, как всегда констатировалось и при клиническом, прижизненном исследовании Владимира Ильича, что периферические сосуды и самое сердце были почти нормальными (это почти два года спустя после консультации, о которой идет речь). Пораженными до чрезмерных, можно без преувеличения сказать, до чудовищных размеров оказались преимущественно сосуды мозга, того органа, в котором, как в фокусе,

сосредоточивалась вся жизнь, вся работа этого титана мысли, этого бурного источника непреклонной воли, стихийной энергии. А ведь только исследование сердца и периферических сосудов и может дать врачу материал для суждения о начавшемся в организме склеротическом процессе. Сосуды мозга так глубоко и бережно спрятаны в твердой коробке черепа, что добраться до них невозможно никакими методами исследования, и только тогда можно судить об их поражении, когда появляются какие-нибудь симптомы расстройства мозгового кровообращения, когда происходит то, что произошло у Владимира Ильича в ту роковую для него весну – в мае 1922 года.

...В аптеке почти все готово; несколько минут нужно подождать. Я думаю о предстоящем свидании с В. И. Лениным. Мне не приходит в голову мысль о чем-нибудь серьезном, тяжелом. Я знаю, что Владимир Ильич отдыхает в Горках во исполнение того решения, которое принято на мартовской консультации. Сильное переутомление, неудивительное при той колоссальной работе, среди которой протекала вся жизнь вождя, имя которого повторяет уже теперь каждый человек, каждый ребенок на всем земном шаре. Необходимо оставить на время государственные дела, поселиться вдали от города, отдохнуть там несколько месяцев, и тогда, несомненно, можно будет опять работать, гореть, зажигать других своим огнем. Ну, вот он и отдыхает вдали от города в 30 верстах от Москвы, в имении Горки, – и что же могло там произойти? Ну, какое-нибудь случайное заболевание, что-нибудь желудочное или какая-нибудь инфекция, – во всяком случае, ничего же общего с тем, из-за чего собирались два месяца тому назад в Кремле и русские врачи, и немцы, огорчившие Владимира Ильича своей настойчивой просьбой оставить временно работу и отдохнуть.

Все готово. Можно ехать. Звоню Н. А. Семашко, заезжаю за ним. Автомобиль мчит нас в Горки. Мелькают улицы, дома, люди, застава, распускающиеся навстречу весеннему солнцу деревья, но все это не останавливает на себе ни взора, ни внимания; мысль неудержимо возвращается к нему, к больному. Вспоминаются мои случайные, короткие встречи с ним, всегда по делам медицинским.

Еще несколько минут, и мы подъезжаем к дому. Большой, в старинном стиле, двухэтажный каменный дом, с белыми колоннами, с двумя по обе стороны расположенными отдельными флигелями. Перед домом красивая площадка с большой клумбой для цветов посередине. Очень много сирени по сторонам и вокруг дома. Мысленно вижу Владимира Ильича в одной из комнат большого красивого дома с белыми колоннами, с большой террасой.

Нет. Не там. Владимир Ильич верен себе. Из всей этой усадьбы он выбрал себе самую маленькую угловую комнатку, в маленьком флигеле направо от большого дома – маленькую, в два окна комнатку, в которой, кроме кровати, небольшого столика, заваленного книгами, комода и платяного шкапа не было, да и не могло бы поместиться больше никакой другой мебели.

Встретили нас Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Жена и сестра. Два самых близких и преданных друга. Две женщины – две бессменные сестры милосердия, вышедшие в тот день вместе с великим страдальцем на длинный скорбный путь, ни разу за два почти года не уставшие, не оступившиеся, не упавшие на этом полном труда и страданий пути, донесшие его до гроба на столе в одной из комнат этого красивого, желтого с белыми колоннами дома, и дальше, до маленькой железнодорожной станции, где стоял траурный поезд, готовый принять останки того, кто был Лениным, и дальше, до Дома Союзов, до этого чудесного зала, о котором написал Г. Е. Зиновьев: «Прекрасный зал в Доме Союзов стал сказкой. Один этот зал – замечательная, чудесная, великая траурная симфония». Здесь они остановились на несколько дней, стали у изголовья, две скорбные, молчаливые фигуры, и простояли до последнего дня, до воскресенья, и донесли его дальше, до Красной площади, до подземелья, где на глазах у сотен тысяч людей, под грохот оружейных салютов, под склонившимися знаменами, под рыдающие звуки похоронного марша закончился наконец этот длинный скорбный путь 27 января 1924 года.

Войдя в дом, мы узнали, что до нас уже приехал Ф. А. Гетье. Первые впечатления не вызывают особенной тревоги. Вчера вечером Владимир Ильич поужинал рыбой. Перед сном неприятная отрыжка, изжога, головная боль. Ночью плохо спал. Встал, оделся, пошел в сад. Стало немного лучше. Вернулся, лег в постель и уснул.

Вскоре, однако, проснулся; болит голова, вырвало. Температура 38,5. С утра самочувствие лучше, температура ниже, но обнаруживаются симптомы небольшого расстройства мозгового кровообращения, некоторая слабость, неловкость в движениях правой руки и ноги; небольшое расстройство речи; не может иногда вспомнить нужное слово, все отлично понимает, читает, но некоторые предметы не может назвать, а услышит их название – удивляется, как сам не мог вспомнить.

Потому ли, что не хочется думать о худшем, склоняемся к тому, что в основе все-таки желудочно-кишечное расстройство (гастроэнтерит), который на почве переутомления и нервного состояния больного вызвал

временное, преходящее расстройство мозгового кровообращения. Принимаем необходимые в этом направлении мероприятия и решаем, что нужно показать больного невропатологам.

Следующая консультация происходит уже с приглашенными из Москвы невропатологами В. В. Крамером и Г. И. Россолимо, а еще через несколько дней – с прилетевшим из Германии на аэроплане проф. Ферстером (3 июня). К тому времени Владимиру Ильичу стало значительно лучше, и все основания были думать, что явления расстройства мозгового кровообращения (небольшой тромбоз или, может быть, спазм мозговых сосудов) носят преходящий, временный характер. Проф. Ферстер скоро уехал, а 11 июня прилетел из Берлина проф. Клемперер, который подтвердил, что со стороны внутренних органов, в частности сердца, нет никаких сколько-нибудь серьезных отклонений от нормы.

Владимир Ильич сам в первые дни с большой тревогой относился к своему заболеванию. И в день моего приезда, и в последующие дни он был в угнетенном состоянии, не верил в свое выздоровление. Его очень угнетали те расстройства со стороны речи, со стороны памяти, которых он не мог, конечно, не заметить при исследовании. Его очень пугало и огорчало то, что он не находит некоторых слов, что он не может назвать некоторые предметы по имени, что он сбивается в счете. Он очень огорчился, например, когда, увидев ромашку и незабудку, не мог вспомнить названия этих хорошо знакомых цветов. Он часто повторял: «Какое-то необыкновенное странное заболевание». Ко всем уверениям и обещаниям, что все должно скоро пройти, он относился недоверчиво. С грустными глазами и глубоким вздохом отвечал иногда: «Да, это было бы хорошо».

Одна короткая беседа с Владимиром Ильичем глубоко меня потрясла своим трагизмом. В один из первых дней болезни, вечером, Мария Ильинична сказала мне, что Владимир Ильич хочет меня видеть. Я вошел к нему и, оставшись с ним наедине, сел у его постели. Владимир Ильич мало изменился за эти дни. Так же, как пишет о нем Н. И. Бухарин, «крепкая, литая фигура», те же «живые, пронизывающие, внимательные глаза», но необычайная грусть и сосредоточенность в лице, необычайная тревога в этих «живых, пронизывающих и внимательных глазах». В маленькой комнате тишина, полумрак. Владимир Ильич слегка приподнялся на локте левой руки и, приблизив свое лицо ко мне, внимательно, пронизывающе глядя мне в глаза, сказал:

– А ведь плохо.

– Почему плохо, Владимир Ильич?

– Неужели вы не понимаете, что это ведь ужасно, это ведь

ненормальность.

Я стал всячески успокаивать Владимира Ильича, убеждать его в том, что это все временное, преходящее, что все, что его пугает – небольшое расстройство речи, памяти, внимания, способности сосредоточиться, что все это явления временного расстройства кровообращения в мозгу, что можно ему ручаться, что все это пройдет. Он недоверчиво качал головой, несколько раз повторял: «Странная, необыкновенная болезнь», лег опять и не сказал больше ни слова. Я посидел еще несколько минут, пожелал ему спокойной ночи и вышел из комнаты.

Очень тяжело относился Владимир Ильич к необходимости соблюдать строгий режим, оставаться в постели, ничем не заниматься, никого не принимать, к необходимости дежурства врачей и сестры. На все это Владимир Ильич соглашался не сразу, неохотно, но в конце концов уступал, покорялся. 3 июня, в день консультации с проф. Ферстером, почувствовав себя гораздо лучше, он стал просить разрешения встать, посидеть у окна на солнышке. С грустью пришлось отказать ему в этом, сославшись на решение консультации продержать его еще некоторое время в постели.

«Ну, что ж, нечего делать, придется полежать еще денька три».

Ни за что не соглашался Владимир Ильич оставить свою маленькую угловую комнатку во флигеле и перейти в большой дом, и только 11 июня удалось убедить его тем доводом, что комната, в которой его можно было бы устроить в большом доме, соединена с террасой, где он мог бы в хорошие дни проводить много часов и пользоваться воздухом.

Очень угнетало Владимира Ильича запрещение заниматься делами. Когда, в связи с наступившим в середине июня улучшением, Владимиру Ильичу разрешено было принимать близких друзей, но с условием не вести деловых разговоров, он ответил:

«Ну, если нельзя о делах говорить, тогда лучше и посещений не надо».

После одной из консультаций в конце июня, на которой присутствовал Н. А. Семашко, Владимир Ильич сказал:

«О делах говорить не буду, но разрешите только три вопроса предложить Н. А. Семашко». Вопросы были следующие: 1) каковы виды на урожай, 2) о конференции в Гааге, 3) о каком-то конфликте в Народном комиссариате путей сообщения, который необходимо уладить.

Кстати, об этом конфликте. Случай, показывающий, как даже в эти тревожные дни своей болезни, так угнетавшие, так пугавшие Владимира Ильича, он не мог уйти в свою личную жизнь, а продолжал жить и мучиться тревожившими его государственными делами и вопросами. Ночь на 2 июня Владимир Ильич провел плохо. Был какой-то кошмар, от

которого проснулся, долго не мог уснуть. Утром неохотно об этом говорил, но упоминал о каких-то интригах, о железнодорожниках, а 24 июня в беседе с Н. А. Семашко, говоря о каком-то конфликте в Народном комиссариате путей сообщения, сказал:

«Этот конфликт необходимо уладить. У меня даже в начале болезни ночью кошмар был из-за него, а врачи думали, что это галлюцинация».

...Возвращаясь к первому дню своего посещения Владимира Ильича в Горках, к роковому дню 25 мая, к дню, с которого начинается поистине скорбная история болезни В. И. Ленина. Все разъехались. Я остался ночевать. Переговорил с Надеждой Константиновной и Марьей Ильиничной обо всем. Владимир Ильич уснул. Поздно вечером я вышел в сад. Воздух напоен ароматом сирени. Где-то поет соловей. Необыкновенная тишина вокруг. В большом доме темно. Во флигеле налево в окнах огни. В одной из этих комнат – Ленин, он в своей маленькой узенькой комнатке, один со своей тревогой, с мрачными мыслями, с тяжелыми предчувствиями. Ленин, прикованный к постели, оторванный от государственных дел, от мировых задач, от всего, к чему стремился и для чего работал всю свою жизнь, от всего, на что растратил, на что безраздельно отдал свой мозг, сосуды своего мозга. Мы, врачи, говорим ему теперь: «Вы не должны работать, Владимир Ильич». Ну, а что значит для Ленина не работать? Не думать? А разве он может не думать? Разве может Ленин не мыслить? И он думает, конечно, и сейчас, когда мы все думаем, что он спит, он, может быть, думает тяжелую, мучительную думу, там, в своей маленькой, узенькой комнатке, в самой маленькой комнатке из всей этой большой, богатой, роскошной усадьбы.

Я не думал тогда, в эту ночь, что начинается такая великая эпическая трагедия в этом доме, что этот чудесный парк, где так благоухает сирень, где так хорошо поет соловей, превратится в клетку, где будет стонать раненый, истекающий кровью лев, где будет биться орел с подрезанными крыльями, где будет по-человечески страдать великий человек, который все понимает, все видит, все слышит и ничего не может сказать, ничего не может написать, человек, которому дано «глаголом жечь сердца людей» и который не может произнести слова, человек, который мог писать огненными буквами на скрижалях, видных всему миру, и не может поднять теперь правой руки. Видел ли мир большую трагедию, большие страдания? Родился ли новый Софокл, который найдет какие-то изумительно сильные слова и краски и изобразит эту трагедию так, чтобы она через тысячу лет потрясала сердца людей так, как нас потрясает еще сейчас «Эдип-царь»...

Поздно ночью я вернулся в свою комнату, взял лист бумаги и записал

дневник первого дня болезни. Я вписал первые строки в первую страницу той эпически-трагической книги, которая носит название «История болезни Ленина».

Я заканчиваю свой грустный рассказ. Мне хотелось рассказать только о первых днях болезни Владимира Ильича, о начале великой трагедии. Невропатологи расскажут о дальнейшем ходе болезни, о том улучшении, которое наступило к осени и которое позволило Владимиру Ильичу даже писать и выступать в ноябре, о новом ухудшении с декабря и о той нечеловечески трудной борьбе, которую вели в течение двух лет лучшие представители русской и европейской медицинской науки для спасения жизни Ленина.

Как выглядел Ленин

(Из письма Е. А. Преображенского к Н. И. Бухарину, 29 июля 1923 г.)

Дорогой Ника!

Давно собирался написать, но откладывал до третьего визита в Г(орки). Но пришло Ваше второе письмо. Так что пишу немедленно.

1) Ильич.

Во время первого посещения, неделю спустя после Вашего отъезда, говорил и с Н. К. и М. И. очень подробно. Старик находился тогда в состоянии большого раздражения, продолжал гнать даже Ферстера и др., глотая только покорно хинин и йод, особенно раздражался при появлении Н. К., которая от этого была в отчаянии и, по-моему, совершенно зря, против желания. И, все-таки, к нему ходила.

Второй раз, 4 дня тому назад, я снова поехал (с Пятаковым решили ехать сегодня, а я не стал ждать воскресенья). Я только что вошел вниз, с Беленьким, как в комнате справа от входа Беленький мне показал рукой в окно, сказал: «Вон его везут».

Я подошел к закрытому окну и стал смотреть. На расстоянии шагов 25 вдруг он меня заметил, к нашему ужасу, стал прижимать руку к груди и кричать: «Вот, вот», требовал меня.

Я только что приехал и еще не видел М. И. и Н. К. Они прибежали, М. И., взволнованная, говорит: «Раз заметил, надо идти».

Я пошел, не зная точно, как себя держать и кого я, в сущности, увижу. Решил все время держаться с веселым, радостным лицом.

Подошел. Он крепко мне жал руку, я инстинктивно поцеловал его в

голову. Но лицо! Мне стоило огромных усилий, чтоб сохранить взятую мину и не заплакать, как ребенку. В нем столько страдания, но не столько страдания в данный момент. На его лице как бы сфотографировались и застыли все перенесенные им страдания за последнее время.

М. И. мигнула мне, когда надо было уходить, и его провезли дальше. Через минут пять меня позвали за стол пить вместе с ним чай. Он угощал меня жестами малиной и т. д., и сам пил из стакана вприкуску, орудуя левой рукой.

Говорили про охоту и всякие пустяки, что не раздражает. Он все понимает, к чему прислушивается. Но я не все понимал, что он хотел выразить, и не всегда комментарии Н. К. были правильны, по-моему. Однако всего не передашь. У него последние полторы недели очень значительное улучшение во всех отношениях, кроме речи. Я говорил с Ферстером. Он думает, что это не случайное и скоро проходящее улучшение, а что улучшение может быть длительным...

У постели Ленина (Из воспоминаний М. М. Петрашевой)

29 мая 1922 года я была свободна от дежурства и стирала у себя дома белье. Этот день запомнился мне на всю жизнь. Только окончила стирку и развесила белье во дворе, как пришла за мною санитарка из больницы: «Доктор зовет, Алексей Михайлович Кожевников. К больному ехать».

Явилась я к доктору, а он, надо сказать, отлично ко мне относился. Я молода была, и, верно, потому все хорошо у меня выходило. «Едем, – говорит, – к больному пункцию делать».

Ну, я живо оделась, приготовилась, а он спрашивает: «Вы знаете, к кому я вас везу?» – «Нет, не знаю». – «К Ленину». А тут как раз машина подъехала, сели мы с доктором вдвоем.

Дорога была красивая. В это время цвели вишни и яблони. Все было в цвету. Я видела, что мы едем по Каширскому шоссе, где находился в это время Ленин – я еще не знала. Кожевников спрашивает: «Узнаете места, по которым едете? Вон влево от нас Царицыно, а правее – Расторгуево. Мы едем в Горки».

Подъехали мы к небольшому двухэтажному домику. Поднялись на второй этаж. Там нас ждали Надежда Константиновна и Мария Ильинична. Я сразу надела халат, попросила примус, прокипятила инструменты. Мне показали, где находится больной. Я одна с инструментами в руках пошла к

нему в комнату. Только я успела открыть дверь, как услышала: «Здравствуйте!». Еще человека не увидела, а он уже со мной успел поздороваться.

Позже я узнала, что он всегда со всеми первый здоровается: с сестрами, с врачами, с красноармейцами из охраны.

По фотографиям в витринах я думала, что он брюнет, а он оказался светлый, рыжеватый, широкоплечий, массивный – в белом белье на белой постели. Голова большая. Лицо не выхоленное, а простое. Глаза карие, прищуренные, смотрят остро, будто проверяют тебя. Когда я вошла, он приподнялся на локтях.

За мной доктор вошел, и мы приступили к делу.

Владимир Ильич очень терпелив был. Во время пункции он только крикнул. Не охал, не стонал – не в его это характере было.

Доктор переговорил с Надеждой Константиновной и предложил мне остаться подежурить у больного. Я, конечно, согласилась и только попросила, чтобы мою записку домой доставили. Написала: «Дежурю у больного», – а у кого именно и где, не упомянула. Так мои родные и не знали, что я у Ленина.

Отвели мне комнату. Ночь я провела не у больного. Этим дежурством я осталась недовольна. Какая же я дежурная, если не знаю ночью, что с больным? Так же нельзя!

Все это я сказала утром Надежде Константиновне и Марии Ильиничне. Я помоложе была тогда, говорила прямо, что думаю, а того не понимала еще, что никак не могли они мне сразу Владимира Ильича доверить. Забунтовала я, раскипятилась. Ну, на следующую ночь меня по-другому устроили – в смежной с Владимиром Ильичем темной комнате. Туда поставили маленький диванчик – я сама нарочно такой выбрала, чтобы ночью не заснуть. Дверь к больному не закрывалась, и он меня шепотом из своей комнаты звал: «Сестра! Сестра!». И все время мы так разговаривали с ним – шепотом...

Владимир Ильич не мирился со своей болезнью. Ему давали бром, чтобы его не так волновало такое состояние. Потом настроение лучше стало.

Видно было, что ему страшно хочется поскорее начать работать.

Он часто справлялся у меня, как я сплю, удобно ли мне. Он ведь лежал все время в своей комнате и не видел, как меня устроили.

У Владимира Ильича было расстройство речи, но я этого не замечала. Врачи просили его назвать какой-нибудь предмет, а он не мог. Просили написать, тоже не мог. Жаловался, что у него парализована то рука, то нога.

– А у меня паралич?

Скажешь: «Владимир Ильич, подымите руку или ногу». Поднимает. А это были мгновенные параличи, быстро проходящие. Только когда он начал ходить, был случай, когда он упал во время такого паралича. Он еще шутил насчет того, что чуть не сел между двух стульев.

Днем Владимир Ильич часто посылал меня гулять, говорил, что я ему не нужна. Я приносила ему с прогулки букеты ромашек. Сирени в саду было много, но он не переносил никакого резкого запаха, а когда я приносила полевые цветы, он был доволен...

Однажды я нашла в парке на поляне много белых грибов. Притащила домой в подоле халата. А в это же утро Надежда Константиновна и Мария Ильинична ходили по грибы в лес и ничего там не нашли.

Владимир Ильич весело смеялся по этому поводу, шутил. «Они, – говорил, – в лесу были и только платья замочили, а вот сестра у самого дома столько грибов нашла».

Предписания врачей он выполнял очень строго и точно. Помню, мы решили убрать из его комнаты книги. Читать ему в это время не разрешалось, а книги лежали грудami – и на окнах, и на столе, и повсюду. Как ни жалко было Владимиру Ильичу книг, но он и не думал противиться, когда я выносила их из комнаты.

В одном только он ни за что не хотел уступать нам. Его долго упрашивали перейти в комнату Надежды Константиновны. Эта комната была светлой и просторной. Но Владимир Ильич отказался наотрез и остался в своей маленькой комнате. За окном у него пустые деревья росли. Так они шумели ночью, так мешали, эти деревья!

В пище Владимир Ильич был непривередлив. Очень любил гречневую кашу. Я отвоевала для него эту кашу. Немец, профессор Ферстер, долго не хотел ее позволять, но потом согласился.

Владимир Ильич был недоволен тем, что прилетают профессора из-за границы. Он же знал, что они задаром не прилетят. Он говорил, бывало: «Вот уж эти немцы! А сколько они стоят, эти немцы!».

Когда с Ферстером – невропатологом – прилетел еще Клемперер – терапевт, Владимир Ильич нахмурился: «Что это он прилетел, своих врачей у нас нет, что ли? Одного немца мало, так еще двое понадобились. Ну, один – специалист-невропатолог, а другой-то зачем? Ему и смотреть меня нечего».

Мне хотелось развеселить Владимира Ильича.

– Ну, а язык-то вы ему все-таки показали? – спрашиваю.

– Язык показал, – отвечает и громко смеется.

С профессорами он разговаривал по-немецки, шутил, смеялся, руками жестикулировал.

Простой он был и тяготился всякой роскошью. Помню, когда в большой дом перешли, он недоволен был. Шутил: «Вот я какой! Могу на одном балконе вытереться полотенцем, на другом балконе чаю напиться, на третьем позавтракать. Слишком много для меня!».

В большом доме у него была маленькая-маленькая комната. Но его поместили в комнату Надежды Константиновны. Лежал он в новом доме недолго, всего несколько дней, а потом ему разрешили встать...

Проснулась я рано утром, часов в семь, и стала убирать свою постель, повернувшись спиной к двери. Вдруг слышу за собой легкий скрип двери, шорох. Поворачиваюсь, а в дверях Владимир Ильич. Стоит, завернувшись в простыню, как какое-то привидение.

И, конечно, по своему обыкновению, первый здоровается: «Здравствуйте! С добрым утром!».

А потом говорит со смехом:

– Дайте-ка мне одеться.

Я стала уговаривать его вернуться в постель, ведь время-то было еще очень раннее. А он и слышать не хочет.

«Я бы еще раньше, – говорит, – встал, если бы знал, где моя одежда».

Пока Владимиру Ильичу врачи не разрешали встать, он с ними не спорил, но раз уж разрешили – кончено!

Никогда не забуду, какой веселый был он в это утро.

Я побежала к Марии Ильиничне и сказала, что Владимир Ильич встал и хочет сейчас же одеться. Она пошла к нему вместе со мной, увидела его в дверях и всплеснула руками:

– Володя!

И закачалась от смеха.

Долго и весело смеялись они оба, а я смотрела и любовалась Владимиром Ильичем – столько в нем было жизни. Потом Мария Ильинична куда-то пошла и принесла ему какую-то полинялую косоворотку. Все наспех надо было раздобывать, сию же минуту. Ведь Владимир Ильич все это время был на ногах, даже присесть не хотел. Мария Ильинична знала, какой он настойчивый, а я впервые в этом убедилась, хотя провела с ним уже немало дней и ночей. Пока лежал, он всему подчинялся беспрекословно, а тут сразу вышел из повиновения. Одевшись, он пошел к умывальнику. До этого времени он мылся над тазом – я ему из кувшина на руки поливала. Так неудобно ему было в постели умываться и зубы чистить.

А тут он дал себе полную волю – все краны перепробовал, брызгался и плескался, сколько душе было угодно.

Восхищался умывальником и всем домом:

– Ах, как хорошо все это сделано! Замечательно!

Скоро он почувствовал, однако, усталость и должен был улечься в постель. В это время пришел доктор Кожевников и, конечно, не похвалил Владимира Ильича за то, что он так много себе позволил в это утро...

Настойчивый был. Вот два случая.

Когда ему разрешили ходить, через неделю была плохая погода, дождь сильный, и он вздумал идти навещать племянницу Ольгу Дмитриевну, которая только весной родилась (а дело было в июне). И вот он решил, что ему надо навестить Ольгу Дмитриевну в маленьком доме, где он прежде лежал. Там жил Дмитрий Ильич с семьей. Он во что бы то ни стало решил идти: «Давайте мне калоши, пальто!» – «Я не знаю, где пальто!» – «Ничего-то вы не знаете!»

И вот он со смехом сам разыскал плащ Марии Ильиничны (накидку) и отправился.

Сколько я ни просила, ни молила – ни за что не хотел остановиться. Раз он решил, то уж кончено.

Второй случай. Вдруг ему вздумалось, что ему надо принять ванну. До этого ему не делали.

Я, конечно, никак не могла разрешить эту ванну, это не в моей власти.

Он смеялся: «Ну и сестра! Даже такой самостоятельности не может проявить! Не может разрешить ванну».

Вызвали Кожевникова, чтобы это дело уладить. Кожевников сказал, что он ванну разрешит, только не сегодня, а на следующий день, так как сейчас уже двенадцать часов ночи. Владимир Ильич был очень смущен, что он поднял такой переполох, очень извинялся...

Один раз с Урала прислали ему в подарок какую-то фигуру, отлитую из чугуна. Не помню я, что она изображала, эта фигура, а внизу, конечно, надпись была и подпись – с грубой орфографической ошибкой.

Он так возмущался, ой, как возмущался: «Эх, Расея!».

Помню, в Горках как-то он увидел очень красивый столик, покрытый зеркальным стеклом. Стекло было все в трещинах. Он тоже был возмущен: «Эх, Расея!».

За лето сделали новые полы – паркетные. Вероятно, сделали из сырого материала. Пол, высыхая, трещал. В тишине ночи этот треск был вроде ружейной пальбы.

Владимир Ильич, помню, говорил об этом с Надеждой

Константиновной, возмущался: «Как пол-то трещит... Клей-то советский!».

Скоро Владимир Ильич настолько поправился, что одевался уже без посторонней помощи, ходил в столовую, сам умывался. Теперь он стал тяготиться постоянным наблюдением за ним, в частности моим.

Я также считала, что мое присутствие не было больше необходимо для него. Мы с ним хорошо и сердечно простились. Всего провела я у него в этот раз около месяца...

Второй раз мне пришлось подежурить у Владимира Ильича целых два месяца – декабрь 1922 года и январь 1923 года в Кремле.

Опять пришел ко мне Алексей Михайлович Кожевников и сказал, что меня просят приехать в Кремль к Владимиру Ильичу.

За мной опять прислали машину. Вот Кремль. Подъезжаем к белому зданию с флагом наверху.

Владимира Ильича я опять нашла в постели.

У него были парализованы правая рука и нога. Но речь на этот раз не пострадала.

Он встретил меня грустно: «Вот я опять больной!».

Поместили меня рядом с ним в комнате, бывшей столовой. К моей кровати провели звонок, который я клала к себе под подушку или рядом в тумбочку, чтобы никто, кроме меня, не слышал ночью звонка. Этого требовал Владимир Ильич.

Опять возле него была масса книг – все о кооперации. В это время он очень интересовался кооперацией.

Во втором месяце, когда ему стало лучше, ему разрешили читать и даже диктовать речи. Записывала стенографистка.

Я должна была следить, сколько времени он занимается или читает. Следила с часами в руках.

Когда придешь, бывало, и скажешь: «Пора уже, срок истек», – он очень огорчался этим и все же подчинялся.

Он говорил мне с досадой: «Мысли мои вы не можете остановить. Все равно я лежу и думаю!». Страдал бессонницей.

Врачи утешали его. Профессор Василий Васильевич Крамер говорил: «Вы уж, Владимир Ильич, нам верьте, верьте. Мы уж вас поправим!». Владимиру Ильичу это не нравилось. Видно было, что он все время думает, думает без конца.

Смотрит, прищурясь, куда-то в пространство – будто задачу какую решает. Изголовье у него было высокое. Он почти сидел.

Так хотелось развлечь его, хотелось, чтобы голова его не работала так сильно. Но это невозможно было. К концу второго месяца он стал лучше

себя чувствовать. А я очень устала за эти два месяца бессменных дежурств. Тогда Мария Ильинична сама поехала в 1-ю Городскую больницу и привезла оттуда сестру, которая ухаживала прежде за Владимиром Ильичем, а меня отпустили...

Много я знала тяжело больных людей, но вряд ли кто-нибудь из них был так терпелив и деликатен, как Владимир Ильич.

Всякий труд он очень ценил, очень жалел нас, медицинских сестер. Как-то он сравнил наш сестринский труд с трудом ломового. Я, конечно, удивилась и спрашиваю: «Что же тут общего, Владимир Ильич, почему вы так сравниваете?».

Он отвечает: «Ломовой мешки ворочает, а вот вы меня ворочать должны. Разве это легче?».

Я не соглашалась: «Что вы, Владимир Ильич! Это совсем не тяжело. Ведь вы всегда сами мне помогаете (здоровой ногой он упирался в постель и помогал себя переворачивать), а в больницах нам помогают санитарки и няни...»

Последний год Ленина (Из воспоминаний В. А. Рукавишникова)

... Масса сомнений встала перед той ответственностью, которая на меня возлагалась: мне казалось, что я не справлюсь, не сумею подойти. Такое состояние у меня было до самого прихода в Кремль, на квартиру Ильича, а на месте оказалось все просто. Надежда Константиновна как-то сразу сняла все сомнения, она расспросила, кто я, откуда... Так же просто она представила меня Ильичу, сказав, подойдя к его кровати: «Вот этот товарищ будет ухаживать за тобой». Владимир Ильич испытующе посмотрел на меня и протянул левую руку...

Надежда Константиновна и Мария Ильинична окружили Ильича тем уходом, лучше которого не может быть. Они следили за каждым его движением и делали все это для того, чтобы облегчить этот тяжелый период его жизни. Между ними существовало своеобразное разделение труда. Надежда Константиновна все время проводила непосредственно около Ильича – читала книги, газеты, а Мария Ильинична была организатором ухода, сношений с внешним миром, с врачами и ухаживающим персоналом. Заботилась о лекарствах, дежурствах. Все было в ее руках, и все ей беспрекословно подчинялись...

Когда состояние Ильича стало несколько лучше, в начале мая встал

вопрос о необходимости перевезти Владимира Ильича из кремлевской квартиры за город... Решено было перевезти Ленина в Горки.

Переезд повлиял благотворно на состояние Ильича. Он начинает все более и более крепнуть физически. По моему впечатлению, даже создает план, по которому должно идти его выздоровление. Первое, на что он обращает свое внимание, это беспомощность. Он замечает, что около него слишком много людей, и все потому, что он – больной лежачий. Вот если встать... Он обращает внимание на ногу, делает попытки двигать ею. Ему запрещают, но он настаивает, а настоять умеет, на то он – Ильич.

Я хорошо помню его первые попытки встать около кровати: вот он привстал, постоял и опять ложится... В последующие дни он делает попытки шагать, увеличивает число шагов. Далее он усложняет, прибавляет и придумывает другие упражнения для мышц. Из комнаты на террасу – две ступеньки, он и их использует для упражнения. И так с каждым днем становится крепче и независимее. В конце июля решают, что сестер можно отпустить. С ногой дело, кажется, налаживается. Теперь все его внимание переносится на речь...

1 августа, гуляя с Надеждой Константиновной в саду, Владимир Ильич стал что-то требовать, произнося звуки «а», «о», «и», «у». Это было требование изучать азбуку. С этих дней он упорнейшим образом начинает учиться речи. Тут нам всем приходилось думать только о том, как отвлечь его чем-нибудь от напряженной работы, иначе он способен заниматься целыми днями. За пять месяцев – с августа по январь – он сделал такие большие успехи, что все мы, находившиеся около него, верили в то, что летом 1924 года он уже будет свободно говорить.

Почти одновременно с занятиями Владимир Ильич начал читать газеты. Началось это с журнала «Прожектор», который Ильич взял со стола и внимательно просмотрел, а 8 августа потребовал газеты. После долгих сомнений, совещаний профессоров... разрешили дать газеты...

Однажды он, указывая на газеты Надежде Константиновне, начал что то объяснять. Она не поняла, позвала Марию Ильиничну. Ильич терпеливо жестами пояснял нам свое желание: согнул ладонь так, что между большим и указательным пальцами оставалось сантиметра два. Ходил по комнате и пытался подыскать подходящий предмет, который мог бы объяснить нам, что ему требовалось. Он показал на книгу – на одну, на другую.

Нами предполагались различные решения, но неверные, потому что Владимир Ильич вначале смеялся, потом досадливо отмахивался и потом совсем махнул на нас рукой. Но предмет был ему, видимо, необходим, и он три дня пытался дать нам понять, что ему нужно. Я предположил, что все

это связано с газетами, и на следующий день сделал подборку за месяц. Радостный возглас: «Вот, вот, вот!». Спрашиваю (мелькнула мысль), может, надо сброшюровать в комплект? «Вот, вот, вот!» – подтвердил Владимир Ильич. Доволен, что поняли наконец. Мария Ильинична – радостная, восклицает: «Ну, Володенька, это я сейчас сделаю!».

Нам приходилось с трудом, под разными предлогами отрывать его от занятий, чтобы он не переутомлялся. Самым излюбленным предлогом для этого были прогулки по парку, поиск грибов. Ильич обладал острым зрением, часто раньше всех видел грибы, указывал нам, частенько посмеивался над нашей слепотой и особенно над Надеждой Константиновной, которая в связи с близорукостью очень часто пропускала грибы. Через некоторое время эти занятия ему надоели, но он всегда охотно принимал в этих прогулках участие, видя, что они приносят радость Надежде Константиновне и окружающим. Это было ясно из нескольких случаев: Надежду Константиновну вызывали к телефону во время прогулки, и ей приходилось отлучаться. Он переставал искать грибы и становился равнодушным к этому занятию. Возвращалась Надежда Константиновна – и снова смех и активные поиски. Это трогательное внимание Ильича к окружающим и особенно к Надежде Константиновне можно было наблюдать часто.

Однажды я был невольным свидетелем и такого: Ильич сидит с Надеждой Константиновной. Она читает, он внимательно слушает. Иногда требует перечитать то или другое место. Настроение, кажется, у обоих прекрасное. Но вот она вышла. Ильич уселся, закрыв несколько лицо рукой, облокотившись на стол в задумчивой позе... И вдруг из под руки катятся слезы... Чу, шорох. Шаги. Кто-то идет. Ильич выпрямился. Смахнул слезы. Взялся за книжку, как будто ничего не было...

Владимир Ильич несколько раз высказывал желание поехать в Москву, в Кремль. Но мы, окружавшие его, боясь длительного пути, боясь волнения, которое вызовет вид Кремля, Совнаркома и других мест, под разными предлогами отклоняли эти поездки. Ильич не настаивал.

Но однажды случилось иначе: Владимир Ильич и Надежда Константиновна гуляли в саду, когда К. Зорька, которого я сменил (позднее к Рукавишникову для дежурства у больного Владимира Ильича присоединились студенты-медики Казимир Зорька-Римша и Николай Попов. – *Ред.*), зашел прощаться перед отъездом: «Еду в Москву, до свидания, Владимир Ильич». Прощается с Надеждой Константиновной и со мной. Ушел. Владимир Ильич рассчитал, что теперь наверно машина есть, и решил поехать в Москву. Направляется во двор, где находится

гараж.

Во дворе стрит открытая машина, которая ждет Зорьку – он обедает. Владимир Ильич направляется к ней. Мария Ильинична, обращаясь ко мне, говорит: «Владимир Александрович, крикните Рябову (шоферу), чтобы вывел крытую машину». Кричу. Машина выведена. Ильич торжествующе садится и терпеливо ждет, посмеиваясь над сборами растерявшихся Надежды Константиновны и Марии Ильиничны. Ну, вот все готовы. Поехали. Мария Ильинична шепчет мне на ухо: «Скажите Рябову, чтобы он свернул на дорогу, по которой ездим в лес за грибами». Сказал. Повернули. Момент для этого маневра был очень удобный: Владимир Ильич оглянулся назад, на идущую с К. Зорькой машину, и сразу не заметил поворота. Но не проехали мы и 10 сажен, как наше плутовство было открыто. Властный жест – остановить. Владимир Ильич указывает направление...

Улыбается, несколько волнуется, тормозит меня и указывает на шофера: «Велите ехать скорее». Его веселый вид заражает постепенно и Надежду Константиновну и Марию Ильиничну, которые сначала были очень взволнованы этой поездкой.

Действительно – Кремль, Москва, Совнарком – есть чему волноваться. Для Ильича это не развлечение. Но Ильич весел, Ильич доволен, и постепенно все мы начинаем улыбаться и шутить: «Владимир Ильич, а ведь к нам в Горки гости едут...» Ильич смотрит на меня вопросительно. «Владимир Николаевич Розанов едет. Скоро, вероятно, встретимся. Вот будет удивлен!» Мария Ильинична шутливо говорит: «Володя, тебя в Кремль не пустят, у тебя пропуска нет». В ответ – взрыв смеха.

Верстах в 14 от Москвы открывается прекрасный вид. Владимир Ильич в восторге. Он буквально не может усидеть на месте и требует скорее ехать. Версты через три встречается Розанов. Увидев Владимира Ильича, он опешил, растерянно спрашивает: «Куда вы направляетесь?». Объяснили – в Москву. Глаза Ильича искрятся от удовольствия. Приглашает Розанова пересесть в наш автомобиль. Поездка продолжается.

Вот Кремль. Часовой осматривает пропуска у нас, а Ильич сидит, откинувшись в угол автомобиля. Еле заметная улыбка мелькает на его лице – пропуска нет. Часовой наклоняется ближе, чтобы рассмотреть пассажира, не показавшего пропуска. Увидел и отпрянул. Вытянулся в струнку, руку под козырек, и на лице все чувства: удивления, восхищения, почтительности. Проезд свободен.

По приезде Владимир Ильич отдохнул, сидя в кресле, осмотрел подробно квартиру, заглянул в книжные шкафы... На другой день после обеда вторично направился в свой кабинет, но на сей раз не удовлетворился

его осмотром, а повернул в дверь, ведущую из его кабинета в зал заседаний Совнаркома. Зал был пуст: ввиду приезда Владимира Ильича заседания были отменены. Ильич покачал головой. Мне кажется, что он рассчитывал увидеть здесь многих из своих товарищей.

После набега на Совнарком отправился гулять по Кремлю. Маленький эпизод, который на меня произвел очень сильное впечатление. Ильич едет в машине. Из-за угла вывертывается взвод красноармейцев. Вот они поравнялись с Ильичом. Взводный: «Равнение направо!». Красноармейцы оборачиваются к Ильичу. Взводный, подтянувшись, отдает честь...

Это была последняя поездка Владимира Ильича в Москву. Прощальная поездка...

В зимнее время мы устраивали прогулки в саночках, как это только стало возможным. На эти прогулки стали, по требованию Ильича, брать ружье для охоты. Из этих прогулок Мария Ильинична и Надежда Константиновна были «изгнаны»: Владимир Ильич указывал на них рукой... предостерегающим и отрицательным жестом. Я в этом усматривал желание Ильича быть самостоятельным, освободиться от постоянной опеки...

Вся страна верила: произойдет чудо, и Ленин вернется в Совнарком. Но болезнь брала свое...

20 января в 6 часов 30 минут я сменил Н. Попова и получил от него сведения обо всем, что происходило в его дежурство. Он сказал кратко, что обозначились какие-то неопределенные симптомы, беспокоившие его: Владимир Ильич был слабее обычного, был вял и жаловался на глаза – как будто по временам плохо видел. Из Москвы вызвали профессора Авербаха для осмотра зрения Владимира Ильича.

Попов уехал в Москву, я остался. Владимир Ильич сидел в это время у себя в комнате с Надеждой Константиновной, и она читала вслух газету... В 7 часов 45 минут Мария Ильинична сказала мне, что ужин готов и что можно звать Владимира Ильича. За ужином Владимир Ильич почти ничего не ел.

Около 9 часов приехал профессор Авербах. Владимир Ильич, встречавшийся с ним раньше, приветствовал его любезным жестом. Профессор Авербах установил, что зрение прекрасно, что изменений со стороны дна глаза не имеется и что острота зрения та же, что была и прежде.

В 11 часов Владимир Ильич лег спать, и через 15 минут я слышал его ровное дыхание. Спал Владимир Ильич очень спокойно, и думалось, что все обойдется благополучно.

Утром 21-го в 7 часов, как всегда, поднялась Надежда Константиновна. Спросила, как прошла ночь, прислушалась к дыханию Ильича и сказала: «Ну все, по-видимому, хорошо, выпится, и слабость вечерняя пройдет». Около 8 часов подали кофе.

9 часов. Ильич еще спит. У меня и Надежды Константиновны все наготове для того, чтобы дать Ильичу умыться, когда он проснется. Я жду обычного зова, часто заглядываю в комнату, потому что настороженность не улетучилась: Ильич все спит.

Около 10 часов – шорох. Владимир Ильич просыпается. «Что, Владимир Ильич, будете вставать?» Ответ неопределенный. Вижу, что сон его ничуть не подкрепил и что он значительно слабее, нежели был вчера. Сообщил об этом профессорам Ферстеру и Осипову. Тем временем Владимиру Ильичу принесли кофе, и он выпил его в постели. Выпил, несколько оживился, но вставать не стал и скоро опять уснул.

Профессор Ферстер и я не отходили от дверей спальни. Тут же были и Надежда Константиновна, и Мария Ильинична. Все насторожены, но Ильич спит спокойно, так спокойно, так хорошо, что опять пробивается уверенность, что Ильич проснется освеженным и все пойдет по-хорошему. Так хотелось, так думалось, но не так было на самом деле.

В 2 часа 30 минут Ильич проснулся, еще более утомленный, еще более слабый. К нему зашел профессор Осипов, посмотрел пульс и нашел, что это слабость, ничего угрожающего нет.

Мария Ильинична принесла обед. Ильич выпил в постели чашку бульона и полстакана кофе. Принятая пища не оживила Ильича, и он становился все слабее и слабее. Профессор Осипов и профессор Ферстер непосредственно наблюдали за ним.

Около 6 часов у Владимира Ильича начался припадок, судороги сводили все тело. Профессор Ферстер и профессор Осипов не отходили ни на минуту, следили за деятельностью сердца и пульса, а я держал компресс на голове Владимира Ильича. В 6 часов 35 минут я заметил, что температура вдруг поднялась. Я сказал об этом профессору Осипову, и сейчас же поставили термометр.

Без 13 минут 7 я вынул термометр и был ошеломлен – 42,3°. Профессор Осипов и профессор Ферстер сразу даже не поверили этому и сказали, что это ошибка. Но это не было ошибкой – через 3 минуты Владимира Ильича не стало.

Смерть Ленина

**(Из лекции В. П. Осипова, прочитанной 14 марта 1924 г.
в доме Просвещения им. Плеханова)**

...Мне уже не в первый раз приходится рассказывать о болезни покойного Владимира Ильича Ульянова-Ленина, сопровождая это некоторыми личными воспоминаниями из этого периода. Каждый раз я при этом испытываю чувство значительного волнения, вполне понятного и объяснимого. Вы имеете полное представление о том, что это был за человек, как он значительно выделялся из окружающей его массы людей, насколько он был сильной личностью, заставлявшей считаться с собой не только всю Россию, не только Европу, но и весь мир. И, конечно, когда приходится рассказывать о нем мне, наблюдавшему в качестве врача его болезнь, близко находившемуся к нему в течение длинного ряда месяцев, присутствовавшему при его кончине, невольно чувство волнения овладевает мною, – чувство волнения, которое получается при кончине кого бы то ни было, а тем более в связи с кончиной такой исключительной личности, какой является Владимир Ильич Ленин, – человек, который начал когда-то свою политическую работу с так называемого подполья при царском режиме, который испытал тяжелую ссылку, значительная часть жизни которого прошла в эмиграции, который на своих плечах провел такую революцию, как наша, русская, став во главе ее, став во главе правительства. Я не буду касаться его значения как политического деятеля, это не входит в мою задачу, да я бы и не сумел этого сделать достаточно полно. Я коснусь его личности как больного, как человека, с которым мне пришлось встречаться. И это имеет существенное значение, так как каждая черта, каждый лишний штрих имеет значение для всестороннего освещения этого исключительного человека.

Начну с описания его болезни. Я лично познакомился с Владимиром Ильичом в качестве врача в первых числах мая 1923 года и затем почти все время был у него, за исключением очень коротких промежутков. Вся болезнь его может быть разделена на 3 больших периода. Начало первого из них относится к марту 1922 года, второго – к декабрю 22 года и третьего – к марту 23 года. Это деление болезни на 3 периода показывает, что она не текла, непрерывно нарастая, а шла скачками, давая промежутки, во время которых больной оправлялся, чувствовал себя относительно хорошо, а потом она обострялась, процесс развивался дальше, болезнь двигалась вперед. Болезнь, которая была у Владимира Ильича, обыкновенно не начинается внезапно, и нужно допустить, что перед началом заболевания,

которое относится к марту 1922 года, был некоторый подготовительный период времени, когда она еще не принимала таких размеров, которые бы привлекали внимание окружающих и к которым сам больной отнесся бы с известной серьезностью. Поэтому точно установить, с какого именно момента Владимир Ильич заболел, – трудно, но что болезнь началась раньше марта 1922 года – на это есть некоторые доказательства. По крайней мере, люди, близко к нему стоявшие, говорили, что временами Владимир Ильич жаловался на небольшое недомогание, а иногда были и более серьезные признаки, заставлявшие задумываться. Владимир Ильич был страстным охотником, и вот один из тех, кто ездил с ним на охоту, рассказывал, что он иногда на охоте присаживался на пень, начинал растирать правую ногу и на вопрос, что с ним, говорил: «Нога устала, отсидел».

Владимир Ильич был человеком исключительной воли, который ставил свои идейные задачи выше всего и шел к ним неуклонно, жертвуя личными интересами и своим здоровьем, так что вполне понятно, что если он что-нибудь и замечал, то не обращал на это должного внимания и даже скрывал кое-что от окружающих. Но с марта 1922 года начались такие явления, которые привлекли внимание окружающих... Выразились они в том, что у него появились частые припадки, заключающиеся в кратковременной потере сознания с онемением правой стороны тела. Это были мимолетные явления: онемееет правая рука, затем движение восстановится. Во время таких припадков начала расстраиваться речь, то есть после припадка наблюдалось, что в течение нескольких минут он не мог свободно выражать свои мысли. Эти припадки повторялись часто, до 2 раз в неделю, но не были слишком продолжительными – от 20 минут до 2 часов, но не свыше 2 часов. Иногда припадки захватывали его на ходу, и были случаи, что он падал, а затем припадок проходил, через некоторое время восстанавливалась речь, и он продолжал свою деятельность. В этом периоде болезни и были приглашены русские и заграничные профессора, под наблюдением которых Владимир Ильич находился в течение дальнейшего времени. В начале болезни, еще до марта, его иногда навещали отдельные врачи, но признаков тяжелого органического поражения мозга в то время не было обнаружено, и болезненные явления объясняли сильным переутомлением, так как Владимир Ильич, признавая для всех 6– и 8-часовой рабочий день, для себя не признавал срока работы и иногда работал сутки почти напролет. Тогда ему был предписан отдых и выезд из Москвы в деревенскую обстановку. Он переехал в усадьбу Горки (по имени деревни, которая там находится, по Каширскому тракту, в 35

верстах от Москвы), там очень хороший удобный дом, в котором он поселился, отдыхал и лечился. Лечение пошло настолько успешно, что к августу Владимир Ильич был здоров настолько, что уже желал приступить к работе. Припадки прекратились, прошли также тяжелые головные боли, но, тем не менее, ему не было разрешено приступить к занятиям, и только в октябре ему позволили снова вернуться к работе, но с большими ограничениями, в смысле времени. В это время здоровье его было настолько удовлетворительным, что он, не придерживаясь строго предписаний врачей, выступал с большими речами. Насколько он тогда владел речью, видно из того, что в большом заседании Коминтерна он произнес речь на немецком языке, которая продолжалась 1 час 20 минут. Так продолжалось до декабря, после чего наступает новое ухудшение в состоянии его здоровья. Оно выразилось в развитии паралича правой стороны тела. Речь тогда не пострадала, парализованы были правые рука и нога. Через некоторое время паралич уступил лечению, движения улучшились, но полного восстановления движений уже не получилось. Правые рука и нога были в полупарализованном состоянии. Понемногу оправившись, он даже начал работать, но домашним образом, то есть писал статьи, – не сам писал, правая рука у него была в параличе, – но диктуя их стенографистке и секретарше. К февралю 1923 года относятся его последние политические статьи.

С марта наступает третий период заболевания, который выражается в тяжелом параличе правых конечностей и в резком поражении речи. Владимир Ильич должен был слечь в постель: в его распоряжении находилось всего несколько слов, которыми он пользовался; и, не имея возможности выражать свои желания, он должен был прибегать к помощи этих нескольких слов и жестов; речи окружающих он также не мог полностью усваивать. Первый раз я увидел Владимира Ильича в мае 1923 года совместно с другими профессорами. Положение его тогда было настолько тяжело, что возникал вопрос о том, как долго может протянуться болезнь. Нельзя было утверждать, что его состояние улучшится и что он снова оправится. Но крепкая натура больного, заботливый уход и лечебные мероприятия все-таки сделали свое дело. Владимир Ильич начал оправляться настолько, что около 20-х чисел мая оказалось возможным из кремлевской квартиры опять перевезти его в Горки, где рассчитывали на действие хорошего воздуха, покоя и лечения. Он был перевезен со всеми мерами предосторожности в автомобиле, шины которого, для устранения тряски, были насыпаны песком. Перевозка производилась медленно и произошла вполне благополучно. В Горках началось постепенное

оправление, и к концу мая он чувствовал себя уже настолько хорошо, что начал интересоваться восстановлением речи.

Вы понимаете, какое несчастье для такого человека, каким был Владимир Ильич, лишиться способности выражать свои мысли. В таких случаях прибегают к особым упражнениям речи, которые ведутся специалистами этого дела. Тогда же был приглашен из Ленинграда врач, специалист по части речевых упражнений, которого Владимир Ильич встретил радостно и очень заинтересовался этими упражнениями. Они велись регулярно почти в течение месяца и имели успех. К этому времени Владимир Ильич прекрасно мог понимать речь окружающих и даже мог сам повторять слова. Но около 22 июня начинается новое и последнее обострение болезни, которое продолжалось около месяца. У него было в то время состояние возбуждения, были иногда галлюцинации, он страдал бессонницей, лишился аппетита, ему трудно было спокойно лежать в постели, болела голова, и он только тогда несколько успокаивался, когда его в кресле возили по комнате. Это тяжелое состояние продолжалось около месяца.

Во второй половине июля обострение затихло, здоровье снова начало улучшаться, и уже скоро Владимир Ильич мог выезжать в парк около дома, в котором он жил; восстановился сон, улучшился аппетит, он пополнил, чувствовал себя бодрым, появилось хорошее настроение, и, конечно, первое, чем он заинтересовался, – это снова речевые упражнения.

Уход за ним был безукоризненный. Все хозяйственные заботы лежали на его сестре, Марии Ильиничне Ульяновой, а весь уход, так сказать, духовный приняла на себя Надежда Константиновна Крупская, его жена. Эти две женщины жертвовали для него всеми личными интересами и окружали его всевозможными удобствами. Только вот какая разница получилась в смысле речевых упражнений: до этого обострения речевые упражнения производил врач, а здесь Владимир Ильич выразил жестами определенное желание, чтобы речевые упражнения вела Надежда Константиновна. Он, видимо, не хотел, чтобы этот его речевой недостаток видели другие, это было ему неприятно. Надежда Константиновна опытный педагог, но для этих занятий нужно иметь специальные знания. Поэтому мы каждый вечер собирались и давали ей определенную инструкцию, и таким образом под нашим руководством она проводила эти занятия, протекавшие весьма успешно.

Общее улучшение здоровья Владимира Ильича привело к тому, что он начал самостоятельно подниматься по лестнице и спускаться с нее. В доме два этажа, и из первого этажа во второй вела внутренняя лестница в два с

половиной марша, и Владимир Ильич, придерживаясь за перила левой рукой, самостоятельно поднимался и спускался с нее. Паралич правой руки совершенно не поддавался лечению. Затем понемногу перешли к упражнениям в хождении с палкой. Больной довольно быстро освоился с этим и, будучи раньше в состоянии ходить по комнате только опираясь левой рукой на кого-нибудь другого, начал выполнять это самостоятельно, опираясь на палку.

В отношении речи, понимание речи окружающих восстановилось вполне и настолько хорошо, что он заинтересовался содержанием газет; ему прочитывались газеты, передовицы, телеграммы и другие сведения, его интересовавшие; затем, будучи сам газетным работником, он разбирался в содержании газеты; раскрывая газету, он знал, где передовица, где телеграммы, и сразу указывал пальцем, чем он интересуется. Иногда в газетах бывали волнующие статьи, содержание которых Надежда Константиновна избегала ему передавать. Заинтересовавшись каким-нибудь местом, он требовал повторения, а кое-что мог прочитывать сам. Понимание цифр у него сохранилось, и в связи с этим и по рисунку газеты он прекрасно отличал старые газеты от новых. Что же касается произвольной речи, то она была задета сильнее всего; он был в состоянии пользоваться только несколькими словами, но повторять слова он мог, почему в эту сторону и были направлены упражнения, чтобы посредством многократного повторения слов восстановить самостоятельную речь. Сначала дело шло туго. Владимир Ильич мог повторять только односложные слова, а затем стали удаваться двухсложные и даже многосложные; сначала записывали слова, которые он мог повторить, но потом перестали, потому что цифра записанных слов превысила полторы тысячи, и стало ясно, что если он может сказать полторы тысячи слов, то он сможет повторить две, три тысячи и больше.

Начала постепенно восстанавливаться также и способность чтения, которая была утрачена вместе с речью в период обострения болезни в марте 1923 года.

Он мог уже различать буквы и прочитывать некоторые слова; ему показывали для этого рисунки, и при взгляде на них он мог называть изображенные на них предметы и даже произносил фразы. Обыкновенно показывали рисунок с подписью, а затем без подписи, и он называл изображенный на рисунке предмет; он находил также самостоятельно соответствующие изображенному предмету словесные обозначения среди других написанных слов. Были начаты упражнения в письме левой рукой, что, особенно в данном случае, является значительной трудностью, но

Владимиру Ильичу удалось осилить это препятствие, и он мог недурно писать левой рукой – писал буквы и слова и уже хорошо копировал слова.

У вас возникает теперь вопрос, что это за болезнь, которая дает возможность, парализуя правую сторону, понимать то, что говорят, лишает возможности читать, лишает возможности говорить самостоятельно, в то же время сохраняя возможность повторять произносимые слова.

В нашем головном мозгу, как вы знаете, для речи, точно так же как и для движений наших членов, существуют определенные участки, центры, области; в частности, речевые центры находятся в левом полушарии головного мозга, причем, как вам известно, каждое полушарие головного мозга заведует функциями противоположной половины тела.

Развитие паралича конечностей шло у Владимира Ильича соответственно областям расположения двигательных центров в коре головного мозга; на поражение коры указывало и нарушение речи.

Значит, мы должны заключить, что у Владимира Ильича имелось поражение двигательной области левого полушария головного мозга, причем поражение обширное, так как центры ноги и руки занимают две верхние трети передней центральной извилины; но этим дело не ограничивается, так как было еще поражение речи. Когда мы говорим, мы производим известные движения языком, щеками, небом и т. д. Эти речевые движения зависят от работы заднего отдела третьей лобной извилины: если он цел – вы можете говорить вслух, если этот участок разрушен – человек не может произносить слов. Вначале Владимир Ильич не мог произносить слов, потом научился. Очевидно, участок этот был несколько затронут, но до известной степени восстановился; следовательно, мы должны к пораженной области присоединить часть и этого участка.

Дальше, от целостности височной области зависит понимание речи; если височная область будет разрушена, то вы будете слышать звуки, но не будете их понимать, то есть узнавать, оценивать их значение. Владимир Ильич не вполне понимал речь вначале, значит, частичное поражение височной области было, но в общем она была в удовлетворительном состоянии. Владимир Ильич мог повторять слова, то есть когда ему их произносили, то он их понимал и передавал на двигательные центры, ведающие речевыми движениями. Но в то же время он не мог самостоятельно говорить. Что это обозначает? Центр цел, но что то неладное происходит: мыслит человек, думает, когда он что-нибудь хочет, он делает рукой жест, если его мысль угадали – он доволен, мысли его текут, а произнести слов не может.

Значит, от той области, где возникают словесные впечатления и сохраняется память слов, проводники (идущие в виде пучков, которые можно сравнить с электрическими проводами) к другим речевым центрам прерваны, и вот получается, что из центра восприятия слов к двигательному речевому аппарату есть сообщение, а с областью запаса слов, которые держатся в памяти, сообщение прервано. Дальше: человек не может прочесть. Для чтения тоже существуют особые центры, поражение которых лишает человека возможности понимать читаемое. Он видит глазами, но прочесть не может. В этом центре, непосредственно прилежащем к заднему отделу первой височной извилины, тоже было поражение. Также определялось поражение на внутренней стороне левого полушария, – следовательно, поражение левого полушария было весьма обширным, а кроме того, были определенные указания, которые говорили за то, что в правом полушарии тоже должны быть небольшие гнезда поражения.

Болезнь постепенно отходила. Но около половины октября появились некоторые угрожающие симптомы, которые заставляли сильно задумываться. В то время Владимир Ильич настолько хорошо себя чувствовал, что иногда подолгу проводил время на воздухе: пользуясь хорошей погодой, он выезжал в автомобиле кататься в лес; брали с собой кресло и в нем возили больного по лужайкам; он дышал воздухом, отдыхал и возвращался домой. С половины октября начались легкие припадки в виде кратковременной потери сознания, которая продолжалась 15–20 секунд. Сначала они были редкими, раз в три четыре недели, потом участились, причем был один припадок, который сопровождался судорогами. Это являлось указанием на то, что в коре мозга временно возникало состояние раздражения, которое бывает при этой болезни.

20 января Владимир Ильич испытывал общее недомогание, у него был плохой аппетит, вялое настроение, не было охоты заниматься; он был уложен в постель, была предписана легкая диета. Он показывал на свои глаза, очевидно, испытывая неприятное ощущение в глазах. Тогда из Москвы был приглашен глазной врач проф. Авербах, который исследовал его глаза. Исследование глаз имеет очень важное значение при болезнях мозга. Глаз тесно связан с мозгом, и застойные явления или недостаток крови в мозгу тотчас же выражаются изменением наполнения кровью глазного дна. Проф. Авербаха больной встретил очень приветливо и был доволен тем, что, когда исследовалось его зрение при помощи стенных таблиц, он мог самостоятельно называть вслух буквы, что доставляло ему большое удовольствие. Проф. Авербах самым тщательным образом

исследовал состояние глазного дна и ничего болезненного там не обнаружил.

На следующий день это состояние вялости продолжалось, больной оставался в постели. Около 4 часов мы с проф. Ферстером (немецкий профессор из Бреславля, который был приглашен еще в марте 1922 года) пошли к Владимиру Ильичу посмотреть, в каком он состоянии. Мы навещали его утром, днем и вечером, по мере надобности. Выяснилось, что у больного появился аппетит, он захотел поест; разрешено было дать ему бульон. В 6 часов недомогание усилилось, утратилось сознание, и появились судорожные движения в руках и ногах, особенно в правой стороне. Правые конечности были напряжены до того, что нельзя было согнуть ногу в колене, судороги были также и в левой стороне тела. Этот припадок сопровождался резким учащением дыхания и сердечной деятельности. Число дыханий поднялось до 36, а число сердечных сокращений достигло 120–130 в минуту, и появился один очень угрожающий симптом, который заключается в нарушении правильности дыхательного ритма; это мозговой тип дыхания, очень опасный, почти всегда указывающий на приближение рокового конца. Конечно, морфий, камфора и все, что могло понадобиться, было приготовлено.

Через некоторое время дыхание выровнялось, число дыханий понизилось до 26, а пульс до 90 и был хорошего наполнения. В это время мы измерили температуру – термометр показал 42,3° – непрерывное судорожное состояние привело к такому резкому повышению температуры; ртуть поднялась настолько, что дальше в термометре не было места.

Судорожное состояние начало ослабевать, и мы уже начали питать некоторую надежду, что припадок закончится благополучно, но ровно в 6 часов 50 минут вдруг наступил резкий прилив крови к лицу, лицо покраснело до багрового цвета, затем последовал глубокий вздох и моментальная смерть. Было применено искусственное дыхание, которое продолжалось 25 минут, но оно ни к каким положительным результатам не привело. Смерть наступила от паралича дыхания и сердца, центры которых находятся в продолговатом мозгу.

На следующий день было произведено бальзамирование тела Владимира Ильича. Бальзамирование производится введением в кровеносную систему, через аорту, дезинфицирующей жидкости, которая состоит из спирта, формалина и некоторых примесей.

Произведенное вслед за бальзамированием вскрытие обнаружило распространенное заболевание сосудов тела, именно артерий. Оно заключалось в развитии атеросклероза.

С возрастом развивается процесс отложения извести в стенках сосудов, которые утрачивают от этого свою эластичность. Но в пожилом возрасте это бывает в легкой степени, сильный склероз развивается уже в старческие годы, а Владимиру Ильичу было всего 53 года, следовательно, этот склероз был у него преждевременным, болезненным, и резче всего он оказался выраженным в сосудах головного мозга. Склероз сосудов выражается не только в том, что стенки плотнеют, он также уменьшает просвет сосудов, и, следовательно, кровь в меньшем количестве притекает к участкам тела. От отложения извести появляются шероховатости на внутренней гладкой поверхности сосудов, а раз там появляются шероховатости, – происходит свертывание крови, образуются свертки, и просвет сосуда суживается. Явления склероза сосудов были особенно резко выражены в мозгу. Одним из самых важных сосудов, питающих мозговые полушария, является артерия Сильвиевой ямки, и вот представьте себе, что закупоривается просвет артерии на уровне ее общего ствола, – тогда все, что питается этой артерией, страдает, начинается явление размягчения мозга; но склероз может захватывать отдельные веточки, тогда будут выпадать из работы отдельные участки мозга. У Владимира Ильича мы должны представить обширную закупорку ветвей, питающих участки, которые были у него поражены. Вскрытие показало, что в этой области была большая киста, то есть пузырь, наполненный жидкостью. Когда размягчается соответственный участок мозга, то погибающая нервная ткань заполняется соединительной, а то, что не заполняется ею, заполняется жидкостью. Поверхность кисты образуется оболочкой, которой покрыт весь мозг. Другие участки оказались просто размягченными.

Выяснилось, что питание правого полушария тоже было недостаточным. Общий ствол левой сонной артерии был до того закупорен, что можно было в просвет его пропустить только щетину. Через такой суженный просвет сосуда шла кровь для этого полушария. Артерия основания мозга, которая дает ветви для питания продолговатого мозга, оказалась тоже закупоренной настолько, что оставался просвет лишь в толщину булавки. Когда у Владимира Ильича развился тяжелый припадок, продолжавшийся 50 минут, сопровождавшийся сильным приливом крови к голове, то наступил момент, когда кровь не могла продвинуться дальше, питание продолговатого мозга прекратилось, и работа его выпала. Это и был момент паралича дыхания и сердца, вызвавшего смерть.

Естественно, возникает вопрос: почему у человека 53 лет, человека очень умеренной жизни, который не пил и не курил, развивается такой болезненный процесс. Ответ на этот вопрос мы находим в

наследственности Владимира Ильича. Его отец умер как раз 53 лет тоже от склероза мозговых сосудов. Мать его, которая умерла значительно позже, под 70 лет, умерла тоже от склероза, но в этом возрасте склероз не удивителен. Наследственное предрасположение отразилось на сыне, у которого развился преждевременный склероз. В связи с этой предрасполагающей причиной целый ряд моментов, которые были в жизни покойного, обострили его болезненное расположение и способствовали развитию склероза; сюда относится усиленная и напряженная мозговая деятельность. А если вы вспомните различного рода потрясения и жизнь Владимира Ильича в сибирской ссылке, тяжелую революцию, во главе которой он стоял и которую вынес на своих плечах, то вы легко представите себе, сколько потрясающих моментов было у этого человека; сколько было чрезмерной, напряженной работы, которая способствовала усилению наследственного склероза. Вот как и чем объясняется его болезнь.

Мозг и сердце Владимира Ильича были переданы в музей имени Ленина на Дмитровке в Москве. Если будете в Москве, то я советую посетить этот музей. Там собрано все, касающееся Владимира Ильича, начиная с рождения и кончая смертью. Там имеются его детские портреты, рукописи, палатка, котелок – вещи, которые были в его распоряжении, когда он скрывался от властей в Финляндии, – одним словом все, что можно было собрать. Туда поступил и его мозг. Вес мозга оказался 1340 граммов, но это вес не полный, так как часть мозга была уничтожена болезнью; он ниже нормы. Средний вес человеческого мозга 1300–1400 граммов. Если себе представить здоровый мозг Владимира Ильича, то, принимая во внимание его сложение, в нем было, вероятно, около 1400 граммов, то есть несколько выше среднего. Здоровые отделы мозга были развиты очень хорошо, что указывает на мощный мозг. И вообще при той степени поражения, которая была, нужно удивляться, как его мозг работал в этом состоянии, и надо полагать, что другой больной на его месте уже давно был бы не таким, каким был Владимир Ильич во время своей тяжелой болезни.

Теперь я поделюсь с вами некоторыми впечатлениями от этого замечательного человека. Вы все много слышали о нем, читали и представляете себе, какая это выдающаяся личность; с политической стороны, как уже было сказано, я его характеризовать не буду, а коснусь некоторых черт, с которыми мне пришлось познакомиться во время его болезни. Надо сказать, что история болезни Владимира Ильича велась чрезвычайно тщательно. Она составила обширный том в 400 страниц. Там

прослежено все заболевание не только по неделям, но по дням и даже по часам до мелких подробностей включительно. Насколько это был исключительно крупный политический и общественный деятель в жизни, настолько же он оказался необычайно терпеливым, необычайно крупным духовно человеком и в болезни, здраво и трезво смотревшим на свое болезненное состояние. Уже в начале болезни, когда тяжесть заболевания, может быть, еще не вполне отчетливо сознавалась некоторыми, он смотрел на свое будущее скептически, по крайней мере на утешения, которые ему подавали врачи, говоря, что все пройдет, вы поправитесь, он безнадежно махал рукой и говорил: «Нет, я чувствую, что это очень серьезно и вряд ли поправимо»; и убедился в этом, по-видимому, прочно, когда парализовалась рука. Он был очень внимателен к каждому, кто приходил к нему с помощью, и всегда до мелочей заботился о тех лицах, которым приходилось с ним соприкасаться. На свое болезненное состояние он продолжал смотреть скептически и в дальнейшем. Например, в то время, когда летом в Горках наступило улучшение, когда он начал ходить по лестнице, я говорил ему: «Владимир Ильич, посмотрите, ваше здоровье улучшается, вы ходите, гуляете, ездите кататься». Видимо, это было ему приятно, нельзя было оспаривать фактов; он улыбался в ответ и махал рукой, как бы говоря: «Непрочно это», так как было уже 2 периода обострения болезни. В смысле лечебных мероприятий, относясь внимательно к тому, что предписывали врачи, он больше ценил видимые, реальные меры. Он очень охотно подвергался массажу, очень охотно принимал ручные и общие ванны. Дело в том, что у него была контрактура парализованной руки (сгибательное положение), а теплые ванны ослабляли эту контрактуру и болезненность. Но разные внутренние средства он принимал менее охотно, не рассчитывая на то, что они принесут пользу. Он и в болезни был радушным хозяином, приветливо встречающим навещавших его лиц. Правда, частые посещения Владимира Ильича избегались, потому что излишние волнения, тревога и беспокойство могли принести вред его здоровью. Но когда такие посещения бывали – он оживлялся, принимал участие в беседе, знаками указывая, что его интересует, и очень заботливо относился к тем, кто приходил. Если кто-нибудь приезжал из Москвы – он показывал знаками, чтобы его накормили, напоили чаем и т. д.

Я, например, помню один случай, который развеселил окружающих: несколько санитаров дежурили около него с начала болезни и до конца; это были студенты-медики Московского университета, и среди них один молодой врач. Однажды он приезжает из Москвы – это было днем.

Обыкновенно между 4 и 5 часами пили чай. Владимир Ильич сидит в столовой вместе с Надеждой Константиновной. Я часто заходил к ним в эти часы... И вот приезжает молодой санитар. На столе чай, самовар и больше ничего. Владимир Ильич начинает обнаруживать беспокойство, что-то показывает, его не понимают. Санитар подходит и спрашивает: «Может быть, вас повезти в кресле?». Владимир Ильич кивает утвердительно. Садится в кресло, санитар его везет. Владимир Ильич знаками показывает, куда его везти; проезжает коридор, приемную комнату и подъезжает к буфету; показывает на его содержимое, заставляет вынуть все и принести на стол. Владимир Ильич становится веселым, оживленным, поддразнивает Надежду Константиновну за ее недогадливость и угощает всех присутствующих.

Чрезвычайно упорно, до мелочей аккуратно он занимался речевыми и письменными упражнениями. К Надежде Константиновне Владимир Ильич относился удивительно любовно и внимательно до последних дней. Она жертвовала для него всем. День проводился таким образом: утром, после прогулки, они занимались, около часу был обед, затем час на отдых. В это время Надежда Константиновна подготавливала материал для занятий с Владимиром Ильичом, от 2 до 3 часов. По ночам она спала тоже очень мало и подготавливала материал для следующего дня.

Владимир Ильич твердо знал, что Надежда Константиновна после обеда должна отдыхать в своей комнате; она же, шутя, говорила: «Это время – так называемое я сплю». Как-то приходим мы к Владимиру Ильичу, желая устроить ему ручную ванну. Владимир Ильич указывает осторожно на соседнюю дверь – Надежда Константиновна спит, шуметь нельзя... Приносят воду, наливают в сосуд, приходится двигаться по комнате, и все время Владимир Ильич следит, чтобы не было шума, все время улыбается и грозит пальцем, и когда все это было сделано без шума, он был доволен и благодарил нас. Помню, как-то утром, в сырой день он сидит на террасе. Входит Надежда Константиновна. Он смотрит, есть ли на ней галоши, и когда видит, что нет, то сейчас же отправляет ее обратно.

В своем жизненном обиходе он был очень прост. По своему расположению его квартира в Кремле была неважная, было мало света и воздуха... В Горках дом был великолепный, и здесь, пока он был тяжело болен и не мог распоряжаться собой, он лежал в большой комнате; но когда он оправился, то выбрал небольшую комнату в два окна и там жил до самой смерти. Он был необычайно скромен в своих потребностях, начиная от костюма и кончая едой. Каждое лишнее блюдо, которое ему

приготавливали, иногда ввиду диетических соображений, встречал отрицательно и никаких индивидуальных забот о себе не любил. И диета, которую ему назначали, вызывала в нем отрицательное отношение, – исключением быть в этом отношении он не любил, признавая порядок, заведенный для всех.

Два роскошных, комфортабельных кресла, привезенных для него из Англии друзьями, стояли без употребления, и Владимир Ильич был, видимо, очень доволен, когда одно из этих кресел облюбывал себе большой белый кот. Температура в его комнате поддерживалась в 15 °С, – более высокой температуры Владимир Ильич не любил.

Несколько слов об отношении к окружающим, к населению, к крестьянам. Когда Владимир Ильич выезжал на прогулку, он очень приветливо раскланивался со всеми, и нельзя не отметить, что население относилось к нему необыкновенно тепло и приветливо. Например, я не забуду такого случая: в Горках производились большие мелиоративные работы, улучшалась малярийная местность, прорывали дренажные канавы, и работало много землекопов из Калужской губернии. Как-то вечером Владимир Ильич поехал кататься с Марией Ильиничной в автомобиле на Каширский тракт. Я пошел пройтись. Спускаюсь с горы и вижу: навстречу едет автомобиль – Владимир Ильич возвращается обратно. В это время пересекают дорогу два крестьянина: один пожилой, другой молодой. Когда автомобиль поравнялся со мной, я раскланился с сидевшими в нем, а автомобиль замедлил ход, потому что был как раз подъем в гору. В это время вижу, крестьяне остановились, молодой впился глазами во внутренность автомобиля, стоит и смотрит. Только что автомобиль прошел, он обращается ко мне, в голосе надежда и страх разочарования: «Скажите, это Ильич?». Я говорю: «Да, Ильич». Он просиял весь: «Ну, слава богу. В Москве бывал, видел разных, а никогда его не привелось видеть; счастлив теперь, что увидел его». И действительно, была искренняя радость в лице этого человека, и неподдельный страх, когда он боялся, что я отвечу: «Нет». Он думал, что он увидел Ильича, и вдруг бы его догадка оказалась неверной.

Простота его жизни была чрезвычайной, а отношение к окружающим в высшей степени любовное. Если человек живет в описанном болезненном состоянии, то вы можете себе представить, как это мучительно. Часто появлялась мысль о том, как развлечь больного. Ведь если его оставить со своими мыслями, то они направятся на волнующие вопросы – на политику, на мысль о болезни. Он героически переносил свою болезнь, настроение бывало хорошим, но временами он задумывался.

Подойдете и увидите, что он не с вами, где то витает, не обращая внимания на окружающих; в эти моменты иногда вдруг на глазах Владимира Ильича появлялись слезы. Человеку было нелегко. Старались придумывать что-нибудь, привезли небольшой кинематограф из Москвы, показывали разные фильмы, но его, конечно, интересовали только фильмы, касающиеся фабричного быта, организации фабричной жизни и крестьянской. Но если показывали фильмы веселого содержания, он не смотрел на них.

На рождество была устроена елка для местных детей. Их собралось порядочно, дети играли, бегали, шумели. Владимир Ильич принимал очень живое участие в этом, сидя тут же. Возник вопрос, не утомился ли он, не мешают ли ему шум и беготня детей, но он показал, чтобы оставили детей в покое. Опять здесь видна забота о других и меньше всего о себе. До каких мелочей доходила у него заботливость о людях и внимание к ним, видно из следующего примера. Приехал к нему один старый товарищ. Владимир Ильич был очень доволен, очень оживленно беседовал с ним; потом выяснилось, что тот захватил с собой маленькую дочку. Тогда Владимир Ильич выискивает маленькие кукольные туфельки, – надо сказать, что ему присылали различные кустарные изделия, – и вот он вспомнил о них, отыскал и передал для маленькой девочки.

Когда пришел трагический конец Владимира Ильича, то весть об этом тотчас же разнеслась, и дом, в котором жил Ленин, наполнился людьми.

Круглые сутки ходило окрестное население поклониться телу покойного. Когда тело перевозили из Горок в Москву, то вся дорога до станции (версты 2) была одной сплошной процессией. Я уже не говорю о Москве, вы все читали об этом. Когда тело Владимира Ильича уже увезли из Горок – началось длительное паломничество из окрестностей: люди шли посмотреть дом, в котором он жил, комнату, в которой он умер. То, что происходило в Москве, вы знаете. Я только укажу на одно: в Колонном зале, где было выставлено тело, сплошной вереницей шли люди круглые сутки, а дефилирующая делегация мимо гроба, который был выставлен на Красной площади, проходила, по-видимому, больше суток.

Несколько времени тому назад, будучи в Москве, я посетил Мавзолей Ленина – покойный лежит и выглядит так, как если бы он умер накануне.

Вот как окончилась жизнь этого замечательного человека. Его болезнь – это была величайшая трагедия, очень тяжелая трагедия. Это был человек необыкновенного ума, ума аналитического, который мог разбираться не только в окружающих, но и в самом себе. Я сказал, как он относился к своей болезни: он понимал ее тяжесть. И вы представляете себе положение такого человека, который всего достигал своей упорной деятельностью,

своим словом, которое все ценили на вес золота – его партийные товарищи, члены правительства, для которых слово Ленина было законом, – и вдруг этот человек лишился способности говорить. И ведь это продолжалось не неделю, не две, а много месяцев – с марта 1922 года, в течение 11 месяцев продолжалось такое состояние, – глубокая трагедия, которую он переносил с поразительным спокойствием, с поразительным терпением. Это был человек исключительного внутреннего достоинства и человек титанического ума. Недаром его идеи так широко распространились, недаром его сочинениями так интересуются, читают, толкуют, в них стараются найти указания на дальнейшее. И этого человека не стало. Но я думаю, что мы имеем полное основание сказать: «Умер Владимир Ильич Ульянов, но остался жить Ленин», имя и личность которого переходят в историю.

Вскрытие тела Ленина **(Из воспоминаний Н. А. Семашко)**

Посмертное вскрытие всегда является экзаменом для лечащих врачей. Все клиницисты обыкновенно побаиваются вскрытия, которое обнаруживает въявь то, что раньше только предполагалось; патологоанатома обыкновенно называют судьей, «суперарбитром» клиницистов.

Вскрытие тела Владимира Ильича подтвердило в точности те предположения, которые делали врачи при жизни, разве только с одной поправкой: болезненный процесс пошел гораздо дальше, чем предполагалось раньше.

Основой болезни Владимира Ильича считали затвердение стенок сосудов (артериосклероз). Вскрытие подтвердило, что это была основная причина болезни и смерти Владимира Ильича. «Внутренняя сонная артерия» (art. carotis interna) при самом входе в череп оказалась настолько затверделой, что стенки ее при поперечном перерезе не спадались, значительно закрывали просвет, а в некоторых местах настолько были пропитаны известью, что пинцетом ударяли по ним, как по кости.

Если уже основная артерия, при самом своем выходе в череп, так изменилась, то становится понятным, каково было питание всего мозга и каково было состояние других мозговых артерий, ее веточек: они тоже были поражены, одни больше, другие меньше. Например, отдельные веточки артерий, питающие особенно важные центры движения, речи, в

левом полушарии оказались настолько измененными, что представляли собою не трубочки, а шнурки: стенки настолько утолстились, что закрыли совсем просвет. Перебирали каждую артерию, которую клиницисты предполагали измененной, и находили ее или совсем не пропускавшей кровь, или едва пропускавшей.

На всем левом полушарии мозга оказались кисты, то есть размягченные участки мозга; закупоренные сосуды не доставляли к этим участкам крови, питание их нарушалось, происходило размягчение и распадение мозговой ткани.

Такая же киста констатирована была и в правом полушарии.

Склероз обнаружен был и в некоторых других органах: в нисходящей части аорты, на клапанах сердца, отчасти в печени; но степень развития склероза этих органов не могла идти ни в какое сравнение с развитием склероза в артериях мозга; в мозгу он пошел гораздо дальше, вплоть до обызвествления сосудов.

Отчего получился этот склероз?

Прежде всего, почву для него подготовила наследственность: отец Владимира Ильича погиб тоже от склероза и примерно в возрасте Владимира Ильича; мать хотя и дожила до глубокой старости, но тоже болела склерозом. Таким образом, почва для заболевания (ибо склонность к склерозу передается по наследству) была подготовлена.

Но гораздо большую роль сыграли не наследственные, а «приобретенные» причины: склероз поразил прежде всего мозг, то есть тот орган, который выполнял самую напряженную работу за всю жизнь Владимира Ильича; болезнь поражает обыкновенно «наиболее уязвимое место» (*locus minoris resistentiae*), таким «уязвимым» местом у Владимира Ильича был головной мозг: он постоянно был в напряженной работе, он систематически переутомлялся, вся напряженная деятельность и все волнения ударили прежде всего по мозгу.

Самый характер склероза определен в протоколе вскрытия как «*Abnutzungssklerose*», то есть склероз изнашивания, отработки, использования сосудов.

Этим констатированием протокол кладет конец всем предположениям (да и болтовне), которые делались при жизни Владимира Ильича у нас и за границей относительно характера заболевания. Характер артериосклероза теперь ясен и запечатлен в протоколе: «*Abnutzungssklerose*».

Отсюда же понятна и безуспешность лечения: никто не может восстановить эластичности стенки сосудов, особенно если она дошла уже до степени обызвествления, до каменного состояния; не пять и не десять

лет, очевидно, этим болел Владимир Ильич, не обращая должного внимания в начале болезни, когда ее легче было задержать, если не устранить. И когда артерии, одна за другой, отказывались работать, превращаясь в шнурки, нельзя было ничего поделать – они «отработались», «износились», «использовались», претерпели Abnutzung. С такими сосудами мозга жить нельзя. И все клиницисты во время вскрытия удивлялись лишь силе интеллекта Владимира Ильича, который мог с такими поражениями мозга, с западающим левым полушарием, читать газеты, интересоваться событиями, организовывать охоту и т. д. «Другие пациенты, – говорили врачи, – с такими поражениями мозга бывают совершенно неспособны ни к какой умственной работе».

Кровоизлияние в «четверохолмие», которое послужило ближайшей причиной смерти, является, таким образом, не больше как каплей, переполнившей расстройство кровообращения в головном мозгу, толчком, нарушившим и без того неустойчивое равновесие. Кровяное напряжение в мозгу достигло крайней степени, и излившаяся из лопнувшего (опять-таки вследствие перерождения стенок) сосуда кровь привела к непосредственному смертельному исходу.

Таким образом, вскрытие тела Владимира Ильича констатировало «Abnutzungssklerose» как основную причину болезни и смерти; оно показало, что нечеловеческая умственная работа, жизнь в постоянных волнениях и непрерывном беспокойстве привели нашего вождя к преждевременной смерти.

Анатомические изменения мозга Ленина (Из воспоминаний Н. Ф. Мельникова-Разведенкова)

День 21 января 1924 года будет отмечен в истории как бесконечно печальный день, в который трудящиеся мира потеряли в лице В. И. Ленина вождя и друга, творца и вдохновителя первой на земном шаре советской революции, потеряли самоотверженного борца за интересы пролетариата. Теперь, когда наступила физическая смерть В. И. Ленина, выдающегося ученого и мыслителя, мы, его современники и участники в советском строительстве, считаем долгом почтить память защитника обездоленных изучением найденных при вскрытии его тела изменений в мозге и сделаем это на основании новейших данных науки, которую В. И. Ленин ценил и ставил высоко.

Для изучения мы сосредоточим внимание на выяснении

происхождения перерождения в сосудах его мозга с точки зрения физической коллоидальной химии, с одной стороны, корреляции, соотношения внутренней секреции и вегетативной нервной системы, с другой стороны.

Не отрицая наследственного предрасположения к артериосклерозу у Ленина, отец и мать которого страдали этим недугом, – мы ограничимся истолкованием влияния и связи паратипических, приобретенных особенностей жизни и деятельности В. И. Ленина на развитие склероза артерий в том самом мозгу, где зарождались беспримерные в истории человечества гениальные мысли и откуда исходили потрясшие весь мир волевые импульсы. Как предполагают наблюдавшие Ленина врачи, при аутопсии был найден первичный склероз сосудов, так называемый склероз от изнашивания, вызвавший вторично в мозгу размягчение и кровоизлияние. Остальные органы оказались в относительной исправности и могли бы еще послужить, если бы не глубокие изменения в сосудах мозга. Судя по данным вскрытия тела В. И. Ленина, ни о каком другом характере изменений сосудов не может быть и речи, кроме свойственных перерождению их и склерозу, который развивается при преждевременном или старческом изнашивании их. Оно-то и повело к тому, что в момент вскрытия мозг предстал перед присутствовавшими на нем врачами в обезображенном виде, с рубцами, извратившими очертания наиболее благородных в функциональном отношении извилин его.

Первичный склероз сосудов вызвал вторично в мозгу большие разрушения. Краса его – извилины – запали; пострадало серое и белое вещество, окраска изменилась в оранжевую; образовались кисты и очаги размягчения. Дивно художественная картина строения мозга оказалась нарушенной болезненным процессом. Жуткое чувство охватывает, когда читаешь протокол с длинным перечислением в нем изменений почти во всех долях обоих полушарий, преимущественно в левом, там, где заложены центры речи и иннервации правой половины тела. Разрушения в мозгу настолько обширны, что уму непостижимо, как можно было жить с ними. Интерес к изучению мозга Ленина нарастает при мысли, что это мозг гениального человека.

Обратимся к препарату и выслушаем скорбную повесть о том, как его мозг за полтора года из могучего постепенно дошел до состояния анатомического препарата 21 января 1924 года.

Послушаем, что говорит наука патологии о механизме происхождения изменений в мозгу В. И. Ленина.

«Закономерная деятельность, – говорит венский ученый Бауэр, –

определенного физиологического механизма обеспечивается: 1) работой самого непосредственно работающего органа; 2) работой нервной системы; 3) регулирующей деятельностью эндокринного аппарата».

По Бауэру, в этом заключается принцип второго обеспечения, и только правильное представление и правильная оценка этого согласованного сотрудничества непосредственно работающего органа с нервной и гормональной регуляцией делают возможным понимание болезненного процесса в организме В. И. Ленина. Из трех упомянутых факторов у Ленина преобладал первый, автохтонная работа мозга: волевые импульсы (стальная воля) и гениальные мысли зарождались, выковывались в головном мозгу. Ленинская конституция была «церебральная», и мозг был у него развит чрезвычайно. Колоссальное напряжение ума, его феноменальная производительность сопровождалась чрезмерной выработкой мозговых гормонов, их перепроизводством. А повышенная до крайности деятельность мозговых клеток вызывала интенсивный обмен в них. Два других фактора: вегетативная нервная и гормональная системы – не успевали за мозгом, отставали от него. От этого правильное отношение между ними, корреляция, нарушалось и питание подсобной соединительной ткани страдало. Отработанных клеточно-мозговых шлаков накапливалось непропорционально много, и они засаривали соединительнотканную систему, предназначенную для питания мозга. Последняя является посредницей между мозговой клеткой и кровью. Основное ее вещество и волокна представляют коллоидное вещество, способное изменять диффузионно-пропускные свойства, набухать, активизировать поверхностное напряжение и, превращаясь в гель, подвергаться ожирению и обызвествлению. У Ленина в этом отношении дело далеко было от нормы. Его жизнь, полная забот, риска, труда, лишений, его многогранная деятельность, поставившая его на пьедестал мирового колосса, в ряд великих людей, потребовавшая сверхчеловеческого напряжения воли, ума и сердца, вся духовная жизнь вождя мирового пролетариата и выдающегося ученого-экономиста сосредоточилась на ограниченной территории головного мозга весом 1340 граммов. В нем умственная жизнь, энергия была могучим фонтаном и клекотала, как в горниле. Мозг Ленина работал иногда бурным порывом. Такая работа его, функциональная, должна была сопровождаться весьма живым обменом веществ, требовать усиленного притока питательного материала из крови, вызывать функциональную артериальную гиперемия и усиленную работу артерий. И наоборот. Продукты обратного метаморфоза, клеточные шлаки, скопившиеся в громадном количестве, отводились из мозговых клеток в

лимфу через опять-таки соединительную ткань, имеющую коллоидальное строение. Функциональный ацидоз был повышен, а клейдающие волокна, как известно, отличаются кислотособирающими свойствами.

При условии ленинской жизни «внеклеточное», коллоидальное вещество соединительной ткани медленно превращалось из мягкой, богатой водой сильно диспергированной молодой студени в твердый, бедный водой гель. Параллельно с этим менялись и физические и химические свойства: плотность увеличивалась, эластичность уменьшалась, диффузионнопропускная способность падала, сопротивляемость щелочам повышалась. Измененная соединительная ткань представляла слабую коллоидальную защиту для насыщения известковых растворов, вследствие чего создавалось предрасположение к образованию осадков в стенках артерий и кальцинации.

Такова в общих чертах рабочая гипотеза объяснения механизма происхождения перерождения артерий у В. И. Ленина так, как она нам представляется, соответственно его жизни и деятельности.

И действительно, равного Ленину еще не было. По образованию классик 80-х годов и юрист. Блестящие способности. В гимназии только по «логике» – 4, а остальные – 5. Золотая гимназическая медаль. И вот скромный симбирский гимназист В. И. Ульянов силой своего гениального мозга превращается в Ленина, мировую величину, мирового деятеля.

Не мирное и безболезненное житие, а бурная революционная деятельность влекла его к себе. Ученик гениального К. Маркса превзошел учителя осуществлением социальной революции. Отныне его имя сделалось популярным и в хижине индуса, и в юрте эскимоса, и в кибитке кочевника. Все это достигнуто им тяжким путем сверхчеловеческого напряжения воли и ума. Бессмертный дух Ленина воплотился в человеческом теле, правда, на редкость крепком и здоровом, но все же смертном. Между ними оказалось несоответствие: телесная оболочка не выдержала духовного напряжения.

Мозг вышел победителем, но служебная, подсобная, соединительная ткань в нем оказалась несостоятельной, откуда липоидное перерождение, склероз, обызвествление, ломкость, сужение сосудов, – размягчение и кровоизлияние в мозг. Стройность, гармония, закономерность действия мозгового аппарата были нарушены в физическом отношении, принцип «тройного обеспечения» Бауэра не выдержал. Аутохтонная работа мозга задавила вегетативную и гормональную. Не выдержала соединительная ткань, работавшая до отказа, не выдержали артерии, орошавшие кровью мозг Ленина. Более всего пострадало левое полушарие с центром речи. И

это станет понятным, если указать на манеру Ленина писать быстро, много, бурно, иногда ураганным темпом, в тюрьме, в ссылке, и все правой рукой: 20 томов, более 260 названий. И еще понятнее сделается, если вспомним его манеру думать и действовать: его кропотливый, молекулярный, гистологический, групповой метод статистики, с одной стороны, и, наоборот, его гигантские синтетические скачки, с другой стороны.

Бальзамирование тела Ленина (Из воспоминаний В. П. Воробьева)

...История нашего участия в бальзамировке тела тов. Ленина такова. Прочитав в газетах описание первой бальзамировки, произведенной проф. Абрикосовым, я высказал мнение в частной беседе с тов. Жуком, что примененный метод сохранит тело тов. Ленина на очень короткий срок. На его вопрос, есть ли другие способы длительного сохранения тела, я ответил, что таковые есть и что все зависит от того состояния, в котором находится в настоящее время тело.

Тов. Жук предложил немедленно сообщить об этом через тов. Затонского в Москву, на что я, зная величайшую трудность дела, необходимость выполнения целого ряда условий и не осмеливаясь приняться за эту работу, ответил категорическим отказом. Т. Жук, однако, без моего ведома известил об этом тов. Затонского, который послал телеграмму тов. Енукидзе с предложением вызвать меня в Москву.

Еще до получения ответа целый ряд лиц приходил ко мне, убеждал меня переменить свое решение. Мотивы их подействовали на меня, и я сообщил тов. Жуку о своем согласии переехать при условии, если я получу от московского анатома проф. Карузина телеграмму, что тело тов. Ленина находится в таком состоянии, что вторичная бальзамировка является возможной.

До получения известий от Карузина пришла, однако, телеграмма от тов. Енукидзе с предложением немедленно отбыть в Москву. После переговоров с тт. Затонским и Гуревичем я прибыл в Москву вместе с моим помощником доктором Шабадашем и ассистентом кафедры проф. Браунштейна офтальмологом Замковским.

Немедля мы были приняты тов. Красиным, затем тов. Семашко. Вместе с последним мы поверхностно осмотрели тело тов. Ленина. На состоявшемся вслед за тем у тов. Семашко заседании я указал на наличие идущих процессов высыхания и на необходимость принятия

ряда мер, из которых одни являлись паллиативными, а другие мерами радикальными.

Одновременно выяснилось, что о радикальных мерах идут большие споры и что наибольшие шансы имеет способ замораживания с постройкой ряда холодильных камер и камер для поддержания низкой температуры. Затем в ряде заседаний под председательством тт. Молотова, Дзержинского и Красина мое предложение не было поддержано большинством, в силу чего я вернулся обратно в Харьков.

Спустя 3–4 дня в Харьков прибыл тов. Красин, посетил устроенный мной наш учебный музей, осмотрел ряд препаратов с сохранением кожи и предложил мне, по поручению председателя комиссии по увековечению памяти Ленина т. Дзержинского, вновь выехать в Москву. Так состоялась наша вторичная поездка.

Оказалось, что за этот период было решено поручить мне бальзамирование и приняты все поставленные мной условия, которые касались: 4-месячного срока бальзамирования, допуска к производству бальзамирования только лиц, мной указанных, и обязанности представить после окончания бальзамировки тело Ленина в том виде, в каком оно находилось при начале моих работ. Работать мы начали 26 марта, и вся наша работа протекала под наблюдением комиссии, составленной из проф. Розанова, проф. Вейсброда и тов. Красина.

Дело бальзамировки для длительного сохранения тела – весьма трудное, требующее целого ряда технических приспособлений, материальных средств и, конечно, прежде всего абсолютного душевного покоя, так как в каждый момент работы приходилось оценивать ряд явлений, анализировать их, придумывать ряд технических приемов, немедленно изготавливать ряд аппаратов, приборов и т. д.

Мои помощники длительной работы при кафедре были идеально подготовлены к такому труду. Голоса наши были как бы спеты. Всякое распоряжение, даже простое движение, понималось сразу. Неоценимую услугу оказывал нам проф. Збарский, ученик крупнейшего химика Баха, своими анализами химических процессов и физических явлений. Неоднократно советы в трудные моменты давались самим Бахом. Некоторые процессы анализировались крупным физиологом химиком профессором Неубергом, гостившим временно в Москве. Нельзя не отметить особо внимательно-предупредительного отношения главного лица в этом деле т. Дзержинского, его помощника т. Беленького и коменданта Кремля т. Петерсона. Повторяю, только при этих условиях возможно было произвести трудную работу, при абсолютной

напряженности мыслей, при страшном напряжении нервов, при сознании той ответственности, которая легла бы на нас при возможности какой-либо случайности.

Каждый день приносил новые успехи, каждый день завоевывал доверие к нашей работе у наблюдавших за ней лиц. Уверенность в правильности предпринимаемых нами мер основывалась на опыте ряда ученых, на ряде наших работ при приготовлении в течение долгих лет многих препаратов, а также на том, что все приемы, применяемые к телу Ленина, ранее контролировались на отдельных частях различных препаратов, взятых нами в анатомическом театре Московского университета. Работа шла днем и ночью. Наблюдения проводились непрерывно всеми ее участниками. Время, необходимое на ход и завершение одного процесса, тратилось на обсуждение максимально рациональных последующих приемов.

В мае мы имели возможность показать результаты нашей работы XIII съезду партии, а в июне – членам V конгресса Коминтерна. Большим утешением для нас были слова, произнесенные братом т. Ленина. В ответ на мой вопрос: «Как т. Ленин выглядит?» – он ответил: «Я ничего не могу сказать, я сильно взволнован. Он лежит таким, каким я видел его тотчас после смерти...»

Целый ряд анатомов предлагал свои услуги и свое участие в бальзамировке. Нам нужна была консультация, в силу чего в середине бальзамировки был приглашен много проработавший в этом деле профессор Воронежского университета Иосифов, а также в конце бальзамировки была собрана комиссия из профессоров анатомии Ленинградской военно-медицинской академии Тонкова, Ростовского университета – Яцуты и известного патологоанатома, автора способа сохранения препаратов с нормальной окраской Мельникова-Разведенкова.

20 июля, по окончании нашей работы, комиссия экспертов приступила к детальному осмотру тела т. Ленина, определила характер разных тканей: мышц, жира, кожи, состояние полостей и даже, что для нас являлось непредвиденным, особыми методами определила пропитанность бальзамирующими веществами костяка.

Идея, лежащая в самом процессе бальзамировки, была следующая: каждый кирпичик постройки – клетка тела тов. Ленина должна быть пропитана невысыхающими веществами, которые притягивали бы влагу из окружающего воздуха. Такими веществами являлись глицерин и уксуснокислый калий; глицерин никогда не высыхает, уксуснокислый калий особенно жадно притягивает влагу. Поэтому клетка, пропитанная

этими веществами, никогда не может ни загнить, так как глицерин хорошо консервирует, ни высохнуть, если в окружающей среде будет находиться некоторое количество влаги. Процесс пропитывания клеток, из которых построены ткани, а значит, и тело, – процесс медленный. Вот почему нам необходим был четырехмесячный срок.

При помощи методов, выработанных мной в анатомическом институте, о которых говорить здесь не место, высохшие участки кожи были восстановлены до цвета и характера свежей кожи, и, таким образом, все тело оказалось пробальзамированным совершенно равномерно. Тело сохранится на ряд десятилетий.

С мнением комиссии, наблюдавшей за ходом работ, с мнением экспертов мы познакомились в последнем заключительном заседании под председательством т. Дзержинского. Отказавшись отвечать на вопрос, сколько времени может лежать набальзамированное тело т. Ленина, я с моими коллегами искренне обрадовался, заслушав мнение компетентных экспертов, что бальзамировка сохранит тело на ряд десятилетий.

А. Л. Мясников
Смерть Сталина

Репрессии

...В 1930-е годы я работал в Сибири. Мы с женой часто бывали на Алтае. Природа Алтая красива, но сурова. Бесконечны просторы гор и долин (в отличие от стесненного Кавказа, там горы и долины не ограничивают пространства, а только лишь его усложняют, к тому же безлюдность также создает впечатление простора). Хороша трава, сочная, яркая. Забавно сочетание горных видов, напоминающих юг, с флорой Севера. Мы побывали в «чумах» горных алтайцев – конусовидных хижинах с отверстием вверху для дыма, стены из деревьев, наскоро составленных и покрытых сухими сучьями; внутри посередине очаг, по бокам валяется темная грязная одежда, домашняя утварь, спят на сене, покрытом кожами. Алтайцы плохо говорят по-русски и хорошо улыбаются своими широкими скулами. С эстетической и исторической точки зрения, думал я, эта жизнь должна была бы быть сохранена, но с точки зрения социальной она должна быстро сгинуть в мрачное прошлое.

В Чамале мы остановились у А. И. Нестерова – профессора-терапевта из Томска. Он жил тогда летом в Чамале в качестве научного консультанта, как я в Белокурихе. Чамал – красивый климатический курорт. Кругом синие скалы, в серебряную Катунь вливается какой-то другой темный, мощный поток. Алтайские ели и пихты наполняют горный воздух живительным ароматом.

Там – дом отдыха ВЦИК под руководством Е. И. Калининой, прежней жены М. И. Калинина. Профессор Нестеров оживлен и любезен, мы отправляемся верхом на какую-то гору, с вершины которой открывается чудный вид.

Утром перед отъездом я выхожу из флигеля, вижу картину. Н. И. Бухарин, тогда редактор «Известий», только что возвратился с охоты. Он сидит на крыльце в окружении секретарей и председателей различных «комов» и дразнит подбитую красивую птицу – дрофу; та скачет на одной ножке, другая ножка на веревочке. Все подобострастно умиляются. В это время и сам Бухарин, в сущности, уже был подбитой птицей и вертелся на тонкой нити связи с жизнью; скоро и она оборвется...

Для нас, врачей, особенно симптоматичной стала история с Д. Д. Плетневым. Вдруг объявили, что он – профессор-садист. Будто бы на одном из своих частных приемов он укусил в грудь какую-то пациентку. Его сняли с кафедры и подвергли общественному суду. Пострадавшая бросала в его

адрес невероятные обвинения, которые странным образом находили официальную поддержку. Терапевтическое общество поспешно исключило садиста из числа своих членов, а профессор Лурия громил его в газете и в докладах как лжеученого, которым не место в среде честных советских специалистов. «Укушенная» была препротивная немолодая особа. Казалось странным, чтобы такой интересный мужчина, имевший к тому же чудесных поклонниц, мог польститься на эту «рожу» и на ее грязную черствую грудь. Он сам, конечно, отрицал обвинение, но «советская общественность» должна была от него отвернуться.

Через год выяснилось, для чего нужна была вся эта история. Умер Максим Горький. Вскоре было опубликовано сообщение, из которого следовало, что великого русского писателя... отравили лечившие его врачи – Д. Д. Плетнев и Л. Г. Левин. Будто бы они его травили лекарствами – прописывали большие дозы и назначали слишком много лекарств одновременно. Д. Д. Плетнева сослали, а Л. Г. Левина потом расстреляли. Я не поверил фальшивке. Я отказался выступать по поводу врача-отравителя, врача-убийцы. Тогда я имел смелость так поступать (к сожалению, я не знал, что история повторяется, и во второй раз я окажусь более малодушным). Я знал, что Д. Д. Плетнев, как бы он ни относился к советской власти в душе, никогда не мог бы пойти на убийство писателя России, которую он любил (да и писателя если не любил, то уважал). К тому же казалось бессмысленным убивать Горького, не имевшего тогда ни малейшего политического значения. Кроме того, и сама идея, что врач может сознательно убивать пациента, казалась безумной, дикой – и не могла найти отклика в сознании медика. Ссылки на времена Борджиа не были, конечно, убедительными. Чудовищность всей этой истории была ясна и ее авторам, потому и было, очевидно, необходимым еще за год раньше превратить Плетнева в зверя.

Мне известно было, кроме того, одно важное обстоятельство: Плетнев не лечил Горького последние дни его болезни – его лечил Г. Ф. Ланг. Именно Ланг был привлечен по указанию Сталина в Горки и десять дней подряд находился там неотлучно; под его личным наблюдением и проходило лечение М. Горького. К счастью, постановщикам трагедии тогда не нужен был Ланг, на него не распространялся ее сюжет, имя Ланга не фигурировало и на «процессе», как будто его там и не было. Следовательно, Д. Д. Плетнев не несет ответственности даже за ошибочное лечение, даже если допустить, что оно в чем-либо было ошибочным.

Я был свидетелем последующего разгрома как ленинской партии, так и кадров советских специалистов.

Вслед за уничтожением Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова и других очередь дошла и до сообщников. Нашли очаг правобухаринского заговора и в среде партийного и советского начальства в Новосибирске. Заведующий крайздравом Трахман, который так весело за ужином распевал «Моряк был с крейсера «Аврора», он был без страха и позора» и потом играл в преферанс с профессорами, вдруг был арестован. Одновременно арестовали председателя крайисполкома Грядинского и некоторых других видных местных советских работников. Нам сказали, что они предатели.

Вскоре были объявлены выборы в Верховный Совет. Новосибирску предложили выбрать двух депутатов – Эйхе и Антонова. Антонов – командующий Сибирским военным округом – был человек новый, его никто не знал, а потому было за него голосовать просто. Но Эйхе? Эйхе был первый секретарь Западно-Сибирского крайкома. Этот высокий, тощий латыш производил впечатление идейного партийного деятеля; авторитет его был велик, его считали наместником Сталина в Сибири. Роберт Генрихович Эйхе был, нам казалось, честным, нестигаемым ленинцем. Ни о каких уклонах, ни о каких оппозициях его никто никогда не слышал. Лично мне (я неоднократно его смотрел как пациента, старый пневмосклероз) он импонировал, был деликатен, прост, прям. Но Грядинский, Трахман и другие арестованные – это его близкие сотрудники и друзья. Как провести между ними грань? Может ли она быть? Я, правда, не верил в заговоры; уже тогда, как и многие, мы считали, что просто идет расправа Сталина с прежней партией (которая могла мешать ему в укреплении личной диктатуры).

Случаю было угодно поручить мне быть «доверенным лицом» на выборах Эйхе. «Доверенное лицо» – плод той фальшивой демократии выборов, которая установилась в нашей стране (можно сочувствовать идеям коммунизма и всячески работать на благо советского народа, но выборы, или лучше сказать «выбора», – это всеми молчаливо принимаемый универсальный обман, превращение себя в роботов, выбирающих одного... из одного, по команде). Правда, Эйхе знали все новосибирцы. Мы величали его «верным соратником великого Сталина» (бурные, несмолкаемые аплодисменты). Кстати, он был передвинут из кандидатов в члены Политбюро.

Вскоре мы узнали, что наш дорогой избранник уезжает из Сибири, он назначен наркомом (земледелия). И вдруг он – уже не член Политбюро, и не член ЦК. Более того, его вообще нет, исчез, сидит? Говорили, что он застрелился. Как стало известно уже много лет спустя, Эйхе в тюрьме истязали; в письмах к Сталину он говорил об измене в партии, об ужасах, испытываемых в застенках старыми, верными членами партии, взывал о помощи – он не знал, что Сталин не мог помочь ему против самого же Сталина; Эйхе помогли, может быть, лишь тем, что вскоре убили.

* * *

Затем в городе пошли аресты. Инженеры, врачи, ученые, советские служащие. Всем давался для подписи обвинительный акт. Должны были признать себя виновными: одни – в том, что систематически заражали реку Обь холерными и дизентерийными микробами (хотя ни одного случая заболевания холерой не было десятки лет), другие – что они подсыпали яд в молоко, предназначенное для детских яслей, третьи – в том, что заразили скот бруцеллезом, и т. д. и т. п. Фантастичность, нереальность вины не играла никакой роли: к тому же было некогда сочинять что-нибудь более правдоподобное.

Заключенных заставляли по суткам стоять на ногах, потом их били – по щекам, затылку, груди; их обливали ледяной водой. В прострации некоторые подписывали – их отправляли, но не домой, подальше, держали где-то – на работах или в тюрьме, кто знает, ибо потом они умирали. Более стойкие, по крайней мере, некоторые из них, освобождались (без подписи в том, что преступник сознался, процесс не получал формального доказательства, а следовательно, столь же преступные, сколь и трусливые следователи не могли в дальнейшем считать себя в безопасности). Через некоторое время, волею меняющегося вверху начальства, следователи сами переходили в категорию преступников.

Патофизиолог, профессор, милейший и культурный человек Пентман, когда-то работавший у Негели в Германии, был арестован; его обвиняли в том, что он (еврей) – гитлеровский шпион и «готовил чуму в Сибири»; Пентман погиб. Доктор С. С. Кушелевский был также посажен; этот толстяк ничего не подписывал, претерпел все муки и был отпущен тощий, как жердь.

Нет, самая пора уезжать отсюда поскорее, как только можно! Наверно, думали мы, в Москве или в Ленинграде нет этих ужасов, в провинции

утрируют и извращают. К тому времени я получил три приглашения занять кафедры: в Харькове, в Москве и в Ленинграде. Я подал на все три и на все был избран (в Москве это была небольшая клиника МОКИ вскоре закрывавшаяся; в Харькове – клиника пропедевтической терапии, а в Ленинграде – факультетская терапевтическая клиника недавно открывшегося III Медицинского института). Я предпочел поехать восвояси в Ленинград. Мы стали готовиться к отъезду, хотя надо было иметь еще разрешение на отъезд (из Москвы). В Москве в Наркомате здравоохранения отделом медицинского образования ведал И. Д. Страшун. Он, очевидно, был обо мне положительного мнения, а может быть, и директриса III Ленинградского медицинского института Марнус, сестра жены Кирова, была особа не без влияния; так или иначе я получил санкцию на переезд в Ленинград.

«Дело генетиков»

В Ленинграде прошли военные годы. 12 августа 1948 года я с женой переехал в Москву. На платформе Ленинградского вокзала нас встречал профессор Иван Алексеевич Черногоров, замдиректора Института терапии, а также главврач.

Нас отвезли в номер люкс гостиницы «Москва», где мы жили около недели, до окончания ремонта квартиры. К тому времени пришло и имущество. Своя машина была кстати, так как институт тогда оной не имел. Мы объездили родных на дачах в Истре, Николиной горе и т. п.

Москва нам показалась жаркой, по временам проходили прямо тропические ливни; лавина воды катилась по улице Горького к Манежной площади; мужчины и женщины невозмутимо погружались в лужи, молодые женщины и дети разувались и шлепали босиком.

Квартира на Новослободской была получше ленинградской: высокие потолки, хорошая ванная и все такое, но всегда ведь недостает одной комнаты (было четыре, а надо... мало ли сколько, как нам кажется, надо, хотя, в конце концов, придется успокоиться на трехаршинной площади). Развесили в кабинете портреты Рокотова, Боровиковского и Крамского («С. П. Боткин»), антикварные люстры и разместили книги в шкафах, сделанных еще в Новосибирске. Было весело, начиналась новая жизнь. Право, хорошо переменить иногда условия жизни (имею в виду сейчас квартиру или город – можно себе представить, как чувствуют себя при перемене жены или мужа!).

Весною 1949 года мы завели под Москвой дачу – близ деревни Красновидово, на Истре. Возня с постройкой дома, посадкой яблонь и цветов, приятное чувство собственности (родимые пятна капитализма)... Чудесные левитановские места. Тут были немцы, и остались следы стоянки их лазарета (ампулы, склянки), могильные холмики. Правда, через год все это совершенно изгладилось, только по другому берегу поэтической Истры остались кое-где заросшие рвы (окопы).

Участок был получен Президиумом Академии медицинских наук. Конечно, мы ученые, долой обезличку и уравниловку, как это провозгласил товарищ Сталин, но весь период устройства дачи было такое чувство, что мы делаем что-то такое политически, общественно неправильное. Советскому специалисту надо на период трудового отпуска брать путевку в санаторий и там жить в коллективных, государственных условиях, а не

превращаться в частника. Недаром около нашего забора бабы, проходя мимо, озирались неприязненно: «У, советские буржуи, дачи понастроили, на шинах катаются!» Но постепенно это чувство пропало, и дача стала вторым домом (круглый год мы приезжаем сюда в субботу на воскресенье; маленький домик мы разобрали, и к небу вознесся особняк в стиле ампира с колоннами и круглыми сводами окон; есть куда пригласить гостей, в том числе и видных профессоров из-за границы; правда, в колхозной деревне можно и до сих пор видеть покосившиеся подслеповатые хибары, с окнами, частично подбитыми вместо стекол ржавым железом).

Пожалуй, надо было бы, уж если заводить дачу, сделать это на какой-нибудь Николиной горе рядом с вождями – там бы и селились баре, в особо отведенных для них зонах, подальше от глаз трудящихся колхозников. Туда и подъезд лучше, а на нашу первые годы мы осенью или весной нередко и попасть-то не могли: по проселочной дороге, вбок от Волоколамского шоссе, на колеса машины надо было надевать цепи и периодически выталкивать машину из грязи.

* * *

Служебные дела мои в Москве сразу оказались многочисленными и сложными. Кроме Института терапии, я получил еще Госпитальную терапевтическую клинику I МОЛМИ. Возглавлял ее к моему приезду старый и уже почти слепой (глаукома) Д. А. Бурмин. После моего избрания он сохранил за собой право приходить раз в неделю в клинику; он раздевался в бывшем своем (ныне моем) кабинете и усаживался в библиотеке, в которой я проводил клинические конференции. Д. А. молча слушал мои разглагольствования, после конференции благодарил меня за интересный разбор больных и прощался. Кажется, через год он заболел, а через два – умер.

Фактически заведовал клиникой до моего приезда Б. Б. Коган. Этот самовлюбленный человек меня на первых порах встретил все же хорошо. Я даже был у него на даче (он был консультантом Барвихи и летом жил там); мы были знакомы еще в студенческое время. Этот старый член партии, участник Гражданской войны, считал себя законным претендентом на заведование той клиники, в которой работал многие последние годы, – и тут вдруг явился я, да еще сразу занявший две важные академические должности. Б. Б. – автор довольно известной монографии о бронхиальной астме и вообще активный литератор от медицины, много пишет статей и

всюду заявляет свои доклады. Апломб этого непризнанного гения, его распухшее в виде злокачественной опухоли «я» сочетается с настроениями обиды незаслуженно оттираемого подлинного советского ученого. В коллективе его не любят; он со всеми ссорится. Министр Е. И. Смирнов говорил мне: «Да что ты с ним деликатничаешь? Выгони – пошлем на периферию». Но этого я не умел и не умею.

Зато другие сотрудники по клинике оказались симпатичными людьми. Доцент И. И. Сперанский составлял докторскую диссертацию о каком-то микрококке как возбудителе ревматизма. Микрококк ему пригодился, чтобы считаться доктором медицинских наук, хотя сам микрококк после диссертации лопнул как мыльный пузырь (да и то сказать: мало ли мыльных пузырей сверкало и лопалось на наших глазах в области медицины?).

Два почтенных ассистента клиники, Бургман и Яковлев, довольно быстро изволили умереть, один – от инфаркта, другой – от рака желудка. Оба были на редкость приятные и умные люди. Бургман был одновременно и главным врачом клинической больницы I МОЛМИ – сдержанный, культурный человек. Ф. И. Яковлев был по натуре артист, чудесно читал Чехова, любил русскую литературу (ученик Плетнева); свой рак он носил невозмутимо, до конца был склонен к шутке. Оперировал его Юдин, и неудачно (хирурги – хвастуны, такой-то процент успеха, столько-то лет жизни после операции, а в действительности знакомым, на которых обрушивалось это ужасное заболевание, хирурги обычно лишь способствовали быстрой гибели).

Е. В. Чернышева, строгая, но справедливая женщина, занималась пункцией печени. В летнее каникулярное время Е. В. отправляется всей семьей путешествовать: они облазили Кавказ, были на Алтае, ходят сотни верст пешком или плывут в лодке по каким-то неожиданным рекам. Наш рентгенолог Л. С. Матвеева – хороший специалист, красива в прошлом; основа диагностического благополучия клиники.

Говорят, что здоровый, нормальный человек не думает о смерти, но это правильно в отношении молодых. Арифметика лет неумолима. Она математически доказывает, как мало остается жить. Тем более это *memento mori* подкрепляется частыми, все учащающимися примерами из круга сверстников, сотрудников, знакомых. Даже при большом оптимизме, сильной нервной системе невозможно отделаться от постоянного и нарастающего страха смерти – хотя его можно искусно скрывать (даже от самого себя) или смягчать биолого-философскими соображениями. Мне кажется, что главный «козырь» религии – вера в загробную жизнь, – как бы

он ни был глуп сам по себе, создает у верующих освобождение от этого страха.

Правда, в описываемое время, несмотря на смерти кругом, я мало об этом думал. Вокруг шумела молодежь, хорошенькие студентки смотрели на вас лукаво, а иногда вызывающе. Ведь очень важно присутствие в аудитории хотя бы единичных красивых молодых девушек. Лекция читается с большим подъемом, ведешь себя более артистически, а иногда читаешь как бы для одной, стараешься, чтобы она смотрела и слушала, а не болтала с соседом или соседкой. И на обходах в палатах со студентами очень важно, чтобы в группе была какая-нибудь интересная особа и по временам смотреть на ее пышные белокурые волосы и ловить ее взгляд. Все это не более как лечение от старости.

* * *

На сессии АМН в начале 1949 года меня выбрали академиком-секретарем Отделения клинической медицины, и я вошел в Президиум Академии. Президентом тогда был Н. Н. Аничков – известный патолог, автор холестерина теории атеросклероза, ряда других крупных научных исследований, человек весьма авторитетный, известный хорошо в международной медицинской науке. Н. Н. был достойным президентом. Это был к тому же благожелательный, хорошо воспитанный человек, не способный к бестактности или грубости. Иногда он казался слабохарактерным, нерешительным, как бы не имеющим своей точки зрения. Но в ту пору трудно было проводить свою точку зрения и быть решительным; каждый шаг даже в академической жизни надо было «согласовывать и увязывать» с министром (да еще с таким властным фанфароном, как генерал-полковник Е. И. Смирнов), а также с ЦК – с партийными чиновниками, которые не давали ответа сразу, а где-то там советовались (с начальником административного отдела) и потом давали ответ. Прямой провод, правда, давал возможность позвонить Молотову или Ворошилову (тогда они имели на своем попечении вопросы науки и медицины), но по своей скромности и некоторой боязливости беспартийного Н. Н. Аничков избегал прибегать к таким звонкам.

В ту пору с учеными обращались бесцеремонно. Часть ученых уже перебывала в тюрьмах и ссылках (например, бактериологи, которых систематически зажимали в 1933–1936 годы, предъявляя им фантастические обвинения; как-то один из наших блестящих

бактериологов, Л. А. Зильбер, сидевший три раза по обвинениям, по которым его надо было каждый раз расстреливать, рассказывал мне, что он спасся только решительными грубыми ответами, которые он давал следователю: «Ведь ты чушь, подписать которую вы мне даете, потом откроют – лошади, и те будут ржать от смеха и презрения по вашему адресу»).

Другая часть ученых была интернирована – работала, как в плену (и надо сказать, ей страна обязана многими замечательными достижениями в физике и технике). Про существовавших на свободе можно было сказать: может быть, только кажется, что они существуют. Поэтому и неудивительно, что Аничков, как и Президиум Академии в целом, были тогда в трудном положении.

Мы должны были, например, терпеть поток различных изобретателей-новаторов. Новатор – обычно безграмотный человек, отчасти нахал, отчасти истерик, цель его – прославиться и получить выгодную должность. Одни новаторы предлагают методы исследования, другие – способы лечения, третьи – теории. Часть методов исследования – прямой плагиат из иностранных источников, благо связь с западным миром почти прервана, журналы доступны немногим. Ведь даже цитировать иностранных авторов не полагалось: да редакция их имена все равно должна была вычеркивать, так как советская наука – передовая, первая в мире, и только несоветский человек может «преклоняться перед заграницей». Даже название некоторых диагностических признаков или методик стали «русифицироваться». Точку Эрба для выслушивания аортального диастолического шума переименовали в точку Боткина (который, ссылаясь на Эрба, указывал на ее значение); симптом Битторфа стал симптомом Тушинского, хотя сам Михаил Дмитриевич, ссылавшийся в своих работах на этот симптом как на симптом Битторфа, и не думал, конечно, его открытие приписывать себе. Появился «симптом Кончаловского», хотя это был признак, хорошо и всюду известный как симптом Румпель-Леде, и т. д. и т. п. Словом, наступила полоса «мокроступов» и «земленаук» – с той разницей, что шла не игра в переименование терминов на русский язык, а беззастенчивое ограбление интернациональной науки и воровское приписывание ее открытий отечественным ученым (конечно, без их согласия), своего рода шантаж под флагом патриотизма.

Еще до моего переезда в Москву разразилась история с открытием препарата от рака Ключевой и Роскина. Ключева – хорошенькая женщина, талантливый микробиолог; ее доклад на Ревматологическом международном конгрессе на тему о стрептококковой этиологии болезни,

сделанный к тому же на хорошем французском языке интересной молодой особой, отлично одетой и обутой, запомнили все присутствовавшие. Роскин – красивый мужчина, брюнет, похож больше не на ученого, а на актера или раввина, также профессор. Их препарат якобы приводил к обратному развитию ряда опухолей у мелких животных. Клиническая проверка была предпринята некоторыми онкологами-хирургами, в том числе моим однокурсником Нисневичем, бородачом Святухиным и прочими сомнительными личностями. Было объявлено, что новый препарат излечивает рак. Имена ученых-новаторов попали в официальные партийные документы. Средство должно было прославить советскую науку, страну социализма, Оно не должно было быть преждевременно передано за границу. И вот академик-секретарь Академии и бывший замминистра здравоохранения по науке профессор В. В. Парин во время своего пребывания в Соединенных Штатах сообщил об этом открытии на научном собрании. Он желал, конечно, блеснуть успехами советской науки (из патриотизма). По приезде сразу с аэродрома Парин был доставлен в Кремль, и сам Сталин заявил ему: «За сколько сребреников вы продали Родину?» После чего Парина прямо отвезли на Лубянку. Он сидел во Владимирской тюрьме около четырех лет. Конечно, всем было ясно, что Парин не мог, как неспециалист, продать «секрета открытия» (он, правда, получил какую-то небольшую сумму денег в долларах за лекции), да и, как вскоре выяснилось, нечего было продавать, – но осуждающее слово Сталина (а иногда и один грозный его взгляд) в то время было достаточным основанием для уничтожения человека, на каком бы уровне он ни находился и чем бы ни занимался.

* * *

В августе 1948 года, как известно, в Москве состоялась сессия Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук на тему «О положении в биологической науке» с программным докладом Т. Д. Лысенко. Докладчик утверждал, что в биологии имеются две идеологии: реакционное учение вайсманизма-морганизма, отрицающее наследственную передачу приобретенных в течение жизни признаков и объясняющее изменения организмов случайными превращениями «зародышевого вещества» путем самопроизвольных (аутохтонных) мутаций, и учение Мичурина, или «неодарвинизм», по которому приобретенные признаки передаются потомству (если они меняют обмен веществ). Затем в прениях выступило

56 ораторов. Прений, собственно, не было, ибо все знали то, что только в заключительном своем слове преподнес Лысенко: «ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его» (бурные аплодисменты, переходящие в овации, все встают). После чего Жуковский и другие робкие приверженцы классических представлений поспешили пообещать, что они искупят свои вредные заблуждения дальнейшей честной работой.

Следом за этим последовали отзвуки в медицине. Сперва они касались лишь наследственности. Как по указке, мы все стали смазывать роль этого фактора в развитии заболеваний. Болезни суть следствия воздействий внешней среды. И полно, не абстракция ли гены? Монах Мендель, может быть, годится только для гороха. Не напрасно ли И. П. Павлов поставил этому, как он думал, гениальному человеку памятник около своей лаборатории? Это же схоластика; кто их, собственно, видел (ведь только позже увидели гены как абсолютную материальную реальность). Этот обскурантизм казался прогрессивным: с отменой генов и наследственных болезней мы как бы открывали дорогу профилактике этих болезней. К тому же советская медицина должна ставить перед собой исправление наследственных качеств – как в растениеводстве и животноводстве это уже осуществили Лысенко и его ученики.

Е. И. Смирнов, как увлекающийся министр, ночи напролет в своем кабинете рассуждал на эти темы с первым попавшимся профессором, зашедшим к нему на прием (таков был стиль тогда в партийно-правительственных сферах – работать ночами, покуда не отойдет ко сну товарищ Сталин, обычно в 3 часа ночи).

«Реакционность» менделизма-морганизма выводилась якобы из расистских тенденций, которые-де в нем заключены. Отвергая генотипическую предрасположенность, мы как бы очищаем науку от опасности расизма – ведь недаром Гитлер уничтожал «неполноценные расы» и будто бы ввел принудительное скрещивание людей. Собственно, многое в суждениях «мичуринцев» было вполне приемлемым и отвечало взглядам А. А. Остроумова, К. А. Тимирязева да и Дарвина. Но смешение науки с политикой, подозрительность к словам, окрики идеологов привели к тому, что испуганные биологи и медики стали вообще замалчивать все, что касается наследственности, и сократили эти разделы в учебниках и лекциях. Хотя всякий понимал, что сын часто бывает в отца (если не в прохожего молодца), на каждом шагу мы видим у детей носы их родителей, а также их характер, подчас до малейшей черточки.

Мне, по поручению Президиума Академии, пришлось выступить с докладом на специальной сессии по данной проблеме, созданной в

Свердловске. Кажется, я вышел из положения, и мой доклад, напечатанный сразу же в «Клинической медицине», сыграл отрезвляющую роль.

* * *

Вскоре нашу медицину стал нервировать нервизм. А. Д. Сперанский первым решил воспользоваться триумфом Лысенко и возвысить себя как мессию в медицине. Его теория нервной трофики, правда, была уже давно изложена в увлекательно написанной книге и в специальном сборнике; но теперь Сперанский решил возобновить атаки на официальную эклектическую медицину. Его парадоксальные суждения были, конечно, заразительными, в них были и новые идеи. Но в целом теория встретила отпор. Всего больше критиковал А. Д. Сперанского И. В. Давыдовский. Некоторые из нас, клиницистов, также выступали с возражениями. Мне по этому поводу попало от министра, который в то время сразу сделался «сперансистом» и обвинил меня в дуализме и эклектизме (я-де признаю как значение нервной системы, так и гуморальных (гормональных) факторов, но примат-то чей? разве не нервная система контролирует все процессы, совершенствующиеся в нашем организме, в том числе и выработку гормонов? разве не она связывает организм человека с внешней средой – то есть определяет его как существо социальное? и т. д. и т. п.). Сперанский, впрочем, предлагал мне «работать с ним», от чего я тут же отказался. Он тогда имел вид не то Сталина в медицине, не то пьяного Распутина.

...28 июня 1950 года была созвана научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук, посвященная «проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова». Она открывается речью президента Академии наук С. И. Вавилова. Вавилов начинает с цитаты из труда Сталина, относящегося еще к 1906 году: «Сначала изменяются внешние условия, изменяется материальная сторона, а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона». «Эти положения Иосифа Виссарионовича Сталина, – говорил Вавилов, – в самой общей форме предопределяют главный тезис учения Павлова о высшей нервной деятельности. Как бы отвечая на тезис товарища Сталина, Иван Петрович Павлов через много лет...» – продолжает Вавилов и приводит ряд общеизвестных суждений Павлова. Закончил он свою речь словами: «Слава гению Павлова! Да здравствует вождь народов, великий ученый и наш учитель во всех важнейших начинаниях товарищ Сталин!» Те же слова пролепетал и И. П. Разенков, приплел вдобавок еще ссылки на новаторскую

деятельность Мичурина и победу, одержанную Т. Д. Лысенко над вейсманизмом-морганизмом.

Сейчас смешно и противно вспоминать, как почтенные ученые, даже уважаемый президент Академии наук, могли приписывать полубезграмотному семинаристу идеи, предопределившие учение Павлова! Как его схоластику в области языкознания считали образцом научного творчества, великим примером движения науки вперед! Русский человек не знает меры даже в подлости.

«Дело врачей»

Общая обстановка жизни складывалась различно. В международной жизни не ощущалось опасного напряжения; Сталин умел говорить кратко, но веско, строго, но миролюбиво. В экономическом отношении появлялись иногда проблески: например, дважды снижались цены на продукты и некоторые товары. Повсюду строили дома, в том числе, по указанию Сталина, в Москве стали возводиться высотные здания (можно спорить об их архитектуре, находить ее тяжеловесной и аляповатой, но все же эти дома придали приземистой Москве более современный вид).

Плохо было по-прежнему в сельском хозяйстве. Колхозы, по крайней мере в северной полосе Союза, жили бедно. Мы ежедневно бывали на даче и могли видеть «вымирающие деревни» (выражение А. И. Шингарева в дореволюционный период). Для стройки новой дачи мы ездили за 100 верст в какое-то село. Боже, до чего нищими были председатель колхоза и другие жители (еды нет, грязь, скученность)!

Побывали мы (я, ребята и Левик) в Красном Холме – на машине через Тверь (Калинин) и Бежецк. Сама поездка была поэтической: русская природа, церковки, воспоминания детства. Но деревни! Покосившиеся, почерневшие избы, вместо стекол – доски, приусадебных участков нет, нет ни садилов, ни огородов, ни заборов, ни скота. Красный Холм также являл картину запустения и разорения.

Сталин ничего не понимал в сельском хозяйстве, никуда из Кремля не выезжал, всего боялся (очевидно, хорошо отдавал себе отчет в реальности того общего восхищения и той самозабвенной любви, которые, по речам, резолюциям и газетам, к нему питал народ), может быть, он поэтому даже плохо знал обстановку, тем более – под гипнозом победных реляций о выполнении планов и в чаду подхалимажа. Сталин поручал сельское хозяйство то Андрееву, то Хрущеву. Колхозники должны были все сдавать государству, так как их обязательства рассчитывались по фиктивным планам, которые не могли быть реализованными. Налоги с каждой курицы, козы, свиньи, яблони, гряды картофеля душили их. (Хрущев еще ухудшил положение своим нелепым проектом слияния колхозов в крупные объединения – в так называемые агрогорода. Так как при этом должны были объединить и весь скот, то его порезали. Затею, впрочем, вскоре отменили, и следствием ее было только то, что в деревнях не осталось коров и на последующие годы исчезло молоко, а особенно навоз (позже

пришлось ЦК принимать специальные развернутые решения о навозе). Но город, за счет деревни, жил несколько лучше. Недаром туда бежал народ из колхозов, особенно молодежь; вскоре в деревне остались старики и дети да присылаемые по партийной линии руководители, не имевшие ни опыта, ни знания, ни желания сельскохозяйственной работы.)

Сталин торжественно совершил, кажется, лишь одну поездку – в Грузию, где его соплеменники устроили ему триумфальный прием, дрожа за свои шкуры, а его верный помощник великий визирь Берия свел счеты кое с кем. Затем Сталин посетил овеянный победами Черноморский флот, крейсер «Кавказ» (на котором во время войны мы были), снялся с экипажем, усевшись рядом с грузным адмиралом Октябрьским. Грузия все время получала от Сталина отеческую помощь. С приближением смерти человека тянет побывать на родине и вспомнить детство.

* * *

Тяжелые тучи сгущались над интеллигенцией. Как и до войны, все чаще и чаще стали ползти слухи о вредительстве, измене Родине, а особенно об американских и английских шпионах. Потом пошли аресты. Раз опять стали прибегать к арестам (первые годы после войны наступила кратковременная передышка, или так казалось), следовательно, должны были быть причины. Так, арестовали видного биохимика Збарского (и его сына), профессора I МОЛМИ. Он был одним из тех, кто бальзамировал тело Ленина. Одни говорили, что это за то, что он допустил гниение вождя (чего не было). Другие – что он просто английский шпион. Но почему, собственно, ему быть шпионом? Чудная квартира в доме правительства, академическая зарплата, дача, машина. «Разве вы не знаете, что он выдал ряд секретных открытий оборонного значения?» Были люди, которые даже верили в то, что Збарский был просто-напросто спекулянт, скупал золото и валюту и вывозил за границу. Как легко плебею забыть о том, что это был крупнейший, преданный родине ученый, которым надо было гордиться и которого надо было беречь!

Осенью 1952 года разразилась тяжелая для врачей катастрофа. В короткий срок был арестован ряд крупных профессоров, в том числе В. Н. Виноградов. Еще за две недели до того он выступал по поводу своего семидесятилетия и благодарил отца родного Сталина. Одновременно был арестован П. И. Егоров – начальник Главсанупра Кремля, ряд других терапевтов, отоларингологов, невропатологов, в том числе Б. С.

Преображенский (в будущем, как и Виноградов, Герой Социалистического Труда), А. М. Гринштейн с женой Н. А. Поповой (я только что с нею летал в Баку лечить Багирова, местного султана, то есть секретаря ЦК Азербайджана, направо и налево расправлявшегося с неугодными, гноившего в тюрьмах местную интеллигенцию именем Сталина, как его друг, соратник и наместник).

Мой товарищ еще по университету, Мирон Семенович Вовси, талантливый клиницист, генерал, лечивший маршалов, бывший главный терапевт Красной Армии во время Великой Отечественной войны, тактичный, осторожный и преданный Родине человек, действительный член АМН, редактор журнала «Клиническая медицина», был также арестован. Еще накануне, после окончания бюро отделения Клинической медицины в академии, он мне сообщил слухи об аресте врачей, отведя в сторону; вид у Вовси был, естественно, расстроенный – да и я был охвачен тревогой ожидания каких-то грозных событий, нависших над нами. Далее последовали многочисленные аресты врачей в Москве и в других городах, особенно среди евреев.

Затем последовало сногсшибательное официальное сообщение, охватившее всех ужасом. В нем от имени правительства сообщалось, что органами государственной безопасности раскрыта террористическая группа врачей-вредителей. Эта группа ставила своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активных деятелей Советского Союза. Следствием-де было установлено, что жертвами врачей-убийц пали товарищи Жданов и Щербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью товарища Жданова, неправильно диагностировали его заболевание и, скрыв имевшийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный режим и тем самым умертвили Жданова. Неправильным применением сильнодействующих лекарств врачи-убийцы сократили жизнь товарища А. С. Щербакова, доведя его до смерти (читая эти строки, я тогда же вспомнил, что Щербакова лечил Г. Ф. Ланг, но имя его, к счастью, не было названо, – так же, как в свое время – в период «вредительского лечения» А. М. Горького). Следствием-де точно установлено, что подлые убийцы состояли на службе у иностранных разведок и, являясь их наемными платными агентами, вели подрывную террористическую деятельность. Большинство участников террористической группы врачей – Вовси, Гринштейн и другие – были куплены американской разведкой, завербованы ее филиалом – международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт». На следствии Вовси будто бы заявил, что он получил директиву

об истреблении руководящих кадров СССР из США от организации «Джойнт» через врача в Москве Шимелиовича (главного врача Боткинской больницы). Другие участники группы – Виноградов и Егоров – являлись, оказывается, старыми агентами английской разведки и выполняли ее самые гнусные задания. В сообщении еще говорилось, что разоблачение шайки подлецов-врачей явилось «сокрушительным ударом по американо-английским поджигателям войны».

Чудовищный характер «дела врачей», «убийц в белых халатах», естественно, всех взбудоражил. Арестованных, конечно, ждала смертная казнь. От родственников их отшатывались, как от зараженных чумой. Во всех медицинских учреждениях принимались резолюции, клеймившие вечным позором вредителей, осквернивших священное знамя науки, медицины. На заседании президиума мы понуро повторяли официальную версию (один только старик Георгий Нестерович Сперанский сказал, что ему трудно поверить во вредительство Виноградова). Я на заседании Московского терапевтического общества, как оставшийся председателем, должен был также повторить газетное сообщение (хотя в душе ни минуты ему не верил и считал себя поэтому просто трусом, если не подлецом; но ведь в ту минуту сказать, что все это ложь, казалось, значило погибнуть). Я, правда, старался только повторить газетные строки и не высказывать моего личного к ним отношения.

* * *

Какова техническая сторона фабрикации «дела врачей-убийц», я толком не знаю. Метод, принадлежавший «корифею науки» Сталину, применялся уже бесчисленное множество раз, и этот раз отличался лишь скандальным своим характером; вредителями оказались виднейшие врачи, к тому же лечившие самих вождей. Говорили, что началось с разногласий в оценке электрокардиограмм, с жалобы какой-то особы (врача Кремлевской больницы Тимашук) на умышленное небрежение к ее диагнозам со стороны профессоров, оказавшей такую услугу государству (эту дуру наградили орденом Ленина и ввели как почетного члена в состав президиума Московского терапевтического общества). Говорили еще, что была проведена какая-то экспертиза – будто бы изучались записи консультаций в историях болезни и были найдены улики, подтверждавшие версию о неправильном, пагубном лечении. В числе таких экспертов называли даже Куршакова, а также вызванных Сталиным грузин –

профессоров Цинамдзгвришвили и Н. А. Кипшидзе, его однокашников по семинарии, дескать, народ надежный. Достоверно обо всем этом мне лично неизвестно.

Можно, впрочем, себе представить, что в обстановке террора в кабинетах НКВД наши уважаемые профессора могли сделать все, что от них требовалось. Ведь даже и арестованные, как об этом они мне сами рассказывали, опровергали возведенные на них обвинения только первые дни; правда, их били по физиономии и по различным частям тела и ругали как последних негодяев – нервы и не выдерживали. Были и стояния часами перед следователем или сидения все ночи напролет под допросом без сна. В. Н. Виноградов мне говорил, что он подписал обвинительный акт уже после первых допросов, чтобы больше не мучили, – и его оставили в покое, даже книги стали приносить в камеру. Упорство проявил В. Х. Василенко. Арестовали его в поезде в Москву из Китая, где он был на консультации ряда руководящих работников, в том числе Мао Цзэдуна. В Пекине проводили с почетом, а привезли на Лубянку. Василенко стоически выдерживал мучения и так и не подписал свой фантастический обвинительный акт, поэтому он был доведен до последней степени истощения.

Невольно задумываешься над вопросом, кому и зачем нужна была фабрикация именно этого дела? Ведь невыгодно перед всем миром представить положение в стране социализма так, как будто мы вернулись ко времени Борджиа, что видные ученые-врачи на тридцать пятом году революции решили отравить, как крыс, передовых деятелей государства? Вместе с тем было вредным посеять в обществе панику, недоверие к врачам (действительно, положение врачей вообще в эти мрачные месяцы было крайне тяжелым, в каждом из нас видели потенциального убийцу, а в Кремлевской больнице отношение к врачам сопровождалось еще презрением и угрозами). Оговорки, что основная масса врачей, конечно, честно работает и предана государству, действовали несколько успокоительно, но поскольку у больных не могло быть диагностического критерия, каков его врач – честный человек или убийца (ведь и те профессора рядились в личину), моральное положение наше стало скверным. Правда, больные в большинстве своем инстинктивно не слишком поверили правительству и партии. Так, ни в клинике, ни в институте лично мне не приходилось испытывать в это время проявлений недоверия; но мои сотрудники-евреи от этого сильно страдали.

Кстати, дело врачей резко раздуло в нашей стране антисемитизм. Говорили, что «дело врачей» было создано работниками НКВД (по способу,

уже испытанному в период ежовщины) для того, чтобы запугать Сталина, держать его в таком состоянии, чтобы он ценил органы безопасности. История должна выяснить, однако, не было ли обратной картины: может быть, сам Сталин подсказал пустить в ход этот мнимый заговор, как это он делал раньше при инсценировке других сходных процессов. Впрочем, история, как я уже говорил, – плохой судья и всегда лжет в угоду начальству. Тем более, в покойника можно при желании вбить кол любого обвинения, и не потому, что мертвые сраму не имут (очень даже имут), а потому, что иным живым живется только тогда хорошо, когда становится плохо лежать некоторым мертвым (и их даже вытряхивают вон из могил – ибо и могилы могут мешать).

Смерть Сталина

Поздно вечером 2 марта 1953 года к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы. «Я за вами – к больному хозяину». Я быстро простился с женой (неясно, куда попадешь оттуда). Мы заехали на улицу Калинина, там ждали нас еще профессор Н. В. Коновалов (невропатолог) и Е. М. Тареев, и помчались на дачу Сталина в Кунцево (напротив нового университета).

Мы в молчании доехали до ворот: колючие проволоки по обе стороны рва и забора, собаки и полковники, полковники и собаки. Наконец мы в доме (обширном павильоне с просторными комнатами, обставленными широкими тахтами; стены отделаны полированной фанерой). В одной из комнат были уже министр здравоохранения (новый, А. Ф. Третьяков; Е. И. Смирнов был еще в декабре снят в связи с ревизией министерства правительственной комиссией и перешел вновь в военное ведомство на прежнее амплу начальника Военно-санитарного управления), профессор П. Е. Лукомский (главный терапевт Минздрава), Роман Ткачев, Филимонов, Иванов-Незнамов.

Министр рассказал, что в ночь на 2 марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Оказалось, что еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер (из охраны) еще в 3 часа ночи видел его за столом (смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в скважину и увидел Сталина распростертым на полу между столом и диваном. Был он без сознания. Больного положили на диван, на котором он и пролежал в дальнейшем все время. Из Москвы из Кремлевской больницы был вызван врач (Иванов-Незнамов), вскоре приехал Лукомский – и они с утра находились здесь.

Консилиум был прерван появлением Берии и Маленкова (в дальнейшем они всегда приходили и уходили не иначе как вдвоем). Берия обратился к нам со словами о постигшем партию и народ несчастье и выразил уверенность, что мы сделаем все, что в силах медицины. «Имейте в виду, – сказал он, – что партия и правительство вам абсолютно доверяют, и все, что вы найдете нужным предпринимать, с нашей стороны не встретит ничего, кроме полного согласия и помощи».

Эти слова были сказаны, вероятно, в связи с тем, что в это время часть профессоров – «врачи-убийцы» – сидела в тюрьме и ожидала смертной казни. На следующий день было опубликовано первое правительственное сообщение о болезни Сталина, о «привлечении для лечения товарища Сталина лучших медицинских сил – с перечислением наших фамилий и званий; упомянуто было также, что «лечение Сталина проводится под постоянным наблюдением Центрального Комитета КПСС и Советского правительства».

* * *

Сталин лежал грузный; он оказался коротким и толстоватым, обычное грузинское лицо было перекошено, правые конечности лежали как плети. Он тяжело дышал, периодически то тише, то сильнее (дыхание Чейн-Стокса). Кровяное давление – 210 / 110. Мерцательная аритмия. Лейкоцитоз до 17 тысяч. Была высокая температура, 38 с десятыми, в моче – немного белка и красных кровяных телец. При выслушивании и выстукивании сердца особых отклонений не отмечалось, в боковых и передних отделах легких ничего патологического не определялось. Диагноз нам представлялся, слава богу, ясным: кровоизлияние в левом полушарии мозга на почве гипертонии и атеросклероза. Лечение было назначено обильное: введение препаратов камфары, кофеина, строфантина, глюкозы, вдыхание кислорода, пиявки – и профилактически пенициллин (из опасения присоединения инфекции). Порядок лечебных назначений был регламентирован, но в дальнейшем он все больше стал нарушаться за счет укорочения сроков между впрыскиваниями сердечных средств. В дальнейшем, когда пульс стал падать и расстройства дыхания стали угрожающими, кололи через час, а то и чаще.

Весь состав консилиума решил остаться на все время, я позвонил домой. Мы ночевали в соседнем доме. Каждый из нас нес свои часы дежурства у постели больного. Постоянно находился при больном и кто-нибудь из Политбюро ЦК, чаще всего Ворошилов, Каганович, Булганин, Микоян.

Третьего марта утром консилиум должен был дать ответ на вопрос Маленкова о прогнозе. Ответ наш мог быть только отрицательным: смерть неизбежна. Маленков дал нам понять, что он ожидал такого заключения, но тут же заявил, что он надеется, что медицинские мероприятия смогут если не сохранить жизнь, то продлить ее на достаточный срок. Мы поняли, что

речь идет о необходимом фоне для подготовки организации новой власти, а вместе с тем и общественного мнения. Тут же мы составили первый бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина (на 2 часа 4 марта). В нем имелась заключительная фраза: «Проводится ряд терапевтических мероприятий, направленных на восстановление жизненно важных функций организма». Тем самым в осторожной форме выражалась надежда на «восстановление», то есть расчет на некоторое успокоение страны. Тем временем всем членам ЦК и другим руководителям партийных и советских органов был послан вызов срочно прибыть в Москву для обсуждения положения в связи с предстоявшей смертью главы государства.

Болезнь Сталина получила, конечно, широчайший отклик в нашей стране и за рубежом. Но, как говорится, от великого до смешного – один шаг. В медицинских учреждениях – Ученом совете министерства, президиуме Академии, в некоторых институтах – были созваны совещания для обсуждения того, как помочь в лечении Сталина. Вносились предложения о тех или иных мерах, которые предлагалось направлять консилиуму врачей. Для борьбы, например, с гипертонией советовали способы лечения, разработанные в Институте терапии (и мне было смешно читать мне самому направленные мои же рекомендации). Прислали описание метода лекарственного сна, а между тем больной был в глубоком бессознательном состоянии – сопоре, то есть спячке. Профессор Неговский предлагал лечить расстройства дыхания аппаратом искусственного дыхания, разработанным им для спасения утопающих и отравленных угарным газом, – его машины даже втащили в дом, но, увидев больного, автор не стал настаивать на своем методе.

С почтой шли трогательные обращения и письма. В адрес консилиума врачей выражалась вера в спасение жизни гениального вождя, отца и учителя, мольба об этом, изредка с акцентом грозного требования, хотя чаще в духе доверия и уверенности в силу советской медицины. Молодые офицеры и красноармейцы предлагали свою кровь для переливания – всю до капли, и некоторые писали, что, не колеблясь, готовы отдать свое сердце («пусть хирурги вырежут мое молодое сердце и вставят товарищу Сталину»).

Интересно отметить, что до своей болезни, – по-видимому, последние три года, – Сталин не обращался к врачам за медицинской помощью, во всяком случае, так сказал нам начальник Лечсанупра Кремля. За несколько лет до того, на своей даче под Мацестой, Сталин заболел гриппом – у него был Н. А. Кипшидзе (из Тбилиси) и М. М. Шилов, работавший в Бальнеологическом институте в Сочи. Рассказывали, что Сталин был суров

и недоверчив. Он, по-видимому, избегал медицины. В его большой даче в Кунцеве не было даже аптечки с первыми необходимыми средствами; не было, между прочим, даже нитроглицерина – и если бы у него случился припадок грудной жабы, он мог бы умереть от спазма, который мог быть устранен двумя каплями лекарства. Хоть бы сестру завели под видом горничной или врача под видом одного из полковников – все-таки человеку 72 года! С каких пор у него гипертония – тоже никто не знал (и он ее никогда не лечил). Очень милая Светлана, его дочь, интеллигентная и симпатичная молодая жена Ю. А. Жданова (сына Жданова, доцента-химика, заведовавшего отделом науки ЦК), рассказывала, что на ее просьбы показаться врачам «папа отвечал категорическим отказом». Тут же я вспомнил слова, сказанные Сталиным Г. Ф. Лангу, когда тот жил у больного Горького: «Врачи не умеют лечить. Вот у нас в Грузии много крепких столетних стариков, они лечатся сухим вином и надевают теплую бурку».

* * *

Светлана Иосифовна приглашала нас к обеду и ужину и старалась своей простотой и сдержанной любезностью не вносить ни излишней натянутости, ни мрачного молчания. Обедал с нами также К. Е. Ворошилов, показавшийся мне также симпатичным старым папашей, озабоченным болезнью близкого человека.

Сталин дышал тяжело, иногда стонал. Только на один короткий миг, казалось, он осмысленным взглядом обвел окружавших его. Тогда Ворошилов склонился над ним и сказал: «Товарищ Сталин, мы все здесь твои верные друзья и соратники. Как ты себя чувствуешь, дорогой?» Но взгляд уже ничего не выражал, опять сопор. Ночью много раз казалось, что он умирает.

На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы прибыла молодая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт». Переполох! Уже в «деле врачей-убийц» фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства. Теперь, вероятно, мы у праздничка. Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта, а заключения уже известны всему миру. Жаловаться на боли, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи

без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта. Консилиум был в нерешительности. Я первый решил пойти ва-банк: «Электрокардиографические изменения слишком монотонны для инфаркта – во всех отведениях. Это мозговые псевдоинфарктные электрокардиограммы. Мои сотрудники по ВММА получали такие кривые в опытах с закрытой травмой черепа. Возможно, что они могут быть и при инсультах». Невропатологи поддержали: возможно, что они мозговые, во всяком случае, основной диагноз – кровоизлияние в мозг – им достаточно ясен. Несмотря на самоуверенный дискант электрокардиографички, консилиум не признал инфаркта. В диагноз был, впрочем, внесен новый штрих: возможны очаговые кровоизлияния в мышце сердца в связи с тяжелыми сосудодвигательными нарушениями на почве кровоизлияния в базальные ганглии мозга.

Утром пятого у Сталина вдруг появилась рвота кровью; эта рвота привела к упадку пульса, кровяное давление пало. И это явление нас несколько озадачило: как его объяснить? Для поддержки падавшего давления непрерывно вводились различные лекарства. Все участники консилиума толпились вокруг больного и в соседней комнате в тревоге и догадках.

От ЦК дежурил Н. А. Булганин. Я заметил, что он поглядывает на нас подозрительно и, пожалуй, враждебно. Булганин блестел маршалскими звездами на погонах; лицо одутловато, клок волос вперед, бородка – немножко похож на какого-то царя Романова или, может быть, на генерала периода Русско-японской войны. Стоя у дивана, он обратился ко мне: «Профессор Мясников, отчего это у него рвота кровью?» Я ответил: «Возможно, это результат мелких кровоизлияний в стенке желудка сосудистого характера в связи с гипертонией и мозговым инсультом». «Возможно? – передразнил он неприязненно. – А может быть, у него рак желудка, у Сталина? Смотрите, – прибавил он с оттенком угрозы, – а то у вас все сосудистое да сосудистое, а главное-то и про...» (он явно хотел сказать «провороните» или «прошляпите», но спохватился и закончил «пропустите»).

Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневник, составляли бюллетени. Тем временем во втором этаже собирались члены ЦК; члены Политбюро подходили у умирающему, люди рангом ниже смотрели через дверь, не решаясь подходить ближе даже к полумертвому «хозяину». Помню, Н. С. Хрущев, коротенький и пузатый человечек, также держался дверей, во всяком случае, и в это время иерархия соблюдалась: впереди – Маленков и Берия, далее – Ворошилов, потом – Каганович, затем –

Булганин, Микоян. Молотов был нездоров, гриппозная пневмония, но он два-три раза приезжал на короткий срок.

Объяснение желудочно-кишечных кровоизлияний записано в дневнике и вошло в подробный эпикриз, составленный в конце дня, когда больной еще дышал, но смерть ожидалась с часу на час.

Наконец, она наступила – в 9 часов 50 минут вечером 5 марта.

Это был момент, конечно, в высокой степени знаменательный. Как только мы установили, что пульс пропал, дыхание прекратилось и сердце остановилось, в просторную комнату тихо вошли руководящие деятели партии и правительства, дочь Светлана, сын Василий и охрана. Все стояли неподвижно в торжественном молчании долго, я даже не знаю сколько – около 30 минут или дольше. Свершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушел из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а в сущности, в той или иной степени, – и весь мир. Великий диктатор, еще недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут крошить на куски патологоанатомы, а в дальнейшем он будет лежать в виде мумии в мавзолее (впрочем, как оказалось потом, недолго; затем он превратится в прах, как и трупы всех прочих обыкновенных людей). Стоя в молчании, мы думали, вероятно, каждый свое, но общим было ощущение перемен, которые должны, которые не могут не произойти в жизни нашего государства, нашего народа.

В напечатанном на следующий день во всех газетах обращении ЦК, Совета Министров и Верховного Совета СССР было сказано: «Имя Сталина – бесконечно дорого для нашей партии, для советского народа, для трудящихся всего мира. Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее; вместе с Лениным товарищ Сталин был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ Сталин привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в нашей стране. Товарищ Сталин привел нашу страну к победе над фашизмом во второй мировой войне, что коренным образом изменило всю международную обстановку. Товарищ Сталин вооружил партию и весь народ великой и ясной программой строительства коммунизма в СССР... Смерть товарища Сталин, отдавшего всю свою жизнь беззаветному служению великому делу коммунизма, является тягчайшей утратой для партии, трудящихся Советской страны и всего мира... Весть о кончине товарища Сталина глубокой болью отзовется в сердцах рабочих,

колхозников, интеллигентов и всех трудящихся нашей Родины...

Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества».

* * *

6 марта в 11–12 часов дня на Садовой-Триумфальной во флигеле во дворе здания, которое занимает кафедра биохимии I МОЛМИ, состоялось вскрытие тела Сталина. Из состава консилиума присутствовали только я и Лукомский. Были типы из охраны. Вскрывал А. И. Струков, профессор I МОЛМИ, присутствовал Н. Н. Аничков, биохимик профессор С. Р. Мордашев, который должен был бальзамировать труп, патологоанатомы профессора Скворцов, Мигунов, Русаков.

По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились: что с сердцем? откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний), вся слизистая желудка и кишок была усеяна также мелкими геморрагиями. Очаг кровоизлияния в области подкорковых узлов левого полушария был величиной со сливу. Эти процессы явились следствием гипертонической болезни. Артерии головного мозга были сильно поражены атеросклерозом; просвет их был очень резко сужен.

«Результаты патологоанатомического исследования, – было сказано в заключении, – полностью подтверждают диагноз, поставленный профессорами-врачами, лечившими И. В. Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И. В. Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые энергичные меры лечения не могли дать положительного результата и предотвратить роковой исход».

Немного жутко и забавно было видеть, как плавали в тазах с водой вынутые из Сталина внутренности – его кишки с содержимым, его печень... *Sic transit gloria mundi!*..

Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И. В. Сталина, может возбудить вопрос, насколько это заболевание, – несомненно, развившееся на протяжении ряда последних лет, – сказывалось на состоянии Сталина, на его характере, на его поступках. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается рядом нарушений функций нервной системы. Прежде всего, со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе

так называемого дифференцировочного, – легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации в том, что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг.

Параллельно происходит обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать идеи преследования – это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни.

Мне кажется, при оценке известных исторических личностей необходимо не только чисто литературное или психологическое их описание, но анализ с медицинской точки зрения; ведь все они так или иначе болеют, по крайней мере, под конец их жизни, и именно с болезнью может в какой-то степени быть связано их поведение. Полагаю, что жестокость и подозрительность Сталина, боязнь врагов, утрата адекватности в оценке людей и событий, крайнее упрямство – все это создал в известной степени атеросклероз мозговых артерий (вернее, эти черты атеросклероз утрировал). Управлял государством, в сущности, больной человек. Он таил свою болезнь, избегал медицины, боялся ее разоблачений.

Склероз сосудов мозга развивался медленно, на протяжении многих лет. У Сталина были найдены очаги размягчения мозга очень давнего происхождения. Как известно, при этом заболевании умственное восприятие может совершенно не страдать или страдать мало. Поэтому такие старики могут сохранять многие проявления умственной деятельности на должной высоте – другие же стороны психической сферы (особенно эмоциональные реакции) могут сильно меняться.

* * *

Организация похорон была возложена на комиссию под председательством Н. С. Хрущева. Было принято постановление поместить саркофаг с телом Сталина в Мавзолей на Красной площади рядом с саркофагом В. И. Ленина. Теперь мы знаем, что тот же Н. С. Хрущев выставил потом этот саркофаг из мавзолея вон. *Tempora mutantur!*..

Был объявлен траур по всей стране в дни 6, 7, 8 и 9 марта. В Колонном зале Дома Союзов непрерывно проходили москвичи. В почетном карауле у гроба стояли Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. На

созванном экстренном пленуме ЦК они уже распределили себе руководящие посты: Председателем Совета Министров стал Маленков, а его заместителями – Берия, Молотов и Каганович. Председателем Президиума Верховного Совета был назначен Ворошилов. Секретарями ЦК были утверждены Хрущев, Игнатьев, Пospelов, Шаталин. Было признано необходимым, чтобы Хрущев Н. С. сосредоточился на работе в ЦК КПСС, и в связи с этим его освободили от обязанностей первого секретаря Московского комитета КПСС. Действительно, Хрущев быстро «сосредоточился» на работе в ЦК, как показали дальнейшие события, а Маленков, став премьером, упустил важнейший рычаг власти, что в дальнейшем и привело к его краху.

...Подумать только, как тяжело переживали многие граждане смерть Сталина! Сколько искреннего чувства, сколько печали проявили они – несомненно, искренне. Некоторые женщины из рабочих, из членов партии, из комсомола все дни траура плакали. Большинству было, впрочем, все равно. Все люди смертны. Нет Сталина – будет кто-нибудь другой, например Маленков (впрочем, странно, что не Молотов, по совести, должен был быть преемником все же Молотов, а?).

Три или четыре дня по радио передавали траурную музыку. Красивую музыку – Шопена, Бетховена, Чайковского, Баха, Моцарта. Я слушал ее по вечерам. Мне, конечно, не было жалко Сталина, но мне уже тогда было жалко, что так быстро проходит жизнь.

Прошла жизнь, в связи со смертью диктатора и нескольких десятков (или сотен) москвичей: в первый же день после смерти громадные толпы народа двинулись к центру Москвы, к Дому союзов. На Трубной и Неглинной произошла страшная давка, колонны людей столкнулись между собой. Люди падали, их топтали ногами, как в свое время было на Ходынке.

Символична сама параллель. Эта трагическая история была характерным венцом покойнику.

Указатель имен

Абрикосов Алексей Иванович (1875–1955) – патологоанатом, академик, зав. кафедрой патол. анатомии 1 го Московского медицинского института, директор НИИ нормальной и патологической морфологии.

Аванесов Варлаам Александрович (1884–1930) – деятель Советского государства, с 1920 – один из руководителей ВЧК, НК РКИ, ВСНХ.

Авербах Михаил Иосифович (1872–1944) – врач-офтальмолог, академик. Принимал участие в лечении Ленина. Один из организаторов Государственного офтальмологического института им. Гельмгольца (1935 г.).

Авцын Александр Павлович (1908–1993) – патолог и нейроморфолог, директор Института морфологии человека (с 1961 г.).

Арманд Инесса (Елизавета Федоровна) (1874–1920) – деятель Коммунистической партии, с 1909 по 1917 г. в эмиграции, соратник Ленина. После революции член Московского окружного комитета партии, председатель Московского губсовнархоза, зав. женотдела ЦК партии.

Арманд Инна Александровна (1898–1971) – дочь И. Ф. Арманд, в 1921–1923 гг. работала в аппарате Исполкома Коминтерна, в 1923–1930 гг. – сотрудник полпредства СССР в Германии.

Барон Михаил Аркадьевич (1904–1974) – гистолог, член корр. РАМН, зав. каф. гистологии 1 го Московского медицинского института.

Бах Алексей Николаевич (1857–1946) – участник революционного движения в России, народоволец. Биохимик, академик. С 1918 г. – директор Физико-химического института в Москве.

Белякова Таисия Михайловна (1893) – медсестра, в 1923 г. и начале 1924 г. участвовала в лечении В. И. Ленина.

Богданов Петр Алексеевич (1882–1939) – деятель Советского государства, инженер, председатель ВСНХ России (1921–1925).

Боголепов Николай Николаевич (р. 1933) – нейрогистолог, директор НИИ Мозга РАМН, член корр. РАМН.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) – деятель Советского государства. После Октябрьской революции до ноября 1920 г. – управляющий делами СНК РСФСР. Позднее на хозяйственной, издательской и научной работе.

Борхардт Ю. (1868–1948) – немецкий экстраординарный профессор университета, хирург, доктор медицины, тайный медицинский советник,

директор хирургического отделения больницы Моабит в Германии. В 1933 г. эмигрировал из Германии, умер в Аргентине.

Боткин Сергей Петрович (1832–1889) – врач терапевт, с 1861 г. – профессор кафедры терапии Медико хирургической академии в Петербурге, лейб-медик царского двора Александра.

Бумке О. (1877–1950) – профессор, психиатр, работал в Мюнхене, Лейпциге.

Бунак Виктор Валерианович (1891–1979) – антрополог, директор Института антропологии и зав. кафедрой МГУ.

Бурденко Николай Нилович (1876–1946) – академик, главный хирург Советской армии (1941–1946), директор Института нейрохирургии (1934).

Варга Евгений Самуилович (1879–1964) – экономист, академик.

Вейсброд Борис Соломонович (1874–1942) – хирург. В 1918 г. – один из первых врачей, оказавших помощь раненому Ленину. С 1922 г. – главный врач 2-й Градской больницы в Москве.

Воробьев Владимир Петрович (1876–1937) – анатом, зав. кафедрой анатомии Харьковского университета (с 1918 г.), автор «Атласа анатомии человека» в 5 томах. В 1924 г. бальзамировал тело Ленина. Академик АН УССР.

Геншен С. Е. (1847–1930) – шведский профессор, специалист в области заболеваний мозга.

Гетье Федор Александрович (1863–1938) – врач-терапевт, главный врач Басманной, затем основатель и первый главный врач Солдатенковской больницы (ныне им. С. П. Боткина). Главный врач санатория «Химки». Лечащий врач Н. К. Крупской и В. И. Ленина.

Гращенко Николай Иванович (1901–1965) – невролог, академик АМН, 1-й зам. наркома здравоохранения СССР (1937–1939).

Даршкевич Ливерий Осипович (1858–1925) – врач невропатолог, профессор.

Дебов Сергей Сергеевич (1919–1995) – биохимик, академик РАМН, директор НИИ Лаборатории при Мавзолее Ленина (1967–1995).

Дешин Александр Александрович (1869–1945) – анатом, с 1917 г. профессор второго МГУ (с 1930 г. – 2-й Московский медицинский институт).

Ерманский О. А. (Коган) (1886–1941) – социал-демократ, меньшевик, в 1918 г. – член ЦК партии меньшевиков. С 1921 г. на научной работе.

Затонский Владимир Петрович (1888–1938) – в 1918 г. – председатель ВУЦИК, с 1925 г. – секретарь ЦК, с 1927 г. – председатель ЦКК КП(б)У, нарком просвещения Украины.

Збарский Борис Ильич (1885–1954) – биохимик, академик АМН, зав. кафедрой биохимии 1-го Московского медицинского института, участник бальзамирования тела В. И. Ленина.

Збарский Илья Борисович (р. 1913) – биохимик, академик РАМН, работал в Мавзолее с 1934 по 1952 г.

Иванов Георгий Федорович (1893–1956) – анатом, зав. кафедрой анатомии 1-го Московского медицинского института.

Иосифов Гордей Максимович (1870–1933) – профессор анатомии, зав. кафедрой Томского и Воронежского медицинских институтов.

Карпов Лев Яковлевич (1879–1921) – организатор Физико-химического института (1918).

Карузин Петр Иванович (1864–1939) – зав. кафедрой анатомии 1-го Московского медицинского института.

Клемперер Г. (1865–1946) – немецкий врач-терапевт, профессор.

Кожевников А. М. – старший врач-невропатолог нервного отделения Александровской (ныне им. Н. А. Семашко) больницы.

Крамер Василий Васильевич (1876–1935) – врач-невропатолог, профессор, консультант Лечсанупра Кремля.

Красин Леонид Борисович (1870–1926) – деятель Коммунистической партии и Советского государства. С 1920 г. – нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Великобритании (в 1924 – во Франции).

Лаврентьев Борис Иннокентьевич (1892–1944) – гистолог, член корр. АН (1939), зав. кафедрой 2-го Московского медицинского института (1934–1944).

Левин Лев Григорьевич (1870–1938) – врач-терапевт.

Лурье Зиновий Львович – невропатолог, профессор, консультант IV Главного управления Министерства здравоохранения.

Мардашев Сергей Руфович (1906–1974) – биохимик, академик АМН СССР, зав. кафедрой 1-го Московского медицинского института, директор НИИ Лаборатории при Мавзолее Ленина (1952–1962).

Мельников Константин Степанович (1890–1974) – архитектор, автор проекта первого саркофага В. И. Ленина.

Мельников-Разведенков Николай Федотович (1866–1937) – патологоанатом, действительный член Академии наук Украины. В 1920–1925 гг. – ректор Кубанского медицинского института. В 1896 г. разработал способ бальзамирования, примененный Воробьевым и Збарским при бальзамировании тела В. И. Ленина.

Меркуров Сергей Дмитриевич (1881–1952) – скульптор,

действительный член Академии художеств СССР.

Минаков Петр Андреевич (1865–1931) – судебный медик, профессор, с 1900 г. зав. кафедрой судебной медицины Московского университета.

Минковский О. (1858–1931) – немецкий врач-терапевт, основоположник учения о диабете, работал в Бреслау (Бреславль).

Митерев Георгий Андреевич (1900–1977) – с 1939 по 1947 г. нарком (министр) здравоохранения СССР, профессор, зав. кафедрой гигиены 1 го Московского медицинского института.

Нонне М. (1861–1959) – немецкий невропатолог из Гамбурга.

Обух Владимир Александрович (1870–1934) – врач-гигиенист. С 1919 г. – заведующий Московским гор. отделом здравоохранения. Профессор, лечащий врач В. И. Ленина. Инициатор создания (1923) Института гигиены труда и профессиональных заболеваний.

Орбели Леон Абгарович (1882–1958) – физиолог, академик АМН, начальник кафедры ВМА (1925–1950), вице президент АН СССР (1942–1946).

Осипов Виктор Петрович (1871–1947) – психиатр, академик АМН, с 1915 г. – начальник кафедры ВМА, директор Гос. института мозга им. Бехтерева в Санкт Петербурге (1929–1947).

Очкин Алексей Дмитриевич (1886–1952) – профессор-хирург. С 1910 г. работал в Солдатенковской больнице (ныне им. С. П. Боткина), заведовал кафедрой хирургии Центрального института усовершенствования врачей.

Петрашева Мария Макаровна – медсестра, ухаживала за В. И. Лениным во время болезни.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937) – деятель Коммунистической партии и Советского государства, в 1920–1921 гг. – член и секретарь ЦК РКП(б), затем председатель финансового комитета ЦК и СНК, председатель Главпрофобра Наркомпроса.

Розанов Владимир Николаевич (1872–1934) – хирург, с 1910 г. – заведующий хирургическим отделением Солдатенковской больницы (ныне им. С. П. Боткина).

Россолимо Григорий Иванович (1860–1928) – невропатолог, с 1917 г. – заведующий кафедрой в 1-м МГУ, директор клиники и Неврологического института.

Рукавишников Владимир Александрович – фельдшер, участник лечения В. И. Ленина в 1923–1924 гг.

Саркисов Семен Александрович (1895–1971) – нейроморфолог и нейрофизиолог, академик РАМН, директор НИИ Мозга АМН (1938–1968).

Семашко Николай Александрович (1874–1949) – с 1918 по 1930 г. –

народный комиссар здравоохранения РСФСР.

Сперанский Алексей Дмитриевич (1887/88–1961) – патофизиолог, академик АМН, директор Института общей и экспериментальной патологии АМН (1945–1955).

Струков Анатолий Иванович (1901–1988) – патологоанатом, академик РАМН, зав. кафедрой 1 го Московского медицинского института (1953–1972).

Террачини Умберто (1895–1983) – один из основателей и руководителей компартии Италии (1921). В 1921–1924 гг. – член ИККИ.

Тонков Владимир Николаевич (1872–1954) – анатом. С 1917 по 1925 г. – начальник Военно-медицинской академии.

Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943) – младший брат В. И. Ленина, врач. С 1921 г. работал в Наркомате здравоохранения.

Ульянова (Елизарова Ульянова) Анна Ильинична (1864–1935) – старшая сестра Ленина. После Февральской революции член бюро ЦК РСДРП(б), секретарь газеты «Правда». В 1918–1921 гг. работала в Наркомсобесе, Наркомпросе, на научной работе.

Ульянова Мария Ильинична (1878–1937) – сестра Ленина. С 1917 по 1929 гг. – член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда».

Федоров Лев Николаевич (1891–1952) – физиолог, академик АМН, директор Всесоюзного института экспериментальной медицины.

Федосеев Николай Евграфович (1869–1898) – один из первых российских марксистов. Переписывался с В. И. Лениным. Погиб в ссылке.

Ферстер О. (1873–1941) – немецкий невропатолог, психиатр и нейрохирург, работал в Бреслау (Бреславль).

Фотиева Лидия Александровна (1881–1975) – с 1918 г. секретарь Совнаркома, СТО и секретарь Ленина.

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) – с 1918 по 1930 г. – нарком иностранных дел, член ЦК партии в 1925–1930 гг.

Шор Георгий Владимирович (1872–1948) – патологоанатом, профессор 1-го Ленинградского медицинского института.

Штрюмпель А. (1853–1925) – глава немецкой школы невропатологов, крупный специалист по нейросифилису.

Щусев Алексей Викторович (1873–1949) – архитектор, автор многих проектов в Москве, в том числе Мавзолея В. И. Ленина (1924–1930).

Яцута Константин Захарович (1876–1953) – анатом, зав. кафедрой анатомии 2-го Петербургского (1915–1916), затем Ростовского медицинского институтов.